
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 49 ДЕКАБРЬ 1980

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

О ПРОЕКТЕ ЦК КПСС К XXVI СЪЕЗДУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА «ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СССР НА 1981—1985 ГОДЫ И НА ПЕРИОД ДО 1990 ГОДА»

1. Одобрить проект ЦК КПСС к XXVI съезду партии «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года».

2. Опубликовать проект ЦК КПСС «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» 2 декабря 1980 г. для всенародного обсуждения.

3. Провести обсуждение проекта «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» в трудовых коллективах, учебных заведениях, воинских частях, в партийных, профсоюзных и комсомольских организациях, на собраниях актива и пленумах партийных комитетов в районах, городах и округах, на областных, краевых партийных конференциях и съездах компартий союзных республик, в печати, по радио и телевидению, в системе партийной, комсомольской и экономической учебы, а также беседы по месту жительства граждан.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. БРЕЖНЕВ

Р. ГЕОРГИЕВА

27 ноября стартовал к орбитальной станции новый трехместный космический корабль «Союз Т-3». Экипаж в составе командира подполковника Леонида Денисовича Кизима, бортинженера Олега Григорьевича Макарова и космонавта-исследователя Геннадия Михайловича Стрекалова приступил к работе.

Сколько стыковок, перестыковок происходило у причалов станции, и у каждой свой почерк. Юрий Малышев и Владимир Аксенов полгода назад подводили «Союз Т» вручную, а сейчас всю операцию решили доверить автоматике. Работает бортовой вычислительный комплекс. Такого на серийных «Союзах» не было. Он выводит полную информацию обо всем, что происходит, на экраны Центра управления полетом. И точно такую же информацию сейчас видит экипаж на своем дисплее. Пожалуйста, глядите: вот с какой скоростью я веду корабль, вот расстояние до станции, вот как расходуется топливо на корабле. Со стороны кажется, что против старых «Союз Т-3» продвигается как-то менее решительно. «Нет, нет,— возражает Владимир Аксенов,— в бортовой вычислительный комплекс заложен именно такой алгоритм, и системы работают в точном ему соответствии».

Центр подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина. Экипаж космического корабля «Союз Т-3».
На снимке (слева направо): инженер-исследователь Г. М. Стрекалов, бортинженер О. Г. Макаров и командир корабля Л. Д. Кизим.

Фото А. Пушкарева (ТАСС)

ТРОЕ НА ОРБИТЕ

Дальнейшие события поясняют мысль Аксенова. Есть режим при стыковке, когда корабль подойдет к станции и остановится, зависнет. Он берет как бы тайм-аут на размышление перед последней, самой важной операцией. А сейчас «Союз Т-3» неспешно приблизился к станции и без всяких задержек уверенно причалил к «Салюту». Затем прочно, с усилием 20 тонн, соединяется со станцией. Все! Теперь на станции появились три новых хозяина. Тринадцатая по счету экспедиция приступила к исследованиям.

— Привет, ребята, поздравляем!— несется с Земли.— Олег, ты киносвет укрепи резинкой к велосипеду, чтобы телевизионная картинка с борта была хорошая. А подключать,— слышится в эфире знакомый бас,— лучше всего к розетке под душем.

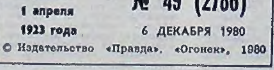
— Валера, это ты? Откуда ты взялся?— кричит в ответ Олег Макаров.

Валерий Рюмин объясняет, что он звонит из санатория, где они с Леней Поповым проводят послеполетный отдых. Не выдержала душа, подумал, хозяйство сложное, да еще за эти полгода они все так перекроили на станции, и помощь их сейчас будет как нельзя кстати. Спасибо связистам — помогли организовать такой необычный радиомост. И пошло обсуждение, для чего такая-то крышечка, где спрятаны запас-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

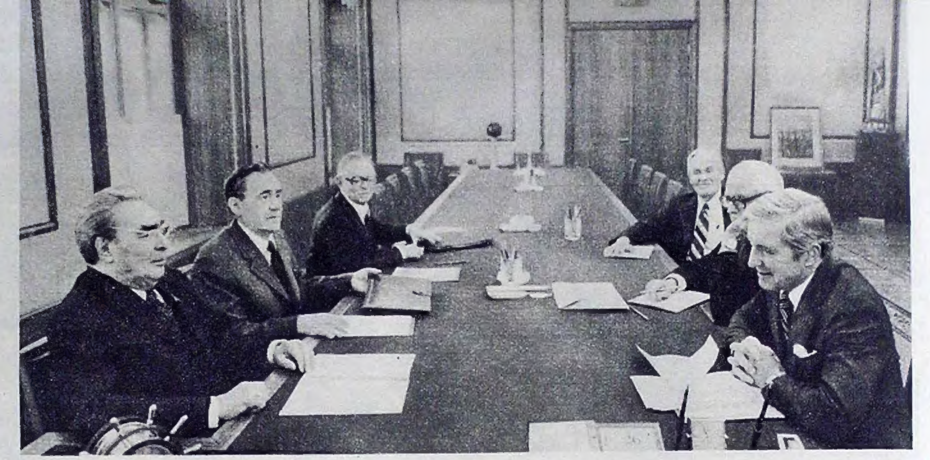
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 49 (2786)

6 ДЕКАБРЯ 1980

Во время беседы. Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ АМЕРИКАНСКОГО СЕНАТОРА Ч. ПЕРСИ

26 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле видного политического деятеля США, сенатора-республиканца Чарльза Перси.

В беседе принял участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

В ходе беседы Л. И. Брежнев обратил внимание на серьезное обострение, которое произошло в советско-американских отношениях, что самым негативным образом отозвалось на общей международной обстановке. На этом фоне к прежним очагам конфликтов в мире прибавились другие, начался новый, не нами затеянный виток гонки вооружений, возросла военная опасность в мире.

Л. И. Брежнев выразил убеждение, что при взаимном желании сторон улучшить положение можно. Для этого необходимо проявить политическую волю, проводить взвешенный, реалистический курс.

Мы не хотели и не хотим ухудшения отношений с Соединенными Штатами, сказал Л. И. Брежнев. Тем более не хотим, чтобы оказалось отброшенным то положительное, что было достигнуто совместными усилиями ранее. Советский Союз — сторонник укрепления и развития отношений с Соединенными Штатами на долговременной основе.

Л. И. Брежнев подчеркнул бесперспективность попыток добиться военного превосходства над СССР. Советский Союз — не та страна, с которой можно разговаривать на такой основе. Единственно надежный путь развития советско-американских отношений — соблюдение принципа равенства и одинаковой безопасности.

В этой связи Л. И. Брежнев отметил важность того, чтобы не создавалось застоя в усилиях сторон по ограничению на взаимной основе стратегических вооружений. Успех этого дела — сердцевина всей международной безопасности.

Существует немало и других важных и актуальных международных проблем, для решения которых Советскому Союзу и Соединенным Штатам нужно найти общий язык. У Советского Союза, заявил Л. И. Брежнев, нет недостатка в готовности вести дело с Соединенными Штатами конструктивно, при взаимном учете законных интересов друг друга. Мы вполне могли бы сотрудничать как равные партнеры, если с американской стороны также будет проявлена готовность к этому.

Сенатор Перси изложил свою оценку международной обстановки и состояния советско-американских отношений. Он высказался за их улучшение, в пользу обсуждения широкого круга вопросов, представляющих взаимный интерес для обеих стран, в целях нахождения соответствующих решений. В этой связи он особо подчеркнул важность продолжения процесса ограничения на взаимной основе стратегических вооружений, важность того, чтобы обеими сторонами были приняты меры с целью не допустить возникновения губительной для человечества ядерной войны.

В беседе, прошедшей в деловой обстановке, участвовали также: с американской стороны — посол США в СССР Т. Уотсон и сопровождавший сенатора Перси в поездке в СССР президент американской компании «Моторола» Р. Гэлвин; с советской стороны — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров.

ные детали, как лучше использовать шланг, помеченный красной изоляцией, а не синей...

— Здесь у вас такой идеальный порядок — ахнешь, в принципе не понимаю, как вы этого добились,— восхищенно бормочет Макаров.

Порядок действительно прежние хозяева любили, хотя и трудно блюсти его в космосе. Например, как-то повредили пластмассовый резервуар с водой для полива растений. Мгновение — и два с лишним литра воды превратились в гигантский шар. Леонид и Валерий нашли решение, хотя и мало приятное, но единственно правильное. Выпили этот водяной шар, ни капельки не осталось. Не дай бог попасть воде на аппаратуру или иллюминаторы! Трудно от нее избавиться в невесомости — физика другая.

Чего только героического, смешного и грустного не видел «Салют» за три года службы на орбите! Когда его проектировали, специалисты вообразить не могли, что их детище окажется таким живучим. Конечно, за эти годы не раз ремонтировали аппаратуру, много приборов заменили на новые. Польза от всех работ, проведенных на «Салюте», окупила расходы, по существу, можно уже было расставаться с ним. Но станция жива, вот только есть некоторые блоки и элементы, у которых кончился ресурс. Их надо менять и таким образом можно продлить станции жизнь и вместе с тем расширить опыт разнообразных технических операций в невесомости. Поэтому-то в новом экипаже два инженера.

Другая, не менее важная задача полета — испытание корабля «Союз Т» в трехместном варианте. Выкроить лишнее место в корабле (он по начинке принципиально новый, но форму и объем сохранил от традиционного «Союза»), не поступившись главным — надежностью, конструкторам было очень непросто. В будущем это место для «узкого» специалиста — врача, астронома, а может, придет время, его займет и журналист.

«Союз Т-3» стал на порядок умнее, это уже и стыковка показала. Но в реальном полете надо еще проверить солнечные батареи. Они вновь появились на корабле, но уже принципиально иные. Интересно, как покажет себя объединенная двигательная установка, она должна быть намного экономичнее по топливу. Автоматики в корабле много, но в то же время убраны ненужные, наносные в каком-то смысле элементы. Вот раньше был автомат, который регулировал температуру. Задашь ему двадцать градусов, так он имеет право на перерегулирование — сначала доведет до 30, а потом будет держать 20, но уже упорно, до новой команды. Сейчас подобные параметры решили менять вручную по необходимости. Это проще и надежнее. Словом, «Союз Т-3» — это результат огромного опыта всех прежних полетов. Новый корабль и по интерьеру своему уже ничем не похож на кабину самолета, а скорее выглядит так, как приучили нас фантасты представлять себе корабли будущего.

Непривычно видеть троих в корабле. По нашим земным представлениям, им, пожалуй, тесновато. В центре — командирское кресло. Сейчас его занимает Леонид Кизим, 48-й советский космонавт.

Есть люди, которые могут жить только одной идеей, не разбрасываясь, не отвлекаясь, все в себе подчиняя ей. Таков Леонид. Сейчас он просто фанатически предан новому кораблю, может рассказывать о машине бесконечно и все в превосходных степенях — какая она умная, замечательная, тонкая; говорит о ней, как о любимой. Но любовь эта трудная... Потребовались годы тяжких усилий, чтобы она стала взаимной.

— Леонид очень много работал,— рассказывал Макаров,— причем если я какую задачу решаю, то выбираю тот минимум информации, который необходим именно для ее решения, а Леню задача так увлекает, что он подчас забывает, что из нее надо выйти. Он ищет все шире, шире, потом, когда его спрашиваешь, зачем ты сюда-то влез, ведь задача этого не требовала, он как-то удивляется, долго на тебя смотрит, а потом отвечает смущенно: «Да, действительно, но это меня очень заинтересовало».

Вот так же беззаветно он мечтал когда-то стать летчиком. В журналах рылся, выискивая, нет ли рецепта, как стать повыше ростом, уж очень был маленьким, самым малорослым из сверстников. В училище дважды поступал: комиссия в первый раз по этой самой причине его не пропустила. Чего только он не делал и действительно вырос на три сантиметра!

Леонид Кизим знает практически все типы самолетов, 1600 часов — таков его налет. Крепкий,

МЕТАМОРФОЗЫ РАЗРЯДКИ

Сергей ЛОСЕВ

Мадридская встреча, которую администрация Картера замышляла превратить в «словесную корриду», приобретает неожиданный для зачинщиков пустопорожней болтовни оборот: многие западноевропейские делегации высказываются за рассмотрение конкретных шагов в сфере военной разрядки на континенте.

Нельзя, конечно, закрывать глаза на то, что в их речах содержится и немало набивших оскомину злобных выпадов — дежурное блюдо в угоду «атлантической солидарности». Но главное все же, пожалуй, озабоченность, проявленная за судьбы разрядки в Европе, стремление продолжать позитивный процесс, начало которому было положено подписанием Хельсинкских соглашений.

Новые мирные инициативы СССР, отражающие чаяния народов не допустить развязывания ядерной войны, встретили широчайшую поддержку в мире со стороны многих политических партий разных направлений, общественных и профсоюзных организаций, государственных и политических деятелей. Западные правительства не в состоянии игнорировать этот бурный прилив антивоенных настроений. К тому же переживаемый всеми странами ЕЭС да и США глубокий экономический спад, инфляция и обострение энергетических трудностей вынуждают заняться взрывоопасными внутренними проблемами.

Так или иначе, на Мадридской встрече представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, из 35 участников дискуссии не менее 25 делегатов прямо говорили о желательности и необходимости созыва конференции по военной разрядке.

Инициатива созыва такой конференции — лишь один из элементов программы упрочения мира, выдвигаемой Советским Союзом совместно с братскими странами социализма. На XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН СССР выдвинул развернутые предложения о прекращении гонки ядерных вооружений и отказе от применения силы, об ограничении и сокращении стратегических вооружений и военных расходов, о предотвращении несанкционированного нападения, укреплении режима нераспространения ядерного оружия, запрещении других средств массового уничтожения, отказе от расширения существующих военно-политических группировок, призвал все государства начиная с 1 января 1981 года не расширять свои вооруженные силы и не увеличивать обычные вооружения.

Мы с пониманием относимся к инициативам всех государств, открывающим перспективные пути в мировой политике в противовес конфронтации, к которой ведут дело агрессивные круги. На недавних советско-финляндских переговорах, например, СССР вновь поддержал выдвинутый президентом У. Кекконеном план превращения Северной Европы в безъядерную зону и выразил готовность стать вместе с другими ядерными державами гарантом статуса этой безъядерной зоны.

Но что же предлагают нынешняя администрация США и блок НАТО? Пока только безудержное наращивание военных расходов, создание все более варварских средств массового уничтожения, формирование интервенционистских «сил быстрого развертывания» с целью подавления права народов на свободное и независимое развитие. Все это для обеспечения глобальной экспансии американского империализма, ради чего и выдвигается имперская претензия, что «нет такого района мира, который выходил бы за пределы сферы интересов США».

На ноябрьской сессии группы ядерного планирования НАТО в Брюсселе Пентагон протащил в коммюнике сессии одобрение авантюристической президентской доктрины № 59, снижающей порог ядерной войны. Однако союзники, видимо, не забыли, что Вашингтон однажды уже обманул их, обязавшись ратифицировать договор ОСВ-2, если только европейские страны НАТО согласятся на размещение 600 новых американских ракет, призванных отвлечь от США угрозу ответного ядерного удара, перенеся ее в какой-то мере на территорию Западной Европы.

«Союзники США,— сетует «Нью-Йорк таймс»,— рассматривают переговоры с Москвой об ОСВ как важный элемент сохранения своей безопасности. Разрядка имеет особый смысл для стран Европы, которые не заинтересованы в ее подрыве».

Эти настроения созвучны советской программе укрепления мира в Европе, предусматривающей сокращение ядерных вооружений, обычного вооружения и принятие мер доверия.

«Кто может возражать против столь закономерной постановки вопроса? Лишь определенные круги, которые, судя по планам размещения американских ракет в Европе и разбуханию военного бюджета США, не отказались от бесперспективных попыток добиться военного превосходства над СССР. Но, как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев в беседе с американским сенатором Ч. Перси, «Советский Союз — не та страна, с которой можно разговаривать на такой основе. Единственно надежный путь развития советско-американских отношений — соблюдение принципа равенства и одинаковой безопасности».

Нелишне напомнить, что администрация Картера начала свою деятельность с порочного поиска односторонних военных преимуществ, но в июне 1979 года — правда, с запозданием — вернулась в Вене к признанию тщательно выверенного военно-стратегического баланса сил США и СССР.

СССР чуждо стремление к достижению военного превосходства. Наши предложения об укреплении европейской безопасности не направлены против США. В упрочении разрядки на континенте, откуда брали свое начало две мировые войны, кровно заинтересованы все народы мира.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

веселый, ладный, доброта у него прямо на лице написана.

А бортинженер совсем иной. Имя Олега Макарова давно и прочно вписано в летопись космонавтики. Работал он еще над первым спутником, уже тогда проявлял дерзость и резкость в суждениях. Говорят, спорил даже с Королевым. Поначалу был бит, но прощен, потому что оказался прав. Дважды побывал в космосе. Работал с Василием Лазаревым в 1973 году на «Союзе-12» и с Владимиром Джанибековым в 1978 году на «Салюте-6». Была еще и авария в космосе: 293 секунды полета и... зависли на склоне ущелья в снегах Алтая. Однако это от космоса его не отвратило.

В противоположность Кизиму добрым по внешнему виду его никак не назовешь. Колючий он. А с журналистами он просто издевательски ядовит. Недоволен он, как пишут о космонавтике, слишком ровненько все выходит. Скучных людей, скучных задач, скучных решений он не любит, в любом очевидном деле решение ищет не очевидное. Там, где Макаров, там все немножечко бурлит. На веру он тоже ничего не принимает. Судите сами. Вот его стенографически точный ответ на вопрос, как ему нравится новая машина: «Верить нам противопоказано. С одной стороны, мы должны знать машину настолько, чтобы в нее верить. Отлетала беспилотная машина хорошо, прекрасно себя показала в пилотируемом полете — у Аксенова и Малышева. Но все-таки машина очень свежая, новая, и я думаю: надо быть все-таки настороженным. Наша задача состоит в том, чтобы ждать и искать, где она ошибется неожиданно для всех и для нас тоже. И вот тогда, значит, мы хлеб свой едим не даром. Пока мы не имеем права верить. Мы должны сделать так, чтобы когда-то можно было позволить себе роскошь летать на ней спокойно».

Я читала этот отчет и думала: нет, в ответах не недоверие машине, а желание получить прежде всего собственные доказательства ее надежности в космосе, которые нельзя получить на Земле.

Геннадий Стрекалов, космонавт-исследователь, как и Макаров, выпускник МВТУ имени Баумана. Но в космонавтику он пришел сразу со школьной скамьи — работал учеником медника на космическом производстве. Медник — это ручная работа. Стрекалов наблюдал, как медники делали, точнее, доводили до идеальной формы, оболочку первого искусственного спутника. И сам уже умел вручную по специальному шаблону придавать разные немыслимые формы изделиям из металла. И такая схема жизни: рабочий, студент, инженер, космонавт — для него, мне кажется, очень закономерна. Он основательный. Это в нем главное. Есть конструкторы — голова полна идей, они видят день завтрашний, видят перспективу. Но чтобы это завтра стало реальностью, нужно скрупулезно и честно решать дела сегодняшние. Стрекалов, пожалуй, относится именно к такому типу инженеров.

— Надо быть прежде всего реалистом,— считает Геннадий.— В технике не бывает, чтобы вдруг произошел какой-то качественный скачок. Это только в научно-фантастических романах можно выдвигать смелые проекты, а в реальной обстановке накопление информации идет очень постепенно. Вот и «Союз Т» родился не из ничего. Из идей, которые были очень тщательно продуманы, проверялись по тысяче раз в различных экспериментах.

На станции космонавтам предстоит еще много работ. Например, заменить программно-временное устройство,— отказов в нем, правда, нет, но гарантийный срок кончился. Надо выяснить, нет ли где эрозии на металлических конструкциях. И провести несколько научных исследований и экспериментов. И здесь нужны рабочие руки Геннадия Стрекалова, его основательный характер, его сметка.

Три человека, три разных характера. Все, что было у каждого на Земле, взято в космос. И вот там их разноликость, все то, что имело право существовать на Земле порознь, должно стать одним тем, что называют экипажем. Космическим экипажем.

ПРИМЕР МОСКВЫ

Обложку сегодняшнего номера «Огонька» украсил снимок Москвы, сделанный за несколько дней до выхода журнала в свет. Красная площадь. Мавзолей. Спасская башня. Кремлевская стена.

Сколько бы раз ни видел эти места, они неизменно трогают сердце.

Удачлив, умен и расчетлив был тот далекий наш предок, который первым «со други своя» пробрался сквозь непроходимые чащобы к глухому троеречью — Москвы, Яузы и Неглинки. Так и представляется, как стоял он меж могучих сосен на тогда еще безымянном Боровицком холме. Огляделся, увидел в просвете между медно-красными духмяными стволами сосен речную опояску холма. Сметливый, он оценил все выгоды этого щедрого дара природы: многоводье защитит град, коему быть, от набегов воинственных соседей, а леса окрест помогут поскорее поставить дома. И застучали тяжелые топоры в жилистых руках наших пращуров, которые одинаково умели ладить дома и держать меч.

В нашей стране много чудесных городов. У каждого из них своя история, своя слава, свои памятники и достопримечательности. Но Москва занимает особое место в сердцах советских людей, где бы они ни жили. Москва является для нас всех чем-то очень личным, сокровенным. Не только коренные москвичи нежно и горячо любят свой город, гордятся им. Москва объединяет сердца всех народов нашей многонациональной Родины, вызывает гордость всенародную.

Вот почему все мы с такой радостью встретили недавний успех трудовых коллективов столицы, досрочно выполнивших задания десятой пятилетки, и теплое приветствие Леонида Ильича Брежнева москвичам по случаю этой большой победы.

Товарищ Л. И. Брежнев отметил в письме, что москвичи, как и прежде, идут в авангарде социалистического соревнования за выполнение пятилетнего плана, являются инициаторами многих ценных патриотических начинаний, направленных на изыскание и использование внутренних резервов производства, повышение эффективности и качества работы.

Добрые почины новаторов столичных заводов и фабрик «Пятилетке эффективности и качества — рабочую гарантию», «Рабочей инициативе — инженерную поддержку», широкое внедрение встречных планов нашли всеобщую поддержку на предприятиях и стройках огромного города, были подхвачены по всей стране. Пример Москвы дал добрые плоды. Вслед за столицей свою трудовую пятилетку завершили коллективы промышленных предприятий Белоруссии, Грузии, земледельцы Молдавии и Киргизии. С каждым днем эта славная когорта победителей полнится.

А москвичи пошли дальше. До конца года сверх пятилетнего плана они выпустят 26 тысяч автомобилей, 450 станков с числовым программным управлением, более ста тысяч электродвигателей, свыше 120 тысяч телевизоров и много другой продукции. Десятки тысяч передовиков производства столицы поддержали новый почин: выполнить свои личные задания двух первых месяцев одиннадцатой пятилетки к 23 февраля — дню открытия XXVI съезда нашей партии.

Пример Москвы... Еще 6 марта 1920 года, выступая на заседании Московского Совета, Владимир Ильич Ленин, говоря о строительстве и реконструкции столицы первого пролетарского государства, произнес призывные, прозорливые слова: «Мы должны провести это, чтобы стать примером для всей страны... Мы должны дать этот пример здесь, в Москве, пример, какие Москва уже не раз давала».

Часы истории отсчитывают последние недели 1980 года, нашей десятой пятилетки. Динамично и масштабно развивалась столица за эти пять лет во всем многообразии своей кипучей жизни. Чище стало небо Москвы. Нет дымных шлейфов над трубами ее заводов и фабрик: на сотнях предприятий за пятилетку поставлены надежные пылезолоулавливатели. К тому же за городскую черту выведены десятки производств, загрязняющих воздух или создающих чрезмерный шум. Мощнее стали «зеленые легкие» столицы — выросли ее лесопарки, бульвары и скверы.

А как не сказать о невиданном по размаху жилищном строительстве в главном городе Союза — ведь здесь сдается ежегодно около ста тысяч квартир!

За пятилетку Москва — одна из самых водообеспеченных столиц в мире — стала еще многоводнее: свежие ключевые воды Вазузы — верхнего притока Волги пополнили голубые чаши ее водохранилищ.

...Еще прекраснее станет наша столица в одиннадцатой пятилетке. В опубликованном на днях проекте «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» предусмотрены дальнейший рост ее промышленности, комплексное развитие всего городского хозяйства.

Советские люди верят и знают, что коммунисты, все трудящиеся Москвы и в новой пятилетке будут идти в авангарде социалистического соревнования, достойно встретят XXVI съезд КПСС, явят новый пример борьбы за претворение в жизнь планов нашей партии по дальнейшему подъему благосостояния народа, строительству коммунизма.

А. ПАНЧЕНКО

ПОЭТИЧЕСКИЙ ГЕНИЙ РОССИИ

«Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию»,— писал Александр Блок. Твердо и безоговорочно он принял Октябрь и действенно включился в строительство социалистической культуры. Один из первых певцов революции, великий поэт и гражданин, Александр Блок занимает почетное место в отечественной и мировой литературе.

В подлинный праздник многонациональной советской культуры вылились юбилейные торжества, посвященные столетию со дня рождения Блока. На торжественном вечере, состоявшемся в Большом театре Союза ССР, присутствовали товарищи В. В. Гришин, А. П. Кириленко, М. А. Суслов, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин.

В президиуме — члены Всесоюзного юбилейного комитета, деятели науки и культуры, представители общественности.

Великий лирический поэт, безоговорочно ставший на сторону ленинского государства в самую трудную пору его становления,— таким остается Блок в сознании людей. Его поэзия — бесценное достояние всего многонационального советского народа. Об этом говорили на вечере посланцы братских литератур.

В тот же день в Москве, в Государственном литературном музее, была торжественно открыта большая юбилейная выставка, посвященная Блоку. Уникальные материалы, представленные на ней, рассказывают о жизни и творческом пути поэта.

Исполком Моссовета принял решение отметить памятной доской дом № 6 по улице Алексея Толстого, где в 1904 году жил А. Блок.

На юбилейном вечере в Большом театре Союза ССР.

Фото А. Гостева

Блоковская выставка в залах Государственного литературного музея.

Фото Э. Эттингера

29 ноября мировая общественность широко отметила Международный день солидарности с борьбой арабского народа Палестины. Большой резонанс в мире получило послание Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева председателю Исполкома Организации освобождения Палестины Ясиру Арафату. В своем послании Л. И. Брежнев пожелал дружественному палестинскому народу и его политическому авангарду — Организации освобождения Палестины дальнейших успехов в борьбе за справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке, за обретение национальной независимости и создание собственного государства.

«СЧИТАЕМ СЕБЯ СОЛДАТАМИ»

Члены делегации руководства Всеобщего союза палестинских писателей и журналистов во время беседы в редакции журнала «Огонек». Фото А. Козьмина

Недавно в редакции журнала «Огонек» побывала делегация руководства Всеобщего союза палестинских писателей и журналистов (ВСППЖ). В состав делегации входили видные палестинские писатели, журналисты, общественно-политические деятели: заместитель Генерального секретаря ВСППЖ, главный редактор бейрутской газеты «Ас-Сафир» Биляль Хасан, ответственный секретарь ВСППЖ, директор Центра иорданских исследований Ганем Зурейкат, член Генерального секретариата ВСППЖ писатель Решад Абу Шавер, писательница и журналистка, сотрудница журнала «Аль-Хуррия» Лиана Бадр.

Глава делегации, Генеральный секретарь ВСППЖ, известный палестинский прозаик, член Революционного совета организации «Фатх» Яхья Яхлаф ответил на ряд вопросов, заданных сотрудниками редакции журнала «Огонек». Предлагаем нашим читателям запись этой беседы.

— Охарактеризуйте, пожалуйста, роль Всеобщего союза палестинских писателей и журналистов в Организации освобождения Палестины.

— Всеобщий союз палестинских писателей и журналистов — одна из народных основ Организации освобождения Палестины. Его Генеральный секретариат, который был избран в апреле этого года в новом составе на III съезде палестинских писателей в Бейруте,— это сплоченный отряд, который представляет надежды и чаяния Организации освобождения Палестины, всего палестинского народа. Он объединяет в своих рядах работников литературы, культуры и печати. Наш Союз — это объединение всех прогрессивных творческих сил нашего народа на оккупированных территориях и вне их. Кроме той огромной культурной роли, которую он играет в нашем общем деле, он активно участвует и в политической жизни. Союз представлен в Палестинском национальном совете, который является высшим законным руководящим органом нашего народа. Всеобщий союз также является членом многих международных литературных и журналистских объединений и организаций.

— Между палестинской и советской литературой существует давняя и прочная связь. Расскажите немного о ее истоках, ее развитии.

— Палестинская национальная культура — это древняя и в то же время современная культура. Наш народ всегда оставался носителем ее традиций. Еще в прошлые века было хорошо развито языкознание, что представляло в то время большую редкость для арабских народов. Это дало возможность представителям творческих сил нашего народа ознакомиться с сокровищницами и достижениями мировой культуры. Возможно, не все знают, что в период, предшествовавший первой мировой войне, русский язык был наиболее распространенным языком в Палестине. В конце XIX века было основано Российское Палестинское общество. Тогда в нашей стране стали появляться переводы романов русских писателей. В 1908 году у нас были изданы произведения Пушкина. Одним из первых переводчиков русской литературы на арабский язык был палестинец Сидки. Он был также исследователем, литературоведом. Его перу принадлежат известные в палестинском народе литературные исследования о произведениях Пушкина. Кроме того, Сидки сам был новеллистом, прозаиком: на его прозу оказали большое влияние произведения великого русского писателя Максима Горького. Не могу не упомянуть еще одного палестинского писателя — Махмуда Сейфеддина аль-Ирани. Он прожил долгую и яркую творческую жизнь. Нам было очень приятно узнать, что один из его рассказов включен в изданный у вас сборник палестинской новеллы.

Нельзя не упомянуть также имен двух исследователей, двух мыслителей — Пантелеймона Жузе и Кульсум Оде-Васильеву, палестинцев, проживших много лет в вашей стране и оказавших большое влияние на развитие искусствоведческой науки. Наш Всеобщий союз палестинских писателей и журналистов займется в скором времени сбором и изданием их работ на арабском языке.

Мы говорим о палестинской культуре и, вспоминая имена, делаем маленькие остановки на станциях нашего большого пути. Говоря о нашей культуре, мы не можем не упомянуть двух поэтов-новаторов, новаторов не только палестинской, но и всей арабской поэзии, таких, как Ибрагим Тукан и недавно ушедший из жизни Абдель-Керим аль-Карми (по поэтическому прозвищу Абу Сальма). И погибшего в схватке с врагом их ученика Абдеррахима Махмуда.

— Что видится наиболее важным для палестинских писателей в наши дни?

— В 1948 году враг захватил часть нашей родной земли. Палестинский народ превратился в беженцев. Часть палестинцев жила в таких районах, как западный берег реки Иордан и сектор Газы. Вскоре была оккупирована и эта территория. Не осталось на географической карте мира такого названия страны — Палестина! Положение, в котором оказался наш народ, естественно, негативно отразилось на его культуре и литературе. Но лишь до середины шестидесятых годов. Это было время подъема национально-освободительной борьбы и национального самосознания палестинцев. Революционный подъем способствовал становлению выдающегося палестинского писателя Гассана Канафади, такого крупного поэта, как Кемаль Насер. Впоследствии оба они погибли от рук сионистских агентов, врагов нашего народа. В это же время мы наблюдаем взлет творчества такого автора, как поэтессы Фадва Тукан. И все эти годы столпом неумирающей палестинской литературы являлся живший в это время в Сирии уже упомянутый нами выдающийся палестинский поэт Абу Сальма.

Литература и искусство современных палестинцев — это культурное лицо народа и его революции. Многие представители палестинской литературы были удостоены международной премии «Лотос», которой награждаются писатели стран Азии и Африки. Это погибшие герои Гассан Канафади и Кемаль Насер, поэт Абу Сальма, поэт Моин Бсису и другие. Все эти высокие награды свидетельствуют о той большой роли, которую играет палестинская культура в развитии общеарабской и мировой литературы и культуры.

Основание нашего Всеобщего союза палестинских писателей и журналистов было вызвано желанием создать целостный, полнокровный образ палестинского борца-революционера, представителя передовой палестинской культуры. Это было сделано для того, чтобы полно, многогранно отразить развитие палестинской культуры в настоящее время. Палестинская литература — это литература национально-освободительного движения. И, таким образом, это прогрессивная литература. Она направлена против империализма, реакции и сионизма. Наши писатели на оккупированной территории и вне ее борются под знаменем Организации освобождения Палестины, единственного законного представителя палестинского народа. И считают себя солдатами, борющимися под знаменем революции.

Сцена из спектакля «Полк идет». Фото М. Дзябенко.

УСПЕХ ШОЛОХОВСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

В Ростове-на-Дону состоялся большой театральный фестиваль по произведениям М. А. Шолохова, дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской, Государственной и Нобелевской премий.

Фестиваль завершал народный праздник, посвященный 75-летию выдающегося советского писателя, и проводился впервые в истории нашего театрального искусства. Театры Российской Федерации показали спектакли по замечательным шолоховским произведениям. «Ростовчане — взыскательные зрители. Желаю вам творческих успехов. Шолохов» — такой телеграммой из Вешенской приветствовал Михаил Александрович участников театральной декады. И успех был поистине великим. Глубокое впечатление оставил спектакль Ленинградского Академического театра оперы и балета имени Кирова. Была показана опера «Судьба человека» И. Дзержинского, где партию Андрея Соколова блестяще исполнил народный артист СССР Б. Штоколов. Первый исполнитель этой роли, он ведет ее уже двадцать лет, именно за нее удостоен Государственной премии РСФСР имени М. И. Глинки.

Ленинградский Большой драматический театр имени Горького показал сцены из спектакля «Тихий Дон», где роли исполняли народные артисты СССР, лауреат Государственной премии СССР О. Борисов, лауреат Государственной премии РСФСР В. Стржельчик, народные артисты РСФСР М. Призван-Соколова, В. Медведев, О. Басилашвили, заслуженная артистка РСФСР Л. Малеванная, лауреат Государственной премии СССР Ю. Демич, артистка С. Крючкова.

Московский ТЮЗ привез на Донской фестиваль шолоховского «Нахаленка» (по пьесе Ю. Жигульского). Ростовчане с сердечной теплотой приняли взволнованный сценический рассказ об обаятельном юном воине казачьего хутора. Заслуженная артистка РСФСР Н. Подъяпольская очаровала зрителей.

С успехом прошел и «Нахаленок» Ростовского ТЮЗа по пьесе А. Агафонова. Спектакль, кстати сказать, был показан в трехсотый раз.

Очень талантливо осуществлен шолоховский спектакль «Полк идет» Курским областным драматическим театром имени А. С. Пушкина. Это драма П. Дёмина по роману «Они сражались за Родину», поставленная заслуженным деятелем искусств УССР В. Бортко. Успех сопутствовал здесь всему актерскому ансамблю, всем, кто был занят в спектакле. Петра Лопахина великолепно сыграл заслуженный артист РСФСР В. Шитовалов.

С «Поднятой целиной» выступили гости из Нальчика — артисты Кабардино-Балкарского драматического театра имени Шогенцукова. Давыдова играл заслуженный артист Кабардино-Балкарской АССР П. Мисостишхов, Нагульнова — заслуженный артист РСФСР Х. Товкуев, в роли Щукаря занят народный артист РСФСР А. Тухужев. Интересное решение роли Лушки предложила заслуженная артистка Кабардино-Балкарской АССР К. Жекамухова.

Веселое оживление не покидало переполненный зал Ростовского театра музыкальной комедии, когда на его сцене шел спектакль «Бабий бунт». Музыку этой оперетты по ранним рассказам М. Шолохова написал композитор Е. Птичкин.

Припоминается: когда главный режиссер Ростовского театра музыкальной комедии, постановщик спектакля К. Васильев обратился к Михаилу Александровичу Шолохову с просьбой дать согласие на создание пьесы, из станицы Вешенской пришел лаконичный шолоховский ответ: «Охотников не останавливают...»

Ростовский драматический театр имени М. Горького в дни фестиваля показал очень интересную постановку «Судьбы человека».

Все участники шолоховского праздника встречались с трудящимися промышленных предприятий города. Актеры отправили Михаилу Александровичу телеграмму с пожеланием доброго здоровья и новых творческих успехов.

На большом заключительном концерте присутствовали член Центрального Комитета КПСС, первый секретарь Ростовского обкома партии И. А. Бондаренко и заместитель председателя Ростовского облисполкома П. И. Маева.

Михаил АНДРИАСОВ

2 ДЕКАБРЯ — ПЯТЬ ЛЕТ СО ДНЯ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ЛАОССКОЙ НАРОДНО - ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

СТРА

А. ЖАКОВ,
соб. корр. АПН
Специально для «Огонька»

БАБУШКА ВА

Деревня будто заснула и оживится лишь ближе к вечеру, когда удлинятся на земле тени и легкой прохладой повеет с гор. А сейчас жара, звенящая, плотная. Семидесятилетняя Ва прикорнула в серой тени тутового дерева. Чуть подрагивают прикрытые веки, словно тонкой паутиной опутанные синеватыми жилками. Худые, натруженные руки спокойно сложены на коленях. Лучи полуденного солнца пробивают зеленую листву. Солнечный дождь ярким горохом усеял темную юбку старой Ва, желтые шелковичные коконы сложены у ее ног в большую плетеную корзину. Рядом нехитрый деревянный станок, где шелковые волокна, соединенные умелыми руками Ва, превращаются в ровную гладкую нить. Пять-шесть больших мотков пряжи уже аккуратно сложены на расстеленном на земле зубчатом пальмовом листе.

С бабушкой Ва меня познакомил ее сын, почтальон Пхон. Недалеко от деревни, километрах в 60 от Вьентьяна, наша машина застряла на глинистой дороге, раскисшей после дождя. Пока ее сын созывал нам на помощь односельчан, я присел рядом с бабушкой Ва, и она вспоминала...

Малышкой Ва звали ее в детстве. Первое воспоминание — прямоугольные чеки рисовых полей, отец, мать, старшие братья в длинных запыленных рубахах, прилипающих к мокрым спинам, и она, малышка Ва, впервые в жизни преодолевшая дорогу от дома до поля. В руках желтые плетеные корзиночки с плотно утрамбованным клейким рисом. Действительно ли бабушка Кхам готовила его таким вкусным, или это только казалось в те несытые годы!

Однажды, глядя на яркий зеленый ковер молодого риса — знатный будет урожай!— Ва спросила у отца: «Ведь это мы растим его, куда же пропадает наш рис?» Отец ласково прикоснулся к черным коротким волосам девочки и промолчал.

По нескольку раз в год приезжали к их ветхому домику небольшие грузовики. Из них выходили какие-то люди и забирали мешки с рисом. Это были черные для семьи дни. На глазах старела мать. Дети ходили присмиревшие, боялись сказать громкое слово. Мрачнел отец, по нескольку дней пропадал у приятелей. Пили крепкий деревенский самогон, подолгу разговаривали, спорили, размахивали руками. А толку-то что? Как заведено издревле, так и шло. Отец крепкий был, работать любил. Худо-бедно, до следующего урожая держались. Потом отца убили на войне. Много войн было на лаосской земле, всех не упомнит старая Ва.

Она медленно поднимает руку и лениво отгоняет назойливую муху, жужжащую возле самой головы. Солнце ярко высвечивает деревенскую площадь. Воздух дрожит от жары. А в тени хорошо, и плавно бежит рассказ.

...В восемнадцать лет от парней отбою не было. А выбрала самого тихого в деревне. Зато на кхене [1] играл — все соседи собирались слушать. Ласковый, работящий. Хорошие это были годы, хоть жили бедно. Но рано умер муж, подкосила малярия. Только одного сына и успела Ва подарить ему. Пхон теперь взрослый. Уважают его в округе: сколько радости доставляет он людям, когда привозит в своей потертой брезентовой сумке, крепко привязанной к багажнику велосипеда, вести от родных и друзей, свежие газеты, последние городские новости.

Сегодня сын заберет мотки шелковой нити, изготовленные матерью за неделю, и наутро отвезет их на текстильную фабрику. Да, кончились времена перекупщиков, еще недавно бессовестно обкрадывавших крестьянские семьи. Теперь никто не может обмануть старую Ва. Деньги на фабрике платят хорошие, помогают одеждой, продуктами. Сын уговаривает бросить работу — отдохнуть, мол, пора. Государство, говорит он, поможет, теперь старикам почет, о них особая забота. А Ва не может без работы.

Сын рассказывает про революцию, про новые отношения между людьми, про будущую прекрасную жизнь. Словно сказку слушает Ва его рассказы. И нет-нет, да защемит сердце. Вот бы прожить еще лет десять, посмотреть, каким это все будет! Да и сегодня уже сколько перемен в деревне. Открыли медицинский пункт, аптеку, магазин — торгует городскими товарами. Люди другими стали: увереннней, веселей, грамотней. Вот и внучка в школу ходит. Другое у нее детство, чем у старой Ва. Книжки бойко читает и письмо поможет старому человеку написать. «Скоро,— говорит,— бабушка, ни одного неграмотного в нашей стране не будет. Совсем другим станет Лаос. Нам учительница говорила, а она все-все знает!»

Легкий ветерок шевелит тонкие листья деревьев, мягко касается лица старой Ва. Длиннее становятся тени. В соседних домах слышатся голоса, резко скрипят ступени. Деревня просыпается.

МОЙ ДРУГ ДАОПИНГ

Традиционная встреча выпускников учебных заведений СССР в Советском культурном центре во Вьентьяне. Громкий гул голосов. Бывшие студенты вспоминают го-

[1] Кхен — национальный духовой инструмент.

НИЦЫ НОВОЙ ЖИЗНИ

ды учебы в Москве, Ленинграде, Киеве, делятся планами на будущее. Я медленно перехожу от одной группы к другой. У меня здесь много друзей, и все хотят услышать, чем живет сегодня Советская страна, что волнует и радует ее народ, ставший родным сердцу каждого из собравшихся здесь сегодня. И мне всегда интересны подобные встречи.

Метеоролог Даопинг Панкхасит невысок и круглолиц. Черные глаза с небольшим прищуром. У него две очаровательные дочурки — четырехлетняя Алик и трехлетняя Ала. Сейчас он заведует технической частью метеослужбы Министерства сельского хозяйства, лесных и водных ресурсов ЛНДР. Учился в гидрометеорологическом техникуме в Туапсе, вернулся во Вьентьян в середине 1975 года, всего за несколько месяцев до победы национально-демократической революции.

— Учиться мне всегда и хотелось и нравилось,— рассказывает Даопинг.— Но ты же знаешь, каким был уровень преподавания в старом Лаосе. Единственный путь — учебные заведения за границей. Чтобы попасть туда, и протекцию нужно было иметь и взятку дать некоторым чиновникам. А что мог я? У матери еще шестеро, отец умер, когда мне едва исполнилось пятнадцать лет. Был небольшой клочок земли на городской окраине, он и кормил нашу семью. Мне удалось поступить во вьентьянский электротехнический коллеж. Преподавали тут в основном иностранцы: французы, американцы, англичане. Не очень-то их интересовали наши успехи в учебе. Считали, что занимаются благотворительностью для «недоумков», так они нас называли. Однажды ученика из нашей группы преподаватель схватил за волосы — и лицом по классной доске: неправильно, мол, формулу написал, вот и стирай собственной головой! А парень три ночи не спал, дежурил у кровати тяжело больной сестры. Организовали мы в коллеже забастовку, и я попал в «черные списки». Никакой надежды на продолжение учебы не осталось. Но мне повезло: с помощью друзей удалось вылететь на учебу в Советский Союз. Уже позднее я узнал, что многие из них входили в тогдашнее городское революционное подполье.

Он учился сначала в Киеве, затем в Туапсе. Даопинг часто вспоминает эти годы. Советских сокурсников, помогавших изучать трудный и прекрасный русский язык, многочисленные митинги в поддержку справедливой борьбы лаосского народа за национальную независимость, отдых в туристском лагере на берегу Черного моря, экскурсию в Ленинград, последний выпускной бал и щемящее чувство расставания со всем тем, с чем сжился за пять лет.

— Когда я вернулся, Вьентьян был совсем другим,— продолжает Даопинг.— Все увереннее действовали патриотические силы. Приближение революции чувствовалось во всем.

На субботнике.

Он хорошо помнит 2 декабря 1975 года, когда Национальный конгресс народных представителей упразднил монархию и провозгласил создание Лаосской Народно-Демократической Республики. Звучали песни и радостный смех, гремели длинные барабаны, казалось, веселился весь город, вся страна. А когда закончился праздник, наступили будни тяжелого, самоотверженного труда.

Начинать приходилось на пустом месте. Немногие имеющиеся предприятия были разграблены или стояли из-за отсутствия сырья. В сельском хозяйстве царила разруха. Страна томилась под гнетом неграмотности и феодальных пережитков. Знания и умение немногочисленного тогда отряда молодых специалистов с первых дней были поставлены на службу республике.

— Моя работа оказалась полезной людям,— с гордостью говорит Даопинг.— Она применима к любой сфере народного хозяйства. Мы быстро отремонтировали имеющееся оборудование, организовали по всей стране сеть метеослужб, подготовили ряд рекомендаций для земледельцев. Я рад, что в общих успехах моей страны есть и доля моего труда.

Сейчас в Лаосе работают сотни предприятий и мастерских, уверенно идет процесс кооперирования сельского хозяйства, действуют школы, высшие и средние специальные учебные заведения. Тысячи специалистов готовятся в вузах Советского Союза, Вьетнама, других социалистических стран. Растет авторитет республики на международной арене. В нынешнем году страна завершает трехлетний план развития народного хозяйства и приступает к осуществлению задач первой пятилетки. За всем этим—самоотверженный труд людей, выбравших своей дорогой социализм, и среди них — Даопинг Панкхасит, метеоролог. Он много читает, использует любую возможность для совершенствования в своей профессии. Даопинг — активный член организации Народно-революционной молодежи Лаоса, непременный участник всех ее патриотических начинаний. Дважды в неделю Даопинг ведет кружок по изучению русского языка, рассказывает и о Советской стране, годах своей учебы в СССР. На прощание он попросил меня: «Получишь новые книги о Советском Союзе—позвони». «Обязательно»,— ответил я.

БОЛЬШИЕ ЧАСЫ

Солнце и тень, падающая с крыш, резкой чертой разграничили узкий тротуар. По нему, прижавшись к стенам домов — здесь прохладнее,— движется шумная детская ватага. В руках — портфели, сумки или просто свертки с учебниками и тетрадями. Окончены занятия, ребята торопятся домой. Мелькнуло знакомое лицо. Маленький Тадам сразу же узнал меня, хотя мы не виделись уже больше года.

Год назад я побывал в одном из детских садов Вьентьяна, там и познакомился с маленьким Тхао Тадамом. Он родился спустя четыре месяца после исторического декабря 1975 года.

Молодая воспитательница Кхаммуан рассказывала о мероприятиях новой власти, направленных на улучшение жизни детей, о профилактике детских заболеваний, развитии сети дошкольных учреждений. Мало осталось в сегодняшнем Лаосе уголков, где не действовали бы ясли, детсады, медицинские пункты. Каждая семья, в зависимости от того, сколько в ней детей, получает от государства определенные льготы. Созданы специальные курсы по подготовке воспитательниц детских садов.

— Что, черноглазенький[1], не получается?— прервав свой рассказ, ласково спросила Кхаммуан.

— Да, тетя воспитательница,— ответил малыш, склонившийся над небольшим деревянным сооружением на полу комнаты,— не знаю, что и делать с Большими часами.

Я присмотрелся внимательнее. Из деревянных кубиков Тадам соорудил Московский Кремль, сверяясь с лежащей рядом картинкой. Высокую башню венчала вырезанная из картона красная пятиконечная звезда. Не хватало только курантов. Я нарисовал их на листке блокнота, и через минуту они уже были укреплены куском клейкой ленты на надлежащем месте.

— В Кремле работал дедушка Ленин,— неожиданно заявил малыш.— Я обязательно побываю в Москве, вот только стану взрослым. Не верите?

Я поверил Тадаму.

И вот спустя год новая встреча. Сегодня суббота, детский сад закрыт, и Тадам встречает из школы своего брата. Брат большой, уже второй год ходит в школу. Он научил Тадама писать первые буквы лаосского алфавита. Школа совсем рядом с домом. Через несколько дней детский сад пойдет туда на экскурсию. «Мы ведь тоже скоро станем учениками! А недавно заболела наша собака. Глупая, хотела поймать ядовитую жабу, еле вылечили. А папа недавно летал к родным на юг и привез огромный колючий плод дуриана. Очень вкусно, не пробовали?..» Сколько нового произошло за это время в жизни Тадама, и рассказать ему хочется сразу обо всем. Я слушаю непоследовательную болтовню малыша, и на душе у меня спокойно. И за Тадама и за всех его сверстников. Пройдут годы, и, как знать, может, мы и встретимся где-нибудь в Москве?

...В Паксе, на юге Лаоса, на самом высоком месте города стоит недостроенный королевский дворец. Сыростью и плесенью тянет из темных коробок, стен которых не успели коснуться придворные художники и резчики по дереву. Облетела нанесенная кое-где позолота, потрескалась недоконченная лепка потолка. Дворец в Паксе должен был затмить своим размахом две другие королевские резиденции — на севере, в Луангпрабанге, и во Вьентьяне. План этот не удалось осуществить, но и сегодня здание поражает размерами, оригинальной архитектурой. А в нескольких шагах от дворца темнеют крыши свайных домиков со стенами из покоробившейся фанеры, кусков прогнивших досок, картонок с едва проступающей надписью «Пепси». Это жилища простых людей, чьи судьбы так же разнились от судеб знатной лаосской верхушки, как контрастен вид недостроенного дворца и лачуг рядом с ним.

Революция помешала завершению дворца в Паксе. Но она восстановит его для народа. Здесь разместится большой туристский комплекс. И, может быть, среди первых его посетителей будут внучка старой Ва, или метеоролог Даопинг, или мой маленький приятель Тадам.

Вьентьян.

[1] «Тадам» в переводе с лаосского — «черные глаза».

Студенты политехнического техникума.

Фото Н. Ивановой

Светлана САМСОНОВА

А. В. Куприн.

ЛУЧИ РАДОСТИ

В записях Александра Васильевича Куприна есть такие строки: «Художник не должен быть безразличен ко всему тому, что он изображает. Одно ему нравится, к другому он равнодушен, а что-то его необычайно волнует. Пусть это последнее вдохновляет его...»

Его самого вдохновляла природа средней России, волновали пропитанные солнцем горы и долины Крыма и одновременно виды индустриальные. Он писал также многочисленные композиции из цветов, фруктов и различных предметов, находя в них полный очарования мир красок.

...Из чего рождаются особенности живописной речи? Откуда их истоки, в чем корни? Живопись Куприна глубока, благородна, богата смыслом и формами выражения. В ней отразились жизнь и убеждения самого художника. Он любил говорить: «Я считаю себя богачом». И объяснял: «Человек, у которого было хорошее детство,— человек богатый».

Он родился в уездном городе Борисоглебске Тамбовской губернии (ныне Воронежской области), тихом, зеленом, окруженном такими же тихими зелеными полями и перелесками. С детства полюбил деревья, цветы, разнотравье, красоту русской природы. В его сердце рано вошла музыка: играли мать и старший брат, рано умерший талантливый пианист. Будущий живописец увлекался Моцартом, Гайдном, Шопеном, но, пожалуй, больше всего — Чайковским, впоследствии отметив, что от его сочинений веет родным, русским, задушевным.

Может, поэтому вспоминаются «Времена года», «Зимние грезы», когда смотришь на пейзажи художника, написанные в Крылатском, Дорогомилове, Дубровицах. Впереди еще были Пески на Оке, где художник в середине тридцатых годов сделал себе небольшую мастерскую. Здесь родились «Осеннее утро», «Март» и несколько превосходных зимних пейзажей. Он любил позднюю осень и лунные вечера (один из мотивов, к которому не раз обращался), любил полевые цветы, тугую тяжесть дубов и трепетность цветущего яблоневого сада.

В Рузе мастер создал одну из самых проникновенных своих работ — «Пейзаж с луной», и если бы он был его единственным полотном о России, то и тогда бы вошел в историю отечественной живописи — столько в нем истинно русского понимания мира, природы, человека, столь ясна и проникновенна мелодия чистого чувства.

Детские годы соединили художника не только с природой и музыкой. Семья уездного учителя дала ему сильный заряд искренности, честности и огромного трудолюбия. В восемь лет, еще совсем ребенком, он мечтал стать художником. Поводом послужила подаренная ему небольшая книжечка с биографией Леонардо да Винчи. Преклонение перед великим итальянцем он сохранил в себе навсегда, призывая к этому и своих учеников.

В шестнадцать лет, вскоре после переезда семьи в Воронеж, пришлось идти служить конторщиком на железную дорогу, и только тогда впервые Александр смог купить себе масляные краски. За шесть лет работы он сумел скопить немного денег, чтобы поехать учиться. В Петербург, а потом в Москву. Беря уроки в частных школах и студиях, Куприн, чтобы заработать на жизнь, занимался канцелярской работой, переписыванием бумаг, иногда иллюстрированием, а когда везло — копированием в музее Александра III (теперь это Русский музей). Только в двадцать шесть лет он смог стать учеником московского Училища живописи, ваяния и зодчества.

Через четыре года после поступления в училище он вынужден уйти из него, так как из-за разногласий с руководством не был допущен до конкурса на звание классного художника. Но и позже, войдя в художественные круги, получив признание, постоянно терпел нехватки и лишения. Был человеком тихим и нетребовательным, но твердым, последовательным и упорным в своих творческих поисках, выстраданных убеждениях. «Весь мой процесс работы есть не что иное, как борьба»,— говорил он. Пройдет десять лет, и отвергнутый ученик станет сам преподавателем — сначала Вхутемаса, потом Нижегородских и Сормовских художественных мастерских. Далее — Вхутеин, текстильный институт, Московское высшее художественно-промышленное училище, в которых Куприн был профессором.

В 1908 году, на выставке Московского товарищества художников — первой его выставке,— он показал два натюрморта. Впоследствии первая работа, купленная у него Третьяковской галереей, тоже была натюрмортом.

Особенно интенсивно работал он в этом жанре с 1910 года, когда увлекся, как и многие художники того времени, французским искусством. Его манила предметная материальность Сезанна, сила цветовой выразительности Ван Гога. Но он, как Кончаловский, Лентулов, Машков и другие, изучая приемы работ французов, оставался по сути и духу живописцем глубоко русским, национальным. Его работы с искусственными цветами и фруктами не только красивы, эмоциональны, выразительны; они, как своеобразный художественный барометр, отражали настроения времени. Натюрморты 1911—1912 годов с книгами и свечой, с иконой, с лампой передают беспокойную, смутную обстановку тех лет, холсты же 1917—1920 годов полны звонкой радостью, пылают пунцовыми, алыми красками.

Со временем художник все чаще пишет живые цветы (больше полевые), натуральные фрукты. Постепенно исчезают декоративные подносы и драпировки, появляются предметы повседневности. Мир его натюрмортов становится естественнее, а заключенные в них чувства более тонкими и сложными.

Начиная с двадцатых и до пятидесятых годов эти работы позволяют наглядно представить развитие стиля мастера: от его увлеченности сочной декоративностью, подчеркнутой материальностью и орнаментальностью в таких полотнах, как «Белые цветы на черном фоне», «Натюрморт с кувшином, корзиной и желтой миской», до сдержанной естественной манеры, отражающей душевное состояние и быт художника в Песках,— «Букет с желтыми ромашками», «Настурции с глиняным кувшином и кабачком на фоне окна».

И в жизни и в искусстве Куприн был большим тружеником. Любил делать мольберты, тюбы для красок, шкафы и полки, папки, посуду. Вещественность, материальность, которую так ценил в живописи, художник словно старался почувствовать собственными руками. Александр Васильевич сам прошел свои университеты, учился у мастеров прошлого, у своих современников. Работал самозабвенно, на практике постигая великую магию живописи. Словно о нем и его жизни слова Проспера Мериме: «Для того, чтобы понимать и любить форму и краски, нужна особая восприимчивость и длительное упражнение».

После революции, не оставляя работы в жанровой живописи, он начал педагогическую деятельность, принимал самое активное участие в монументальной пропаганде, осуществляемой по ленинскому плану. В 1918 году Куприн создал два больших панно — «Искусство» и «Цветы» для праздничного оформления фасада здания, в котором позднее разместился Центральный детский театр. Эскизы, хранимые в Третьяковской галерее, позволяют судить об их яркости, декоративности, созвучности времени.

С начала тридцатых годов многие художники готовились к выставке «Индустрия социализма». Мастер решил поехать в Днепропетровск. Поезд приближался к городу ночью. Художник по дорожной привычке смотрел в окно, хотя и было темно. И вдруг в ночи он будто увидел огнедышащие костры: это полыхали доменные печи завода имени Петровского. Для него всегда много значило первое впечатление.

А. Куприн. 1880—1960. БАХЧИСАРАЙ. ВЕЧЕР. РЕКА ЧУРУК-СУ. 1930.

Государственная Третьяковская галерея.

БЕАСАЛЬСКАЯ ДОЛИНА. 1937.

А. Куприн. ВЕСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ. ЯБЛОНЯ. 1922.

«Поэма», как он сам говорил, из огня, дыма и пара полонила его ум и чувства, руки потянулись к краскам, в воображении стали возникать композиции. Так началась серия его индустриальных полотен.

Под впечатлением Днепропетровского завода он создает несколько работ, позже, в Москве, пишет картину «Завод «Серп и молот», потом едет в Донбасс и посвящает картину Макеевскому заводу. Эти произведения приковывают внимание особой — не придуманной, а реальной — жизненной гармонией, передающей смысл и красоту жизни рабочих заводских цехов. Он писал в 1934 году в журнале «Советское искусство»: «Пафос строительства, борьбы, героического преодоления трудностей... овладел моим сознанием».

С тех пор изменился облик заводов и цехов, но живопись художника не утратила своего волнующего воздействия. Его работы, запечатлевая свое время, смотрели в будущее, вели и продолжают вести разговор со зрителем. Поэтому неверно называть его картины о заводах или о нефтяных промыслах Баку индустриальными пейзажами — они по смыслу шире, глубже.

Тщательно изучал художник все заводские процессы, устройства механизмов, подолгу наблюдал за действиями рабочих, вглядывался в их лица. Они не занимают на полотнах много места, но их настроение и мироощущение явственно чувствуются.

Всей жизни Куприна сопутствовала музыка. Он любил играть на пианино и органе, сочинял сам. Это помогало ему писать «музыку красок», живописные образы. Он придавал большое значение ритму, считал, что без него живопись не может быть гармоничной, а значит, не может быть искусством. Ритм присутствует в каждом его холсте, являясь организующим началом. Мелодии, настроение его работ рождали великую пластику формы, цвета, рисунка, который он называл «живой линией».

«Я строю свою картину на законах контрапункта»,— говорил художник, имея в виду искусство соединения в единое целое различных, самих по себе достаточно сложных элементов живописного произведения.

Музыкальный настрой в творческом процессе был не только следствием его влюбленности в музыку и убежденности, что живопись и музыка — искусства общие по внутренней сути. Это было важнейшей частью той эстетической задачи, которую он ставил перед собой, считая, что, не решив ее, художник не добьется подлинности.

Он владел тайнами гармонии, композиционного единства, секретами колорита и тональных переходов. Владел в совершенстве многими приемами и методами, познаваемыми на практике терпеливо и долго, но никогда не пользовался ими рационально, с заранее обдуманным намерением — ни в одном его холсте техника и заданность не превосходствуют над чувством.

Будучи на склоне лет известным живописцем, заслуженным деятелем искусств РСФСР, членом-корреспондентом Академии художеств, он продолжал много работать. «Живопись только тогда и искусство, когда она не несет на себе следы упорного труда,— писал Куприн.— Пусть вещь будет страшно много работана, но пусть вложенная в нее энергия, преломленная самим произведением, бросает лучи легкости, радости, свободы, волнует и зажигает нашу душу огнем веселья, жизненным огнем...»

Художник постоянно возвращался в полюбившиеся места. Запечатлев сельский домик в селе Зюзино в 1918 году, он вернулся туда почти через сорок лет, чтобы написать там церковь. Мастер любил Москву, и за многие годы сложилась его не очень длинная, но с теплым чувством написанная московская сюита: «Пейзаж с церковью» 1918 года, «Чайная лавка» 1919 года, две акварели «Фили. Кутузовская церковь», написанные двумя годами позже, «Зима. Дом правительства», «Кремль. Старый Каменный мост и Дом правительства» — работы 1932 года и так далее. Архитектура влекла его везде, куда бы он ни приезжал — в Нижний Новгород, Баку, Кутаиси и, наконец, в Крым. Бахчисарай, Судак, Гурзуф, Феодосия — места, где он подолгу жил и много писал. Приехав в Крым в первый раз лечиться от туберкулеза в 1907 году, он постоянно бывал там в течение почти полувека. Крымская земля стала его вечной любовью.

«Кто не видел моря, тот не видел второй половины мира»,— говорил живописец. Но сам написал море лишь один раз. Его всегда манил центральный Крым — долины рек, сады, тополя, скалы, холмы, закаты. Именно здесь он работал над решением, как он сам говорил, сложного пластического пейзажа, соединяющего в себе эпичность, обобщенность мысли, философские раздумья и одновременно столь важные для человека лирические настроения. И он создал такой пейзаж в лучших своих картинах — «Тополя», «Дорога в Беасалы», «Окрестности Бахчисарая», «Пейзаж с луной и тополями» и других.

Крым был для него неисчерпаемым. Он писал его в разные месяцы и часы дня, но больше всего влекла тонкость предвечерних и вечерних мотивов, когда сумерки постепенно приглушают краски природы, человек отдыхает от дневных забот и особенно свежо, остро воспринимает красоту закатов, гор, долин, с удовольствием находя свое место в этом мире, в этой природе, которая дарит радость и вдохновение. Так воспринимается насыщенная нежно-сосредоточенным чувством художника «Беасальская долина».

В Бахчисарае он запечатлел множество улиц и улочек, фонтанов и двориков, скал и старых домов, закатов и тихих вечеров. Последняя его работа, 1960 года, посвященная вечернему Бахчисараю,— это словно закатный луч, прощальная улыбка дорогим сердцу местам.

В письме 1953 года из Крыма есть такие строки: «...Меня влечет природа как таковая, и хочется писать ее и изображать на холсте так, чтобы она была живая, дышала, сверкала». К жизненности, искренности человеческого чувства он стремился не только в передаче состояний природы, но и во всем, что изображал, к чему обращался его взгляд. Высокая человечность творчества А. В. Куприна в сочетании с большой художественной культурой дали ему возможность сказать свое — весомое и полнозвучное — слово в живописи. Исполнилось сто лет со дня рождения художника, а работы его живут, волнуют, краски горят, осеняя радостью новые поколения.

Из фронтовой землянки

Посылаю вам письма моего брата, Владимира Посысоева. Родился он в 1925 году, учился в 40-й школе города Красноярска. В январе 1943 года был призван в армию. В сентябре 43-го окончил артиллерийское училище, получил звание младшего лейтенанта и был отправлен на фронт.

А. ПОСЫСОЕВ

Красноярск.

25. IX. 43.

Здравствуйте, мама, брат Анатолий и все родные и знакомые! Шлю я вам свой сердечный привет. Мама, я до фронта еще не доехал. Сегодня приехали в Харьков. Красивый город, но враг из него сделал развалины. Красивые здания подорвали. Но ничего. Все это восстановят, и город примет тот вид, который он имел раньше.

Пока до свидания.

Ваш сын Владимир.

19. XII. 43.

Привет с фронта! Здравствуйте, моя мамаша и брат Анатолий! Шлю я вам свой привет из далекого от вас края. Сейчас нахожусь на передовой, от фрица не более 400 метров. Бьем вражеские танки с прямой наводки. Ну, пока до свидания. Привет знакомым ребятам и девчатам. Мама, а почему мне не пишет письма Анатолий? Я о нем соскучился, а он? До свидания.

Ваш сын Владимир.

9. I. 44.

Мама, в первых строках своего письма я хочу сообщить, что я жив и здоров, уже полтора месяца живу в боевых порядках пехоты. Стоим на прямой наводке для стрельбы по танкам. Живу в блиндаже. Днем из него не вылезешь, потому что враг недалеко, не даем обнаружить себя и орудия. Одним словом, живу пока неплохо, питаюсь хорошо, одет тоже неплохо, да и погода здесь стоит теплая, ночью подморозит, а днем хоть плавай. Днепр еще не застыл, а уже январь.

Мама, Новый год я встретил неважно. Фашисты отошли, а мы заняли новые рубежи и Новый год встретили тем, что копали огневые позиции. Но ничего, как кончим воевать, так будем встречать Новый, 1945 год хорошо! А сейчас пока вперед, на Запад, до полного изгнания гитлеровцев с нашей земли.

Мама, писем я от вас не получил ни одного, только предполагаю, что живете вы плохо, потому что зима у вас там холодная, сейчас стоят большие морозы, а с одежей у вас плохо. Мама, я вам выслал денежный аттестат, все хоть будет маленькая поддержка. Письма пишите мне по адресу: Полевая почта № 57342 «В» Посысоеву Владимиру Владимировичу.

6. 2. 44.

Привет с фронта! Здравствуйте, моя дорогая мамаша и братик Анатолий! Вчера получил от вас первое письмо, за которое вас очень и очень благодарю. Как хорошо, когда получишь от вас письмецо и, сидя во фронтовой землянке, читаешь о вашей жизни там, далеко в тылу. И как-то больше воодушевляешься на борьбу с гитлеровскими мерзавцами. Мама, сейчас дела у нас идут хорошо, фашист окружен, отступать ему некуда, мы его жжем все сильнее и сильнее. Мама, я еще жив и здоров, пока цел и невредим, не знаю, что будет дальше. У нас обстановка с каждым днем и часом меняется. Сейчас жив и здоров, а через пять минут, может, какая шальная пуля и зацепит.

Пока до свидания. Ваш сын Владимир.

12. 2. 44.

Мама, нам сейчас дали отдохнуть два дня, а то все время на передовой. Сейчас мы хоть помылись в бане, сменили белье и стали походить на людей. Да, поедем добивать фашистов, чтобы закончить с ними и жить спокойно, мирным трудом заниматься.

Мама, напишите о вашем здоровье, а то я очень волнуюсь, вы мне не написали о себе ничего. Вышлите мне свою и Анатолия фотографию, а то у меня ваша фотография очень старенькая и замаралась.

Анатолий! Опиши мне, как ты учишься, как слушаешь маму. Толя, напиши мне подробнее о ребятах, кто остался.

Ну, пока до свидания. Передавайте привет всем родным и знакомым. Остаюсь жив-здоров. Ваш сын Владимир.

15. 6. 44.

Здравствуйте, незнакомая мама моего друга! С боевым приветом незнакомый, но близкий друг Володьки Леонид Р. Сообщаю, что я вашу открытку получил, которую вы писали 1. VI. 44 г. Вы спрашиваете, где и какого числа его убило. 27 февраля в 12 часов дня у нас был большой бой. Это вблизи города Никополя. Упал снаряд в двух метрах от него, и попал осколок в затылок, его сначала повезли в санчасть, не довезли пять километров. Он скончался. Похоронили его. Напишу адрес: Днепропетровская обл., Апостоловский р-н, село Майское, в кустах.

С ним подружился я в Красноярске, когда учились в училище.

Росляков Леонид Г.

Стихи об Индии

Стихи этой подборки взяты нами из выходящей в «Библиотеке «Огонек» книги «Раздумье об Индии».

Давние узы дружбы связывают наши великие народы. Отсюда и непреходящий интерес русских и советских поэтов к истории и культуре нашего южного соседа. В книге представлены стихи Василия Жуковского и Алексея Толстого, Афанасия Фета и Семена Надсона, Валерия Брюсова и Николая Рериха и многих других.

Публикуемая подборка является лишь небольшой частью стихов, представленных в книге.

В них звучат разные мотивы, но все они объединены любовью к Индии, к ее народу, к ее великой культуре.

Николай ТИХОНОВ

САМИ

Мариэтте Шагинян

1

Хороший Сагиб у Сами и умный.
Только больно дерется стеком.
Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только Сами не считает
человеком.
Смотрит он на него одним
глазом,
Никогда не скажет: спасибо.
Сами греет для бритья ему
тазы
И седлает пони для Сагиба.
На пылинку ошибется Сами,—
Сагиб всеведущ, как Вишну,
Бьет по пяткам тогда
тростниками
Очень больно и очень слышно.
Но отец у Сами недаром
В Беджапуре был скороходом,—
Ноги мальчика бегут по базарам
Все уверенней год от году.

2

Этот год был очень недобрым:
Круглоухого мышастого пони
Укусила черная кобра,
И злой дух кричал в телефоне.
Раз проснулся Сагиб с рассветом,
Захотел он читать газету,
Гонг надменно сказал об этом.
Только Сами с газетою нету.
И пришлось для бритья
ему тазик
Поручить разогреть другому.
И — чего не случалось ни разу —
Мул не кормлен вышел из дому.

3

Через семь дней вернулся Сами,
Как отбитый от стада козленок.
С исцарапанными ногами,
Весь в лохмотьях, от голода
тонок.
Синяка круглолобая глыба
Сияла, как на золоте проба.
Один глаз он видел Сагиба,
А теперь он увидел оба.
«Где ты был, павиан
бесхвостый?» —
Сагиб раскачался в качалке.
Отвечал ему Сами просто:
«Я боялся зубов твоей палки
И хотел уйти к властелину,
Что браминов и раджей выше,—
Без дорог заблудился в долинах,
Как котенок слепой на крыше».
«Ты рожден, чтобы быть
послушным:
Греть мне воду, вставая рано,
Бегать с почтой, следить
за конюшней,
Я властитель твой, обезьяна!»

4

«Тот, далекий, живет за снегами,
Что к небу ведут, как ступени,
В городе с большими домами,
И зовут его люди — Ленни *.
Он дает голодным корочку
хлеба,
Даже волка может сделать
человеком,
Он большой Сагиб перед небом
И совсем не дерется стеком.
Сами — из магратского рода,
Но свой род для него уронит:
Для бритья будет греть ему воду,
Бегать с почтой, чистить
ему пони.
И за службу даст ему Ленни
Столько мудрых советов и рупий,
Как никто не давал
во вселенной,—
Сами всех сагибов погубит».

5

«Где слыхал ты все это,
несчастный?» —
Усмехнулся Сами лукаво:
«Там, где белым бывать опасно,
В глубине амритсарских лавок.
У купцов весь мир на ладони:
Они знают все мысли судра,
И почем в Рохилькэнде кони,
И какой этот Ленни мудрый».
«Уходи»,— сказал англичанин.
И Сами ушел с победой.
А Сагиб заперся в своей спальне
И не вышел даже к обеду.

6

А Сами стоял на коленях,
Маленький, тихий и строгий.
И молился далекому Ленни,
Непонятному, как йоги,
Чтоб услышал его малые
просьбы
В своем городе, до которого
птице
Долететь не всегда удалось бы,—
Даже птице быстрей зарницы;
И она б от дождей размокла,
Слон бежал бы и сдох от бега,
И разбилась бы в бурях,
как стекла,
Огненная сагибов телега.

7

Так далеко был этот Ленни,
А услышал тотчас же Сами,
И мальчик стоял на коленях
С мокрыми большими глазами,
А вскочил легко и проворно,
Точно маслом намазали бедра.
Вечер пролил на стан его черный
Благовоний полные ведра.
Будто снова он родился
в Амритсаре —
И на этот раз человеком,—
Никогда его больше не ударит
Злой Сагиб своим жестким
стеком.

1920.

* Так индийцы произносят имя «Ленин».

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

ИНДИЯ

Е. К.

И вот я люблю тебя, Индия,
Сама удивляюсь тому.
Встречаю я, словно открытие,
Очей твоих странную тьму,
Твой облик, простой
и трагический,
В скрещенье эпох и миров,
Взрыв песни под кровлею
нищенской
И танца лукавую бровь,
С кофейной похлебкой
несладкой,
С богами и стонами рикш
Ты, край азиатский, загадкой
Еще предо мною стоишь.
Но Азия — нет, не разделена,
А слита единой борьбой,
И разве я гением Ленина
Не связана кровно с тобой?!
И разве Россия и Индия
Не рядом живут с давних пор?!
И разве друг друга не видели
Народы за высями гор?!
Полюбишь — и трогают заживо
Горячие дали дорог,
Деревьев багряное зарево,
В деревне обшарпанный бог,
Глядящая нашими звездами
Чужая небесная ширь,
Проказой и оспой исхлестанный,
На митингах вздыбленный мир.
...Люблю у друзей чаепитие,
Люблю, как молчат старики,
И верю в судьбу твою, Индия,
Всем бедам твоим вопреки!

1961.

Лев ОШАНИН

РАЗДУМЬЕ ОБ ИНДИИ

Тебя читал я, думал о тебе.
Ты возникала из приморской
сини —
Вся не такая, вся в иной судьбе,
Вся непохожа на мою Россию.
История назад несется вскачь.
Твоих слонов, моих коней
топтанье,
Твоих «неприкасаемых» стенанья.
Моих юродивых гортанный плач...
Твой Тадж Махал, где зримо
божество,
И храмы, что, бывало, Русь
крестили,
И ясноглядность края твоего —
Как ты похожа на мою Россию...
Глубокие морщины стариков,
Преданья, что страну исколесили,
Смещение десятков языков —
Как ты похожа на мою Россию!
Здесь только что земля была
пуста,
И нищета свои являла раны,
Но, все сметая, стройка начата,
Как в праздник красок, желто
и багряно!
Лишь ветер здесь кружил
песчаный прах —
Людские руки землю воскресили.
О, Индия в строительных лесах,
Как ты похожа на мою Россию.
И век не тот, и вся земля не та.
Любя не то, не то припоминая,
Не узнана еще, не понята,
Ты не Россия, ты совсем иная,
Я знаю это. И еще милей
Твое свеченье в самобытной
силе.
...Я слышу в небе крики
журавлей,—
Как ты похожа на мою Россию...

УЙГУН

ПОРТРЕТ

Рабиндранату Тагору

Резьба морщин, волнистые
седины —
Как будто гордо высится гора.
Да, он вершина. И с его вершины
Вся жизнь видна, бурлива
и пестра.

Он смотрит мудро, строго
и устало
На свет и зло, на правду и позор.

Еще одной громадой больше стало
В семье могучих Гималайских гор.

Алим КЕШОКОВ

СИНДУР

Не надо мне дома,
и поля, и сада,—
Без мужа мне жизни
не надо, не надо!

Из Махабхараты

Кидавшийся весело в пляс,
Огонь погребальный угас,
И мужа душа улетела,
А пепел достался костру.
И холод вошел в мое тело,
И завтра по воле удела
Синдур меж бровей я сотру.

Как мака отцвел лепесток
Замужества черный кружок.
И брат на запястье вдовий
Браслет мне надел не к добру.
Печальнее всех послесловий
Огонь погребальных становий,
Синдур меж бровей я сотру.

Женою пробывшая год,
Я только пригубила мед.
Шелк красный купив на базаре,
Сошью, как заря поутру,
Подобное огнищу сари.
С душою простясь в его жаре,
Синдур меж бровей я сотру.

Мой свадебный белый наряд
Отныне стать облаком рад.
А мне обернуться б звездою,
Что льнула к ночному шатру,
И вспыхнуть над черной водою.
Оставшись вдовой молодою,
Синдур меж бровей я сотру.

1973.

Валентин СОРОКИН

ПРЕКЛОНЕНИЕ

Памяти Джавахарлала Неру

Земля, трава, цветы,
Вдали вода.
И лебеди и синева
Такая —
Колышется, упругая,
Без края
И плещет величаво
Сквозь года!

Здесь прах вождя.
Он Индию любил,
И присягал
Великому народу,
И понимал народ,
Как ту природу,
Ни стужей,
Ни грозою не губил.

Он о России
Вещие слова
Оставил миру.
...Мы пришли склониться:
Мы чтим добро!
Поет гортанно птица.
Шумит
Разноплеменная листва...

Не бронзою встает он,
А душой,
Повитый легким
Утренним туманом,
И с родиной,
Зеленой и большой,
Сливается, как берег
С океаном!

ПРЕМЬЕРА РАДИОКНИГИ

Рассказать о жизни любого из великих русских поэтов — дело нелегкое, но рассказать о жизни Сергея Есенина — нелегкое вдвойне. Причин для этого много, не будем их перечислять, лишь отметим, что в отличие от своих гениальных современников — Маяковского и Блока — он по-настоящему-то только еще входит (более чем через полвека после смерти!) в нашу духовную жизнь, наполняя ее своей есенинской интонацией, которая в буквальном смысле слова вырвалась из самых глубин народной духовной жизни.

Это обстоятельство накладывает особый знак на все, что делается у нас по пропаганде творчества Сергея Есенина. И работа эта, в свою очередь, заслуживает пристального внимания.

Вот с этих позиций нельзя не отметить последовательно широкую литературную, литературоведческую и общественную деятельность на протяжении добрых трех десятилетий писателя, лауреата Государственной премии РСФСР Юрия Прокушева, много сделавшего для всемерного освобождения всего есенинского от путмолвы и наслоений псевдоидейных, псевдонравственных и псевдоэстетических, которые, к горькому сожалению, в течение десятилетий заслоняли великое поэтическое наследие и подвижничество в русской литературе Сергея Есенина, несправедливо принижая его глубоко мудрую, тонкую народную душу.

Новая работа Ю. Прокушева — радиокнига о Сергее Есенине, посвященная 85-летию со дня рождения великого поэта,— несомненно, стоит в ряду этого последовательного освобождения Есенина, в жанре новом, в некоторой степени синтетическом, но органически соединившем слово исследователя, стихи, музыку, воспоминания. Именно новый жанр радиоискусства, предложенный автором, дал такую полифонию многоголосия, что неотъемлемыми красками его стал и голос поэта, и голос матери его, Татьяны Федоровны, и голоса чтецов Яхонтова, Качалова, Консовского, и старые записи еще начала пятидесятых годов Николая Першина — одного из самых талантливых популяризаторов и знатоков творчества Есенина, начавшего читать стихи поэта с эстрады еще в сороковых годах, и песни, романсы композиторов на стихи Есенина. Все это вместе и составило радиокнигу «Жизнь поэта», впервые прозвучавшую в октябре по первой программе Всесоюзного радио.

Те, кому посчастливилось в канун ноябрьских праздников провести шесть вечерних часов у радиоприемников, могли по достоинству оценить и новый жанр, и полноту охвата событий, казалось бы, лишь одной крайне короткой человеческой жизни. Но какой жизни! Ослепительно яркой, пронзительно тревожной, целиком соединенной с судьбой России, судьбой Октября. И в этом автор книги видит главное, жизненное предначертание судьбы поэта.

Шесть часов звучит книга, шесть часов, наполненных человеческой болью и радостью, всем, что родила жизнь Есенина, и всем, что родилось уже после нее, но вдохновленное великой, гражданской музой поэта.

Автор радиокниги из этой жизни намеренно скрупулезно отобрал то, что не может не поразить наше воображение. Прелестно-незатейливая, но полная душевных переживаний история, как слагались первые стихи, как вдруг учителю словесности Спас-Клепиковской школы Евгению Михайловичу Хитрову открылся поэтический дар мальчика из Константинова. Трудные первые годы утверждения себя как поэта в Москве и Петрограде, трудные, но полные достоинства, уважения к собственному таланту, и крепкая вера в способность сказать слово свое. Прокушев, рассказывая о юношеских годах, как бы освобождает нас от сложившихся представлений, к сожалению, еще довольно распространенных и сегодня, о сером, «кирзовом» подростке, решившем испытать счастье в столицах. Из рязанской деревни в Москву пришел большой поэт, в котомке которого была новая народная песня.

Этот путь к утверждению собственной песни в радиокниге складывается из жизненных фактов и обстоятельств, из волнующих воспоминаний сестры Есенина — Александры Александровны, наконец, из стихов поэта, которых в шести передачах звучит довольно много... И не только стихов, но и песен и романсов, наиболее значительные из которых созданы Георгием Свиридовым, сумевшим, как мне кажется, уловить и передать щемящий есенинский интонационно-музыкальный строй.

Их исполняет в передачах артистка Москонцерта Вера Прокушева, в течение многих лет исполняющая песни и романсы на стихи Есенина. Тут тоже надо отметить, что не только энтузиазм движет певицей, но и на редкость близкая ей по душевному расположению муза поэта, оттого и само исполнение удивительно проникновенно, выразительно, наполнено красками есенинского стиха.

К наибольшей удаче этой книги надо отнести стержневые главы ее, рассказывающие о жизни поэта после Октября. Не случайно и сам Есенин писал: «В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном». Это неминуемое «по-своему» породило много сложностей, использованных некоторыми людьми против поэта. Надо сказать, что эхо тех перипетий нет-нет да и возникает еще сегодня. Прокушев понимает это, потому столь внимательно, настойчиво-аргументированно доказывает, что сомнений нет — Есенин был яростным попутчиком Октября, ясно видевшим дальние горизонты революционного преобразования России. И уж меньше всего он был «поэтом уходящей деревни», каким его хотели представить отдельные влиятельные литературные да и не только литературные критики...

Нам остается лишь приветствовать рождение такой полезной во всех отношениях радиокниги. Для огромной, многомиллионной аудитории радио Есенин после прочтения ее, несомненно, стал ближе, дороже, а жизнь и поэзия его явственнее и правдивее во всех своих сложностях и нелегких земных измерениях.

А. ЛАРИОНОВ

ВЫБОР

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

Рисунки П. ЛИНКИСЕВИЧА

И Владимир через силу посмотрел туда, испытывая от припекающего солнца резь в надбровьях, звон в ушах, и арбузы на бахче вдруг ясно представились ему маленькими зебрами, истомленными зноем, устало лежащими под деревьями, что нависали наподобие низких пальм с красными плодами. «Нет, мне не по себе». Он чувствовал, как накалило солнцем голову и остро нажгло сквозь гимнастерку спину, не охлажденную землей, как необоримо бил его озноб, соединяясь с колючим жаром, и не было у него воли справиться с дрожью зубов. «Что же со мной такое, я упаду сейчас?» — подумал Владимир и встал с дурманной неустойчивостью, шагнул к бруствeру, упал локтями на бровку, пытаясь наблюдать рядом с Ильей. Но зеркальные вспышки облитой солнцем листвы, движение солнечных бликов в траве под яблонями ослепляли его горячей яркостью. Он не очень отчетливо видел то, что возбуждало внимание Ильи, и, потерев заломившие глаза, наконец освободил из футляра бинокль. И тотчас неправдоподобно приблизились кусты малины и чье-то молодое, совсем мальчишечье лицо с еле обозначенными полоской усиками, поднятое к этим кустам, наивно и смешно вытянутые губы, измазанные соком, мягко хватающие крупные ягоды, сочные, спелые, упруго налитые сладкой ароматной влагой, и были странно радостными слегка прижмуренные в потоке солнечных лучиков глаза этого мальчика-немца, завиток прилипших соломенных волос к потному лбу... В благостном изнеможении он лежал на земле под кустами, в жаркой недвижной духоте малинника, и зеленый мундир был до ремня расстегнут, его пилотка, наполненная с верхом ягодами, лодочкой стояла в траве, и, наслаждаясь затишьем, золотым днем, безопасностью, он лакомился и ласковым вытягиванием своих улыбающихся губ будто играл с нависшими над его лицом ягодами. И в сознании Владимира на минуту возникла неведомая, пахнущая лавандой Германия, некий островерхий чистый домик в саду с подстриженной травкой, желтый песок на ровных дорожках и здесь же немецкий мальчик в белых чулочках, в белой панамке... Где он видел это? На фотографиях, найденных в документах убитых?

Все было до отчетливых подробностей различимо в бинокль, и так близко было лицо немца, капельки пота на лбу, незагорелая шея, открытая распахнутым воротником мундира, что, почудилось, случайно обнажена была часть чужой жизни и чужое забвение... Но в безобидной его забаве, его мальчишеском удовольствии, его радостной ловле улыбающимся ртом спелых ягод представлялось одновременно и что-то запрещенное, непозволенное, чего не хотелось видеть сейчас.

— Пасется себе, как теленочек! Ах ты, сволочь милая,— жестко сказал Илья, вероятно, хорошо разглядев немца под кустами малины, и, полоснув опасной чернотой глаз по невозмутимой спине Лазарева, приказал негромко: — Шапкин, дайте-ка мне свой карабин! Разрывными заряжен?

— Завсегда разрывными. У пули головка красненьким покрашена,— чересчур браво отозвался Шапкин и, качнув округлыми плечами, подскочил к Илье, выкинул в руке новенький немецкий карабин, с которым никогда не расставался и обычно носил его на ремне, стволом вниз.

— Ползаешь там и пасешься? Ах ты, сволочь милая,— повторил Илья и, точно леденея смуглым лицом, взял карабин наизготовку, упер раздвинутые локти в покрытую дерном бровку бруствера, прицелился, вжав выбритую щеку в полированную ложу.

Никто не успел ничего сказать ему, никто не успел остановить его,— громом рванул тишину, прокатился выстрел, эхом сорвался по лесам окрест — и в то же время солдат испуганно вздернулся, непонимающе озираясь, суматошно застегивая мундир, затем схватил с земли наполненную малиной пилотку, плоский котелок с помидорами, оказавшийся у него под боком, и осторожно, на коленях стал отползать назад, исчез на несколько секунд за кустами малины и внезапно стремительно выбежал из-под крайних тополей сада, бросился вверх по крутой солнечной насыпи, загребая, оскальзываясь по песку сапогами, в одной руке держа пилотку, наполненную малиной, в другой алюминиевый котелок с помидорами. И тотчас вторично треснул над ухом выстрел, ударил в нос вонью пороха, и немец на насыпи странно подпрыгнул, качнулся назад, вскинул руки, точно в ужасе хватаясь за голову, за растрепанные светлые волосы. Выпущенный котелок покатился вниз по насыпи, рассыпая помидоры, пилотка с малиной шлепнулась в песок, и, зачем-то повернувшись обезображенным жалким удивлением лицом в сторону выстрела, он, спотыкаясь при каждом шаге, побежал обратно, в сад, и там под крайними тополями упал, зарылся лицом в траву, плечи его дергались, похоже, от рыданий, и было страшно видеть, как белокурые волосы его и трава вокруг начали отблескивать красными жирными пятнами на палящем солнце.

— Готов фрицевский птенчик!..

Илья отбросил на бруствер карабин, гневно глянул на Шапкина, сказавшего эту фразу, потом наткнулся на растерянный взгляд Владимира, на угрюмо сверлящие стальными буравчиками глазки Лазарева и сел с выказанной непоколебимостью на снарядный ящик при всеобщем молчании, тонкая смуглость сходила с его щек.

— Из-за помидорного дерьма устроили перемирие с врагами? — проговорил Илья тугим голосом.— Забыли, как позавчера половину вашего взвода похоронили? Забыли братскую могилу вот за этим лесом? Хороши у тебя ежики, Васильев! За жратву маму родную продадут! Дерьма такого не видели?..

Он выругался и, выхватив из котелка лоснящийся упругой плотью помидор, неизвестно зачем с размаху влепил его в песчаную стену снарядной ниши. Помидор расплылся по стене красным месивом, стекая мякотью на дощатую крышку ящика, и опять тошнота подкатила к горлу Владимира. Он успел выбежать из орудийного дворика, а на опушке рвота и кашель заставили его схватиться за ствол сосны, он долго мучился, едва не плача в бессилии, его душило отвращение перед чем-то густым, красным, жирно поблескивающим там, в саду, под тополями, и здесь, на стене ниши, на досках снарядного ящика.

В тот же миг гулкий вихрь пронесся над головой, обесцвеченные солнцем молнии просверкали возле орудия, пули звонко и сочно защелкали вблизи, сбитая хвоя посыпалась на пилотку Владимира. Вытирая губы, слезы на глазах, он кинулся обратно к огневой позиции, еще не сообразив, откуда дал очередь по орудию немецкий крупнокалиберный пулемет.

Все на огневой позиции смотрели в одном направлении, где слева за железнодорожной насыпью продолжался лес, где издали светились коричневые стволы сосен и ослепительно синело небо меж кронами. Но всюду стояла звенящая кузнечиками тишина. И непонятно было, откуда стрелял пулемет,— не могли же привидеться Владимиру оранжевые трассы, этот гулкий грохот крупнокалиберных очередей в ответ на два выстрела из карабина. «Мне надо выспаться, все смешалось у меня в голове, бред какой-то...»

— Что ж, ясно, где фашисты окопались! Но мне не ясно, почему братание с ними устроили! — заговорил Илья непререкаемым тоном.— Впереди нашей пехоты нет, а вы, как вижу, хорошо живете!

— Зачем стрелял, лейтенант? — скучно спросил Лазарев, и его щекастое лицо угрожающе закаменело.

— Дальше, старшина.— Илья неторопливо поставил ногу в брезентовом сапожке на снарядный ящик, медленно оглядывая железнодорожную насыпь.— Продолжайте. Я слушаю, старшина.

— Зачем ни с того ни с сего ты нашу обстановку нарушил? — раздувая ноздри, повторил Лазарев.— У тебя подчиненный взвод есть, там и фордыбачь. Чуешь? Никто тебя сюда не звал, лейтенант.

Он не повышал голоса, но взгляд его стал свинцовым, остановленный на брезентовом сапожке Ильи, ладно сидящем на ноге (сапожки эти были выменены на трофейный «парабеллум» у интендантов в тылах стрелкового полка), и Владимир тоже увидел поставленный на снарядный ящик узкий сапожок, аккуратный на вид, немного облепленный сбоку песком и хвоей. Еще в артучилище и здесь, в полку, Илья по-особому тщательно носил новую форму, полевые погоны, подшивал к гимнастерке непонятно где раздобытый целлулоидный подворотничок (мечта всех молодых офицеров), и форма шла ему, гладко, без складок облегала его плечи и сильную грудь, перетянутую портупеей, продетой под свежевыстиранный или извоженный землей погон, а этот сапожок, уверенно поставленный на снарядный ящик, подчеркивал вроде бы его независимую и легкую силу, так раздражавшую, наверное, Лазарева, взбешенного этими неожиданными выстрелами Ильи, разом нарушившими безмятежный покой около орудия.

— Сапожки нафигарил на ходули и думаешь, лейтенант, все перед тобой в батарее на задних лапках ходить будут? — выговорил Лазарев, и кругло набухли жилы на его толстой широкой шее.— Подмять нас дисциплинкой хочешь, лейтенант? Кишки через нос потянуть, чтоб издали боялись? — проговорил Лазарев с задушливым хохотком.— Ты меня плохо знаешь, в разных взводах были, а ты хоть офицер, а я невзначай обидеть шибко могу, ежели меня к земле ногтем давят! Понял?

— Обидеть? Шибко? Меня? За что? Ах ты, глупец, Лазарев! Ну, здравствуй, если ты та-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38—44, 46—48.

кой нервный! Давай пять, чего смотришь! — сказал несколько недоуменно Илья, обнажая ровные зубы холодной улыбкой, и, не убрав брезентового сапожка со снарядного ящика, протянул старшине руку.— Здравствуй, уважаемый, здравствуй!..

— Чего?

— Здравствуй, говорю.

Лазарев разъяренно взглянул на протянутую ему руку, явно не понимая этого жеста, но сейчас же, видимо, мгновенно решив проучить чужого лейтенанта раз и навсегда, с силой ударил огромной бугристой ладонью своей в ладонь Ильи так, что раздался хлесткий звук, и клещами охватил, сдавил его пальцы.

— Тогда гляди, лейтенант, косточки переломаю, ровно барышне! — пообещал Лазарев с тем же сиплым хохотком и, уже приглашая всех в предложенную игру, подмигнул набрякшими складками век Калинкину и Шапкину, который присел на станину в удивленном ожидании, заломив на затылок пилотку.

— Ломай, Лазарев, не жалей,— разрешил Илья и с опасным, жестким спокойствием заглянул в намеренно заскучавшие глазки Лазарева перед борьбой.

Минуты две они стояли друг против друга, соединенные в противоестественном поединке, стискивая поворачивающим один другому кисти рукопожатием, старшина Лазарев все сильнее, все беспощаднее ломал пальцы лейтенанта, пытаясь придать щекастому лицу сонное, скучающее выражение, тупо глядя в бледный лоб Ильи, омытый капельками пота.

— Пошли, пошли сюда, Микула Селянинович,— сказал вдруг Илья и потянул Лазарева к нише, где было посвободнее, и здесь они опять встали друг против друга, сцепленные враждебным рукопожатием.

Потом, раскорячив бревнообразные в кирзовых сапогах ноги, Лазарев не без ленивой уверенности бодающе ударил головой Илью в плечо, предлагая начать борьбу, но тот порывисто и гибко полуотвернулся, и, качнувшись вперед, молниеносно перекинув руку Лазарева через свое плечо, рванул ее так резко, что сустав хрустнул, и тотчас, морщась от горлового вскрика старшины, изданного сквозь оскаленные зубы, как-то боком бросил тяжелое тело на бруствер орудийного дворика и, сделав шаг к поверженному Лазареву, выпрямился над ним, глубоко дыша, оправляя на груди портупею, сбившуюся в борьбе. А Лазарев, весь потный, с широкой, надувшейся шеей, жадными глотками хватал воздух, затрудненно подымался, держась за локоть, и повторял с задышкой:

— Ты, значит, хрящ мне хотел сломать, та-ак? Запрещенным приемом, значит, хрящ сломать?..

— Правильно. Хотел. Но не сломал. В другой раз сломаю. И в госпиталь отправлю дурака чертова.

Одергивая гимнастерку, Илья говорил вполголоса, точно удерживаемый презрительной неохотой объяснять что-либо, а его прищуренные глаза горели неумолимым огоньком, в котором было убежденное преимущество.

— Если у тебя в голове есть хоть пара извилин, то слушай, Лазарев, и запоминай,— продолжал Илья с непререкаемой вескостью.— Во-первых, таких, как ты, я встречал еще в школе и училище и, уверяю тебя, клал на лопатки. Во-вторых, ты будешь мне подчиняться как шелковый. Ясно? Я — командир первого взвода, и меня назначили исполнять обязанности командира батареи. Тоже ясно? Все раскусил, старшина? Или не все?

Лазарев стоял перед Ильей, задыхаясь, щетина разительно выделялась на его озлобленном, посеревшем лице; однако он нашел в себе силы, чтобы выговорить тоном ласковой ненависти:

— Может, научишь хитрому приемчику, лейтенант?

— Нет, не научу.

— Смотри, не прогадай, еще моей дружбы попросишь. Я ведь парень ежик, в голенище ножик. Сегодня твоя взяла, завтра — моя.

— Се ля ви[1], как говорят французы...— сказал с ответной деланной любезностью Илья и так передразнивающе нежно похлопал ладонью по крутому плечу Лазарева, что тот лишь каменно сжал челюсти.— Договорились? Или еще требуются аргументы?

[1] Такова жизнь.

В этой внезапной схватке со старшиной Илья не скрывал своего насмешливого превосходства над командиром отделения разведки, человеком старше его лет на десять, избалованным собственной силой, но все же вынужденным подчиниться ему, офицеру,— мальчишке, пришедшему сюда, на огневую, в новом качестве старшего на батарее, и мигом нарушившему установленный здесь порядок.

Владимир знал по школе и по военному училищу нетерпимость Ильи к чьей-либо физической силе, знал, как он одержимо занимался с седьмого класса то гимнастикой, то в секции бокса, нагоняя мышцы беспрерывными упражнениями, подтягиванием на турнике, постоянным сжиманием в кулаке резинового мяча, и уже к девятому классу приобрел славу самого сильного «из четвертого дома», и никто из соперников в замоскворецких переулках не пытался заносчиво вызвать его «на стычку» один на один. Когда в артиллерийском училище он, похудевший на скромном пайке, забыв, мнилось, былые увлечения, стал вновь обтираться снегом на утренней зарядке и ходить по вечерам на занятия самбо, это показалось лишним, смешным, подобно довоенной тщеславной игре ловкостью натренированного тела на глазах девочек в гимнастическом зале. И раз Владимир сказал Илье об этом, но тот принял его замечание почти добродушно и ответил, что не только в детстве, но в некоторых случаях жизни необходима отлично развитая мускулатура, дабы не быть униженным силой других.

Унижение Лазарева было явным, и ему едва хватало воли, чтобы расчетливо справиться с бессильным припадком ослепляющей злобы, что еще больше унизило бы его в глазах офицеров, а опытный ум подсказывал вернуть хотя бы видимость равновесия, смягчить поражение, и елейным безумием прозвучал его охрипший голос:

— Может, на ножичках еще договориться попробуем? По цыганскому обычаю! У вас, вижу, финочка отечественная, у меня трофейная... разница с гулькин хрен, если до первой крови!

И вытянул из ножен, словно из ненавистной жертвы, тонкую с кровожелобком финку, поплевал на ноготь, потрогал стальное лезвие, и Илья, уже теряя самообладание, упруго шагнул к нему, сказал, гневно кривясь:

— Хватит! Кончай блатной цирк, Лазарев! Или я тебе действительно шею сломаю, ясно?

Лазарев не без ритуальной осторожности вытер финку о рукав, и широкощекое лицо его с изобильной сладостью закивало Илье.

— А финочка в деле была. Испробована.

Илья повторил:

— Я спрашиваю — ясно? Или нет?..

И в его голосе было столько властной силы, столько подчиняющей уверенности в своем действии, готовности пойти на все ради душевного порядка и ради порядка формы взаимоотношений, что Лазарев, по-видимому, трезво осознал в тот миг, на что может решиться командир первого взвода, назначенный на должность комбата.

— Ясненько,— ответил Лазарев и втолкнул финку в ножны.— Так и запишем. Ясненько.

— Ну, то-то. Советую заняться целями для батареи и, пока не поздно, оборудовать энпэ[2], а не братание устраивать! — посоветовал резко Илья и сказал Владимиру: — Надо поговорить, Васильев.

Они шли по лесной дороге, усыпанной хвоей, испещренной солнечными островками, отовсюду наплывало тепло растопленной смолы, накатывало из-за кювета духом нагретой малины, и Владимир опять вспомнил, как губами тянулся к спелым ягодам белокурый мальчишка-немец, как второй выстрел настиг его на открытой насыпи, как упал он лицом в траву, выронив пилотку с малиной, и волосы его стали жирно набухать красным.

— Зачем ты?..— сказал осуждающе Владимир, чувствуя тошное недомогание.— Не надо было...

— А ты, Володенька, сердобольный, как вижу. Или ты что — вместе с Лазаревым перемирие с немцами подписал? Тоже мне — командир отделения разведки, называется! Перекочевал в твой взвод, делает вид, что сидит на передовой, жрет, кантуется, а где немецкая передовая — не знает. Твое орудие стоит на прямой наводке, насколько я понимаю, а немцы где?

[2] Наблюдательный пункт.

— Немцы были на насыпи.

— Где на насыпи? На мои выстрелы один пулемет откуда-то слева ответил — и все. Ну, где перед тобой передний край немцев? Куда стрелять будешь?

«Он разозлился и на меня?» — подумал Владимир, сотрясаемый ознобом, опустошенный, еще не опомнившийся после позавчерашнего боя, еще не забыв свое разбитое орудие и погибший расчет во время контратаки танков километрах в двух позади этого соснового леса.

— Ты, пож-жалуйста... за меня не беспокойся,— возразил Владимир, и его слова, смятые стуком зубов, заставили Илью быстро взглянуть на него.

— Слушай, может, тебе в госпиталь надо с твоей контузией? Ты что дрожишь?

— Н-нет, это так, ничего,— пробормотал Владимир.— Контузия не сильная. Пройдет.

Илья расстегнул воротник гимнастерки, задержался возле кустов дикой малины, разросшейся за обочиной дороги, опахнувших горячей листвой, древней духотой леса, и сорвал несколько крупных ягод, кинул их в рот.

— Пакость... теплые какие-то. Как он их ел?..

Он брезгливо сплюнул и полез за портсигаром, немецким, металлическим, с виньетками готического рисунка на крышке, вынул папиросу, и в его глазах прошла мрачная тень злого воспоминания, и властно поджались губы, как бывало всегда, когда он не хотел чувствовать себя неправым.

— Вот что, Володя,— заговорил Илья, садясь на поваленную сосну неподалеку от просеки, на которой виднелись замаскированные плащ-палатками два орудия, и солдаты, закрыв лица пилотками, лежали на траве, грелись и дремали на солнцепеке.— Глупость положения вот в чем. Впереди тебя нет нашей пехоты и нет немцев на насыпи. Мои орудия после боя держат эту дорогу. И, как видишь, солдаты загорают. Приказ стоять, и мы стоим, как слепые. Ты думаешь, танки пойдут на этот лес? Что-то не очень похоже. Позавчера все было ясно. Мы наступали, они драпали. А где сейчас немцы — за насыпью или еще дальше отошли — бог его знает. Таким образом, мои два орудия мы снимем отсюда и поставим метрах в ста от твоего, на опушке. Так будет разумнее. Если и пойдут танки, то они наверняка попрут через железнодорожный переезд, а потом через мост...

Он закурил, пожевал кончик папиросы, бисеринки пота выступали у него над сдвинутыми бровями от духоты парного воздуха. И пахло здесь тяжелой пряностью тлена, сонно жужжали над дорогой зеленые мухи, точками сверкали на солнце, садились на вдавленные колесами в песок разбросанные здесь предметы позавчерашнего боя — расплющенные колесами ребристые цилиндры немецких противогазов, железные лотки из-под мин, смятые коробки сигарет, разбросанные сахарно-белые пластинки искусственного спирта — загадочные иноземные предметы, притягивающие любопытство Владимира заключенной в них иной жизнью, имеющей свой запах и свой смысл.

— Где-то поблизости убитые,— сказал Владимир, ощущая в воздухе липкую струю разлагающейся плоти, как бы приносимую сюда жужжанием зеленых мух.

Илья поморщился, каблуком вдавил в песок пустой магазин немецкого автомата.

— Глупость положения заключается в том, что мы с тобой во многом зависим от Лазарева,— продолжал Илья раздраженно.— А я неопределенности терпеть не могу!

— Ночью Лазарев выберет энпэ на насыпи. И все будет в порядке.

— Нет!

— Что «нет»?

— Нет,— сказал Илья.— Во-первых, до ночи далеко. А во-вторых, Лазареву что-то я не очень верю. По-моему, мордой в землю его придется тыкать не раз. Поэтому думаю Шапкина назначить командиром отделения разведки, а Лазарева на его место, на связь. Так будет надежней. А там — посмотрим.

Илья без колебаний принял командование

тремя полковыми орудиями и девятнадцатью солдатами, оставшимися после позавчерашнего боя, когда погибли командир батареи старший лейтенант Дробышев и командир взвода управления лейтенант Курочкин, убитые вместе со всем расчетом четвертого орудия. Они были убиты прямым попаданием — две самоходки засекли орудийные выстрелы, незаметно зашли с фланга на поросшие кустарником высотки и ударили с дальности двухсот метров по открытому орудию. Третье орудие стояло на перекрестке полевых дорог, шагах в ста пятидесяти правее четвертого, самоходки, не медля, перенесли на него огонь, а когда Владимир, оглушенный раскаленным грохотом, засыпанный землей, давясь кашлем, неосвобожденной тошнотой, очнулся, то увидел, что весь край придорожного кювета был развален, срезан дымящимися воронками, острые края осколков торчали из обугленной почвы, и это было роковое счастье, везение, снисходительность судьбы, сохранившей его жизнь несколькими сантиметрами уцелевшего пространства. Он был контужен, и временами слитый в сплошной звон стрекот сверчков заполнял уши, как если бы лежал он на крыше сарая звездной ночью в деревне, порой плотная глухота окружала его, было больно, пьяно в голове, и он не слышал своего голоса. А то, что осталось от четвертого расчета, то, что надо было собирать потом по кускам и хоронить возле исковерканного орудия в наскоро выкопанной могиле, было настолько ужасающе безобразно, что невозможно было никого узнать даже по одежде, назвать по фамилии, невозможно было различить старшего лейтенанта Дробышева и лейтенанта Курочкина. Контузия, затмившая сознание Владимира, сместила реальность, его охватила бешеная неистовость, и, отдавая команды единственному теперь орудию из его взвода, он ругался в злобе, плакал и кулаком размазывал слезы по исполосованному пороховой копотью лицу.

Пехота подымалась в атаку несколько раз, залегала и вновь подымалась свистками, криками и ракетами, вскоре поле до самых немецких траншей густо затемнело бугорками убитых, и последняя атака была совершенно обессиленной — редкие фигурки оторвались от земли, двинулись в огненный хаос трассирующих очередей.

В темноте бой кончился, все смолкло. Пехота, потеряв в течение дня половину недавно прибывшего пополнения, наконец захватила траншеи немцев, втянулась в лес и поздним вечером заняла железнодорожную станцию за лесом.

Орудия получили приказ сняться, первому взводу Рамзина занять позицию в районе просеки, вблизи дороги, на танкоопасном направлении, а второму взводу Васильева (одному оставшемуся орудию) стать на прямую наводку напротив железнодорожного переезда. К середине ночи оборудовали огневую позицию, вырыли ровики в полный профиль, и целый следующий день, неподвижный, знойный, прошел в состоянии полусна, когда не хотелось двигаться, есть, говорить, когда у Владимира, не вылезавшего из своего ровика, звенело в голове и всплывали в памяти рваные, окровавленные куски одежды с металлическими офицерскими пуговицами, воронки между станин, что-то студенисто-красное, лохматым сгустком прилипшее к щиту скособоченного орудия, и по всему полю бугорки убитых из недавно прибывшего пополнения — новые шинели, нелепо вспопорщенные на спинах, еще не заношенные обмотки, толсто накрученные на ногах...

Утром его разбудил командир орудия сержант Демин, позвал к расчету на царский завтрак — мед, огурцы, помидоры, арбузы,— но Владимир наотрез отказался: все возникал перед глазами тот жирный студенистый сгусток на щите разбитого орудия, и разом начинало мутить, выворачивать пустой желудок, вызывая судорожным кашлем обильные, унижающие его слезы, которые он стеснялся показывать солдатам.

Он не хотел вспоминать позавчерашний бой, не хотел, чтобы Илья знал о контузии, завидуя его педантично выбритому смуглому лицу, его несомневающейся силе при утверждении себя в новом положении командира батареи, и его командный голос, каким он заявил сейчас о недоверии командиру отделения разведки, был исполнен решимости и действия.

— Думаю, что лейтенант Курочкин, пусть земля ему будет пухом, до невыносимости избаловал Лазарева, сам за него все делал, а он пускал пыль в глаза,— сказал Илья.— Для чего, спрашивается, мне такая артиллерийская разведка? Не знает точно, где немецкая передовая! Но ходит по батарее индюком.

— Ты знаешь, что Лазарев сидел до фронта в тюрьме и вообще — темный тип, с ним не хотят связываться.

— Знаю, но знать не хочу. Мне плевать, кто он был. Мне важно, кто он есть. Гнать Лазарева из разведки надо, немедленно гнать! В шею! Удивляет меня, конечно, то, что этот милый старшина считает себя пупом в батарее. Не хочет, видишь ли, подчиняться. Глупец! Я его заставлю выполнять обязанности, как образцового солдата, или сломаю ему хребет, дураку!

— По-моему, ты его уже приложил достаточно.

— Так нужно было! А впрочем, ничего прощать я ему не намерен.

— Тебе видней, Илья. Разведка и связь в твоем подчинении.

— Вот именно. В моем.

«Разве можно согласиться с тем, что решение Ильи в тот июльский день 1943 года сыграло роль в его судьбе, изменило всю его жизнь? И я ничего не мог сделать, предугадать? Но можно ли было его остановить?»

Они вернулись к орудию, Илья объявил о перемещении командиров отделения взвода управления. Выслушав приказ, Лазарев мерцающими нацеленными глазами охватил с ног до головы плотную фигуру Шапкина, затем с ленивой яростью сплюнул через бруствер и присел к котелку с медовыми сотами, внешне несокрушимый в собственной правоте. Это перемещение ничего, по существу, не изменяло в жизни Лазарева («что разведка, что связь батареи — один черт!»), но по тому, как Лазарев, расширив ноздри, сидел на станине орудия и жевал соты, с напускным интересом глядя на вьющихся вокруг котелка ос, по тому, как упорно молчал, видно было, какого усилия стоило ему подчиниться полностью жесткой воле нового комбата, оборвавшего его прочное положение независимости от командиров огневых взводов. Калинкин, вытянув голую шею, принялся озабоченно разрезать арбуз на брезенте, остальные лежали в тени брустверов, негромко похрустывая огурцами, никто не решался посмотреть в лицо Лазарева, который постепенно перестал жевать, широкие его скулы затвердели.

— ...Так вот что. Два орудия из леса передвигаем на опушку, к орудию взвода Васильева,— сказал Илья голосом приказа ни в чем не сомневающегося человека.— Перемирие с немцами кончено. Это стоит уяснить, Лазарев. И сачкование[1] кончено. Шапкину энпэ занять и оборудовать немедленно на железнодорожной насыпи. В районе сада и домика. Даю два часа на оборудование. Лазареву даю столько же на связь с пехотой.

Ровно через два часа ему доложили, что наблюдательный пункт выбран на железнодорожной насыпи, связь проложена к окопанным на опушке трем орудиям, установлена с правофланговым стрелковым батальоном, занимавшим станцию, и Илья перебрался на другую сторону ручья, к насыпи, чтобы обосноваться на наблюдательном пункте батареи.

И снова летний покой солнценосного дня потек из чащи соснового леса, обволакивая орудия жарой, тишиной, однотонным гудом лесных ос, и наползала вязкая пелена дремоты, и после еды слипались у солдат веки. Часовой Калинкин сидел на станине крайнего орудия, изредка протяжно зевал в сладострастной истоме, по-бабьи хлопал корявой рукой по рту, а сержант Демин, крепкогрудый, русоволосый красавец, устроился под бруствером и, надвинув на лоб пилотку, жмурился на кучевые облака, сияющие краями в синеве неба. Остальные солдаты расползались с солнцепека, с голого места у орудий — кто в открытые ровики, поближе к земляной прохладе, кто в нишу для снарядов, прикрытую брезентом.

Владимир лежал на плащ-палатке, разостланной на опушке леса, возле огромной сосны (чуть внятный холодок шел здесь от земли), и чувствовал, как отпускает головная боль, и весь он будто растворяется в этой мирной лени сытого часа, в пестроте бликов, в этом благолепии без единого звука войны лета, которое настойчиво обещало вечную неизменную жизнь с зелеными, светообильными днями, пропитанную любовью, радостью, как когда-то было в дачные сумерки Малаховки, затянутой сизыми самоварными дымками, озвученной патефонами из заросших сиренью переулков, поздними гудками и шумом электрички за озаренным луной лесом.

Мучительнее всего было то, что Илья получал письма от Маши, треугольнички, свернутые из разлинованных листков школьной тетради, и, подняв насмешливые брови, читал их, затем говорил несколько удивленно: «А!» — и не без небрежности засовывал письма в полевую сумку. И всякий раз Владимир не мог побороть себя, спросить, что и о чем она пишет из Ташкента, и всякий раз Илья, передавая ему Машин привет из эвакуации, прибавлял с усмешкой: «Представляешь, они еще за партами решают задачки по геометрии. Восторг, умиление, птичий щебет в садах! Ну что ей отвечать?» «А мы, знаешь ли, Маша, дорогая, стреляем по танкам?» Лучше ответь ты, хочешь?»

В его отношении к ее письмам была снисходительная досада взрослого человека на детские слова школьницы, с которой вроде бы вскользь виделся много лет назад, а теперь не вполне хотел утруждаться регулярной перепиской. Владимир охотно писал ей, вернее, отвечал за двоих, но письма по-прежнему приходили не ему, и чувство обиды и несправедливости испытывал он время от времени. Надо было, очевидно, не вспоминать ее часто, пора было относиться к тому наивному, школьному так, как относился к прошлому Илья — с дружеским снисхождением офицера, понявшего на войне гораздо больше, чем он за девять месяцев учебы в артиллерийском училище и за двенадцать месяцев фронта, где оба командовали огневыми взводами и разлучались лишь изредка, поддерживая огнем разные батальоны.

К командованию батареей Илья был готов давно по складу своей натуры. Бывшего комбата старшего лейтенанта Дробышева, человека немолодого, тугодумного, неповоротливого, призванного в армию из запаса «гражданского тюфяка», Илья не принимал всерьез, однако выполнял его приказания с той искусственной старательностью, какая помогала ему скрыть личное нерасположение.

«Теперь в батарее он заставит всех слушать себя,— думал Владимир, разморенный дремотой, лежа на плащ-палатке под кроной сосны.— Он заставит всех выполнять свои обязанности и не потерпит ничего лишнего».

Вверху за широкой зеленой вершиной высоко таяли нежнейшим дымом закругленные насыщенные светом облака, и ему чудилось, что когда-то знойным днем после купания он вот так же лежал в лодке, опустив весла, слыша хлюпанье воды за звучными бортами, все чудесно пахло летней рекой, мокрым полотенцем, а мимо текли дачные берега Клязьмы, и плыли вдоль зарослей камыша опрокинутые в воду круглые облака.

И сквозь дрему вспомнился конец лета в Москве, когда начинали съезжаться к учебе,— долгие августовские вечера во дворе, в переулках Замоскворечья отдавали тепло асфальта, в школьном саду на закате подымалась розоватая пыль над многолюдной волейбольной площадкой, а когда он принимал мяч, поданный Машей, то видел, как мотались ее выгоревшие волосы, блестели удовольствием и смехом глаза от ощущения юной гибкости послушного тела и от сознания своей власти над теми, кто чересчур внимательно поглядывал на ее золотисто-загорелые плечи, почти шоколадные в сумерках от морской воды и южного солнца...

Владимир пошевелился и сел, привалившись к стволу сосны, его окатывал, наплывая волнами, смолистый воздух, а вокруг все лежало в

[1] Безделье (солдатский жаргон).

прокаленной сонной одури, усыпляемое треском кузнечиков. От орудия, из снарядной ниши, из-под брезента доходил солдатский храп, внушая чувство нерушимое, домашнее, точно позавчера и не был похоронен в братской могиле четвертый расчет. Часовой Калинкин с карабином на коленях, задремывая на станине, затяжно зевал, ворочал красными белками, и, внезапно разбуженный толчком ноги Демина, отозвался обиженным вскриком:

— Ты очумел, никак? Зачем толкаешь?

Тогда Демин приподнял с земли красивую русоволосую голову, позвал не без юродствующей вкрадчивости:

— Калинкин!

— А?

— Дурака на!

— Опять свое? Чо я тебе сделал? Зачем насмехаешься? Земляк ведь ты мне, Демин. Сколько нас тут воронежских: раз-два — и обчелся,— заговорил голосом тихой укоризны Калинкин, и верхняя рассеченная осколком губа его, похожая на заячью, съежилась виновато.— Не обижай ты меня, за ради бога... Двое нас из земляков осталось. Позавчера Макарова свалило... из Малых Двориков. Осколком так грудь и разворотило. Последние мы с тобой.

А Демин, потягиваясь на земле молодым телом, наслаждаясь ничегонеделанием, сытой истомой, снова позвал притворно озабоченно:

— Калинкин! Слышь, Кали-инкин! Или как глухарь оглох?

— Ну чего? А?

— Дурака на. Умный ты очень. Потому тебя на посту в храп тянет. Башка хитрит. Чего ты хитрый такой?

— Ну, для какой нужды пристаешь ты, Демин? — жалобно спросил Калинкин, и подобие улыбки сморщило его изуродованную верхнюю губу.

— Мда-а!.. Как не думаешь, так не думаешь, а как подумаешь, так что ты думаешь? — проговорил Демин, преисполненный напускного ликования, и просторной грудью выдохнул воздух.— Сундукам из вашей деревни везет завсегда. Особенно ежели ухи лопухами,— продолжал с издевательской растяжкой слов Демин, радостно следя за изменением облаков в небе.— А у вас лопухастых за каждым плетнем. И полдеревни Калинкиных. Надо же! Куда ни плюнь — все в какого-нибудь Калинкина попадешь. И все коровы Дуньки, а собаки — Шарики.- От дуроломы несусветные!..

— Чем же мы тебе не по душе-то? — робко забормотал Калинкин.— Деревня наша маленькая, всего пятнадцать дворов, люди хорошие, работящие. В вашем-то Михайловском парни дерутся, бывало, а у нас в Двориках тихо, гармошка играет, девки поют. Мы тихие, у нас садов и пасек много. Мы никого не забижали.

— Я тебе и говорю — святой ты дворицкий, будешь сто лет после войны на гармошке наяривать, а потом на небеса вознесешься — и прямо в рай,— сказал Демин, колыхнув смехом грудь, и через минуту позвал скучающим голосом: — Калинкин!

— Ну чо?

— Оглобля через плечо!

— Опять свое? Ну, чо я тебе сделал, Демин?

— А я тебя спрашиваю сурьезным русским языком, Калинкин, почему у вас в колхозе все собаки — Шарики?

Были беззаботно-праздными эти часы июльского дня, который запомнился Владимиру, как жгучий солнечный блеск перед чернотой...

Продолжение следует.

И СНОВА «МАКБЕТ»...

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Большой театр... Рождение балета.

Май. Яркое солнце струится в просторные окна репетиционной. Зал пуст. Почему-то слепо горят четыре люстры, но этот свет не нужен. Кто-то гасит их.

Тишина. Большое пустое помещение. В углу медицинские весы. Рядом обыкновенная, прозаическая жестяная лейка. Вдоль голых белых стен натертые до блеска многими десятками рук деревянные поручни станка. Звучат гулкие шаги. Появилась Галина Сергеевна Уланова. Стройная, в сером костюме. Весеннее солнце зажигает легкий венчик светлых волос. Рядом с ней Владимир Васильев в черном трико, будто чеканный, со скульптурно ясными, мощными и одновременно тонкими линиями силуэта — широким разлетом плеч, выпуклым строением мышц. Пепельно-холодные тени неслышно скользнули по полу. Двое остановились, о чем-то беседуя. Доносятся отрывки фраз неясного для меня разговора. Слышу негромкое и ритмичное «па», «па-па-па» — и графически предельно очерченный жест руки Васильева, особенно образно читающийся на фоне окна. В огромном зеркале — одной из стен зала — все повторяется. Этот второй мир фиксирует каждое движение танцовщика или танцовщицы. Строгое око — бессонное, зоркое, бескомпромиссное.

К инструменту садится концертмейстер. В репетиционной уже четверо: Владимир Васильев — балетмейстер и исполнитель роли Макбета, Нина Тимофеева — леди Макбет, Галина Уланова — репетитор и Кирилл Молчанов — автор музыки балета «Макбет».

Первый аккорд. И вслед неспешное касание клавиш рояля. Зыбкое грустное эхо. В зал незаметно вошло средневековье.

— Все сначала, все сначала! — звучит негромкий голос Васильева. Хлопок руки.

Пыльные выгоревшие занавески, простой дощатый пол. Обыденность. Великая проза труда.

— Может ли она отравить меня? В этом весь парадокс,— слышу я слова.— Я все время мечусь и скрываю свой страх. Она сильна, и я боюсь,— произносит Макбет. В руках Васильева я вижу незримый кубок. Он пьет несуществующий напиток... Театр. Действо. Если хотите — магия.

— Ты ее выпрями, а потом поверни,— говорит Уланова.

Показывает сама движение. Вмиг становится иной. Неузнаваемой.

— Не бери высоко. Следи за силуэтом.— Голос знаменитой балерины звучит мягко. Уланова стоит у голубого окна и будто растворяется в свете.

— Обойди Макбета еще раз,— просит Галина Сергеевна. Нина мгновенно повторяет нужное движение. Ее шаги еле касаются пола,— крадущиеся, коварные. Она должна околдовать, зачаровать своего супруга. Заставить его понять неизбежность убийства короля Дункана.

Репетиция продолжается. А где-то рядом глухо рокочет огромный город. Двадцатый век.

— Володя, мне кажется, ты взял ее слишком высоко.

Сложная поддержка не получается.

Еще один раз. Еще и еще. Я теряю счет.

Тяжкое, прерывистое дыхание, неслышные шаги. Адская работа — вот что такое повседневность балета.

Кто видел репетицию мастеров высшего класса, тот поймет, какая бездна усилий, самых невыносимых, вложена в эту — далеко светящуюся впереди — легкость движений на сцене. Неимоверно долгий, многолетний путь — от школы с юных лет до этих минут репетиции — оказывается лишь мостиком для одоления все новых и новых высот.

— Володя, эта поддержка что-то не получается...

«Какая же это плаха!» — думаю я.

Композитор молчит. Он сцепил руки. Чутко слушает мелодию. Глядит на отвечающий ей ритм сложных перемещений героев балета в пространстве зала. Хореография — немая говорящая ткань, в которой выверен до сантиметра каждый жест, полет, па. Геометрия чувств... Ведь ты не слышишь на сцене ни единого слова, но тебе, зрителю, должен быть ясен любой диалог, монолог, сцена, в которой действуют, спорят, сражаются десятки людей. Колдовство... Я не нахожу другого слова, потому что ремесло, мастерство, тренаж — не все. Должно быть воплощение, проникновение, выразительность, таинственное «чуть-чуть». Это и есть истинный балет, где нет прозаического, перечислительного разговора, а властвует безмолвная песня поэтического, лирически наполненного танца.

Поражает, что балет, этот наиболее зримо окрыленный вид искусства, в подготовке к спектаклю невыразимо тяжел и приземлен. Танцовщица в процессе репетиции, в классе, некоторое время будто пребывает в состоянии почти гусеницы — невзрачной, тусклой, бесконечно измученной, чтобы потом, в огнях рампы, мгновенно раскрыться, взлететь ярким, невесомым, легкокрыло порхающим мотыльком...

За окном полдень. Простой деревянный пол стал янтарным. Прошло уже три часа репетиции. А ведь были разработаны всего две ситуации, даже не сцены будущего спектакля... Потом, на генеральной, я заметил, что эти коллизии, сыгранные в предельно отточенном выражении, заняли... меньше минуты времени! Такова цена прекрасного.

— Если бы зритель мог слышать ваши голоса...— говорит Уланова.— Но вы должны с т а н ц е в а т ь ваши чувства. И з о б р а з и т ь их. Поэтому повторим. Все должно быть ясно

...Репетиция продолжалась.

Бушует пламя рукоплесканий, и тает, тает вековой иней истории, исчезают тысячелетние барьеры, восстает живая связь времен. «Макбет» на сцене Большого театра. Балет?.. Шекспир — грандиозное эхо, в котором хохот и стоны далеких эпох звучат как гулкое рождение непостижимого хаоса страстей, владеющих человеком и сегодня. Потому так вечен, современен гений английского драматурга. Но чтобы заставить звучать голос Шекспира в балете — искусстве немой пластики, нужны были музыка и хореография, которые помогли бы раскрыть феномен трагедии бытия, столкновения любви и ненависти, света и тьмы и, наконец, очертить зловещий зов Рока, владеющего судьбами людскими. Так родились сцены по Вильяму Шекспиру — «Макбет» Молчанова и Васильева,— в которых сделана попытка воплотить слово великого драматурга в форму музыкальную, пространственную. Шекспир, разворачивая сюжет трагедии, подчинялся законам драматического театра. Перед авторами спектакля встал почти неодолимый барьер: борьба за Шекспира и «против него» — битва за параметры балета.

Перевести словесный строй в сложный язык иероглифов танца и все же сохранить обличительную этическую роль «Макбета», не потерять грандиозность накала страстей, бушующих в трагедии,— вот объем задач, представших перед композитором и балетмейстером-постановщиком. Особенно важно при всех этих невероятных сложностях было сохранить в р е м я, в котором происходит действие, за всей современностью музыкального языка и пластики не потерять чарующую патину далекой эпохи, составляющую суть характеров и столкновений спектакля. Композитор Кирилл Молчанов, балетмейстер-постановщик Владимир Васильев, художник Валерий Левенталь, дирижер Фуат Мансуров сделали все возможное, чтобы перед нами встала древняя Шотландия.

Владимир Васильев — ваятель. Только вместо податливой глины, гордого мрамора или чеканной бронзы перед ним живая плоть танца. Безумно трудна задача воплощения трагедии Шекспира в балете, ибо логика танца, несмотря на всю свободу, все же связана земным тяготением, пределом мышечной энергии и, наконец, условностями хореографии, которые, конечно, не могут соперничать с разящим своей обнаженной раскованностью с л о в о м гениального драматурга.

...Улица Неждановой. Сиреневый вечер. Снег. Мягкие, теплые блики света фонарей. Где-то в двух шагах — центр Москвы. Толчея машин. Поток спешащих, озабоченных людей. Здесь тишина. Ветхая маленькая церковь. Фасады старых домов, на них мемориальные доски. Имена великих русских актеров.

...Хлопнула дверь лифта. Звонок. Маленькая комната. В неярком, приглушенном теплом сиянии абажура — черный рояль. Ему тесно и просторно. Инструмент живет в кабинете композитора. На лакированной спине рояля кипа нот. Рядом столик у окна. Кресло. Шкаф с книгами.

Аккорд. Густые печальные звуки рушат тишину. В комнатку входит древность. «Можете себе представить,— проговорил Кирилл Молчанов,— что я ощущал, когда стоял у подножия «Макбета». Страшный омут страстей людских. История, далекая и вечно новая, стояла передо мною, начертанная гениальным пером. Не знаю, решился бы я на этот свой опыт музыкального прочтения трагедии Шекспира, если бы Прокофьев не проторил первую тропу из двадцатого века в тьму и в свет «Ромео и Джульетты». И я дерзнул...»

И снова прозвучал аккорд. Я вспомнил голоса гобоя, английского рожка, кларнета, мягкий человеческий лепет деревянных духовых, рассказывающих легенду. Увидел сцену Большого театра. Глухие, душные своды старинного замка Инвернес, в стенах которого вот-вот разыграется дьявольская история предательства. Прольется кровь.

Шекспир...

Музыка «Макбета» сурова и проста. Зловещие страсти, сжигающие сердца героев балета, вся атмосфера мистерии возникает перед нами в ясных музыкальных формах, лишенных какой-либо манерности или вычурности. Смелые гармонические построения четки и ритмически

Балет «Макбет» на сцене ГАБТа. В ролях: Макбет — народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, премии Ленинского комсомола Владимир Васильев, балетмейстер-постановщик спектакля. Король Дункан — заслуженный артист РСФСР Сергей Радченко.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Дважды Герой Социалистического Труда, народная артистка СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР Галина Сергеевна Уланова и народная артистка СССР Нина Тимофеева перед спектаклем ✱ Фрагменты балета «Макбет» в исполнении Н. Тимофеевой и В. Васильева.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

прозрачны. Мелос балета, берущий начало в народных напевах старой Шотландии, решен в современном духе. Оркестровая палитра Кирилла Молчанова красочна, и она, несмотря на весь демонизм трагедийного тона балета, глубоко реалистична.

...Зал Большого театра. Огромная люстра погасла. Электрический свет нас покинул. Таинственный луч из далекого далеке озарил темную бездну шекспировской трагедии, и я забыл, что это всего лишь сияние софитов. Гром... Приглушенное пение бархатных густых голосов контрабасов, виолончелей. Стоны труб. Плач скрипок. Мятущееся багровое небо. Низкие грозовые тучи задевают за острые зубцы древних башен. Звенит медь. Копья сомкнуты. Колючий силуэт эпохи.

Балет «Макбет». Сцены из трагедии Шекспира. Фрагменты великой фрески. Перед нами лики ведьм-пророчиц. Апокалиптические старухи вещают Макбету и Банко о грядущем. Впереди мерцает корона и смерть... Злобны гримасы вещуний. Немой их хохот. Странные прыжки, рваные лохмотья одежд. Хромающая — на пуантах — походка... Поворот, и мы видим вместо лиц колдуний зияющие глазницы, оскал черепов... Видение исчезает.

Кричат фанфары. Войска короля Дункана победили. Один из героев триумфа — Макбет. Его появление в первой картине чарует: сильный, открытый, мужественный, он олицетворение твердости, честности. Владимир Васильев сумел найти пластический язык сложного образа. На наших глазах герой, смелый рыцарь, превращается в преступника. Этот страшный процесс перевоплощения осмыслен, выражен в скульптурно ясных формах. От движения-полета человека-птицы — к судорожному комку поверженного тела злодея.

...Тревожный грозовой ритм не покидает сцену. Летят пущенные из лука боевые стрелы. Символ времени, сотрясенного битвами, подчеркнут в мужественных групповых танцах воинов в первой картине. Но не сражения — основа действия. Неодолимая сила Рока — лейтмотив спектакля. Для контраста во вторую картину введена маленькая сцена-пауза. Трогательная идиллическая история о судьбе несчастной-принцессы. Звучит простая шотландская народная песня, льются мягкие голоса деревянных духовых инструментов. В эту грустную глубоко человеческую мелодию вдруг врываются гнусавые вздохи саксофона, и перед нами возникает демонический облик леди Макбет — хозяйки этой душной тьмы.

В кресле партера рядом — Уланова. Я понимаю, что буквально каждое движение танцующих как бы проходит через нее самое. И еще раз чувствую то напряжение, внимание, тот большой труд, который вкладывает великий художник балета в каждое па, в каждый нюанс. В обеспечение логического невидимого строя непрерывности, кантиленности танца, не позволяющего ни на секунду потерять образ, силуэт, очерчивающий все до единого характеры трагедии.

Адажио... Макбет очарован коварной и жестокой женщиной, не останавливающейся ни перед чем в борьбе за призрак власти. Лучшие чувства принесены в жертву стремлению обрести корону. Когда порфироносный владыка наконец назван и придворные приветствуют короля Макбета, осью этой блистательной карусели становится торжествующая первая леди королевства. Приглушенное звучание оркестра подчеркивает фальшь этой круговерти лжи, притворства, коварных, пустых интриг.

Действие все убыстряется. Гибнет Банко — Андрей Кондратов — от руки Макбета, убирающего с дороги свидетеля пророчества ведьм. Но больная совесть преступника рождает призрак убитого: Макбет вдруг видит труп Банко на своем троне. Страх овладевает им... И вновь возникает зловещее трио. Вещуньи с посохами продолжают свое липкое завораживающее движение, и вы невольно угадываете в этом роковом ритме неминуемый исход трагедии. Когда последний раз возносится, как темное облако, вверх занавес, на одиноком троне — Макбет один как перст. Он духовно опустошен. Разбит... Владимиру Васильеву удается с фантастической силой создать сложнейшую форму этой финальной сцены, где отражен леденящий ужас столкновения человека с самим собой. Макбет отшатывается от трона. Каскад его угасающих движений рисует роковую борьбу страстей, разрывающих преступную душу. Жажда власти отступает перед мраком свершенного...

Среди самых блистательных учеников Галины Сергеевны Улановой Владимир Васильев, Екатерина Максимова, Малика Сабирова, Светлана Адырхаева, Людмила Семеняка, Нина Тимофеева.

Нина Тимофеева...

Представьте хоть на миг ту лавину оваций, цветов, восторга, которая обрушивается на приму-балерину Большого театра. И это из года в год... Как тут не поддаться эйфории славы. Не уступить сладкому желанию отдохнуть от поистине каторжной ежедневной школы, возвращающей тебя каждое утро на землю, заставляющей слушать не всегда лицеприятные речи. Но тот, кто шагнул однажды на тернистый путь танцовщицы, знает, что без труда, штудии, без тяжкой р а б о т ы, на одном лишь однажды достигнутом успехе, даже имея недюжинный талант, не проживешь. Это закон! И, пожалуй, мало кто из «звезд» Большого театра так упорно, ф а н а т и ч н о исполняет этот завет. Ни одной репетиции беспричинно не пропустила Нина Тимофеева. Часами в Москве или во время гастрольных поездок она неустанно занимается в классе. И с ней мало кто может сравниться в этом благородном упорстве, осознанном, вдохновенном служении искусству.

«Если бы не ленинградская школа, если бы не Галина Сергеевна, то...— смущенно говорит Нина.— Наверно, меня бы не было».

Но она есть! И в этом, конечно, заслуга и огромный труд ее учителей, репетиторов, балетмейстеров. Но признаемся, что та глубина раскрытия сложных драматических партий, которой достигла Тимофеева — Мехмену Бану в «Легенде о любви», Эгина в «Спартаке» и особенно в роли леди Макбет,— это плоды ее лично вдохновенного, трепетного проникновения в истинную бездну сценических образов. Здесь без культуры, темперамента и, повторяю, ф а н а т и з м а, подвига всей жизни ничего бы не состоялось.

Искусство — тайна!

Только поэтому возможно, что вечно сомневающаяся в себе, старающаяся быть почти незаметной, трепетная Нина Тимофеева, как никто, создает в нашем балете характеры властные, гордые, непреклонные, порою жестокие.

Парадокс? Возможно. Но творчество, чем оно значительнее, тем многосложнее, и истоки его неоднозначны.

Тимофеева создала свою леди Макбет настолько тонко и мощно, психологически объемно и в то же время кристаллически прозрачно, что хочется верить — эта ее роль войдет в галерею классических образов нашего театра.

В «Макбете» мы увидели молодую Нину Семизорову. Талант юный, ликующий, сочетающий великолепные внешние данные с огромным желанием постичь все тайны мастерства танца. Интересен, оригинален образ леди Макбет, очерченный ею.

Виктор Барыкин... Его Макбет — нервный, резкий. Может, исполнение еще порою скованно, но это его первая большая трагическая роль, и в ней уже проглядывают истинная артистичность, тонкость, такт. Впереди годы работы, штудии.

...И снова я невольно слышу тихий голос Улановой на репетиции в просторном пустом зале: «Нина, пожалуйста, повтори...»

Памятники культуры — гордость человечества. Не всем и не всегда это было ясно. Ныне мы зрим огромные усилия нашей страны сохранить эти б е с ц е н н ы е ценности. Каменные плиты сегодня говорят: «Охраняется государством». И это прекрасно!

На днях мне довелось видеть пятисотый спектакль «Жизели» Адана. Это один из последних оставшихся на сцене Большого театра почти в первозданной чистоте шедевров классического балета.

...В заколдованной роще движутся в завороженном ритме, подобно ожившим мраморным богиням античности, величественные и бессмертные души некогда живых, любящих, счастливых и несчастных дев, обретшие реальное сценическое воплощение. Что-то непередаваемое, неотразимое заключено в этом волнообразном, повторяющемся перемещении озаренных таинственным светом белоснежных виллис — непреклонных, гордых.

Мы знаем, что волшебные огни, загорающиеся в глубине нарисованной рощи, суть электрические лампочки; что Жизель, летящая в озаренных луной облаках,— всего лишь статистка: почти заметен стальной трос, удерживающий ее в воздухе. Но ты не видишь, не хочешь видеть и замечать всю эту бутафорию, потому что тебя покорили чары прекрасного — музыка, балет! Ворожба танцевальной кантилены самой Жизели — непрерывного движения, растворенного, протянутого в пространстве. Да, это магия: таково истинное искусство, где стерта грань реального, таинственного, мечты, будней.

Казалось бы, бесспорна истина, что Рафаэля или Рембрандта не надо да и нельзя «переписывать». Если есть желание сказать новое слово, необходимы новые усилия, чтобы создать н о в у ю к р а с о т у. Это аксиома. Почему же считается хорошим тоном в балете не беречь классику, переписывать заново шедевры, существующие на планете как вехи прекрасного? Это не означает, что не надо идти вперед. Но разве живопись Делакруа или Валентина Серова перечеркнула холсты Рубенса или Брюллова? Неужели музыка Вагнера или Рахманинова назойливо заставляет нас забыть звуки творений Баха или Глинки? Ведь «театр Островского» никак не исключает «театр Чехова»...

Надо идти вперед, искать силуэты нови, но при этом нет нужды взрывать Эрмитаж или Лувр. Так же, как не надо отнимать у людей радость общения с шедеврами классического «белого балета».

Палитра современного искусства многоцветна и многозвучна. Особенно это ощущается в нашей стране — поистине сокровищнице, творческой купели народов, принесших в общую культуру Земли свои краски, свои слова, свои ритмы. Сохраним же достойно жемчужины классического балета, давшего своей родине непреходящую мировую славу.

Антракт.

Небольшая комнатка. Два трельяжа, умывальник, в углу старомодное трюмо. На нем, до самого потолка—ворох балетных пачек. Пустые стены... Свет плафона дробится в зеркалах.

Лифт. Коридоры, каменные ступени. Проход. Брезжит свет. За порогом сцены, рядом с первой кулисой,— квадратная дощечка с насыпанной канифолью. Черный пульт. Красные кнопки: «пуск» и «стоп». На бетонной стене крупными буквами: «Курить воспрещается». Только что кончили стучать молотки, утихла спешка. Привычные нервные будни.

Пустынна сцена Большого театра. Миг чуткой тишины. Откуда-то сверху, из темного хаоса ползут неслышно декорации. Занавес закрыт. За ним лепечет огромный зрительный зал. На сером, гладком как лед полу — балерина. Одна. На зябкие плечи наброшен халат. Леди Макбет... Вдруг танцовщица встала на пуанты, склонила голову, вскинула тонкую руку. Замерла. Синий холодный свет остро блеснул по гладко уложенной прическе. Отбросил колкую тень на спинку бутафорского трона. Вспыхнул металл. Пробежало тысячелетие... Вот-вот прокричит труба. Заговорят скрипки. Распахнет ладони занавес.

Тихо. Так тихо, как бывает перед грозой, когда кажется, что слышишь звук собственного сердца.

Театр...

Композитор Кирилл Молчанов ★ Ведьмы — Владимир Деревянко, Сергей Соловьев, Сергей Громов.

АЛЕКСАНДР ПРОКО

Дм. МОЛДАВСКИЙ

Я знал его очень долго, с моих детских лет: он дружил с моими родителями. Много раз я писал о нем — были книги и статьи; пришлось писать некролог, потом воспоминания... И только сейчас, когда о поэте говорим уже в прошлом, а о юности его — в далеком прошлом, начинаем понимать масштабы его работы.

Убежден: рядом с нами ходил очень большой поэт. Подлинный. Глубокий. Новатор и человек, свято чтущий историей данные ему традиции.

Его жизнь началась на берегу Ладожского озера — Ладоги, в рыбацком селе Кобона. Помните?

О Ладога-малина,
Малинова вода.
О Ладога, вели нам
Закинуть невода.

Лес, лодки, вода и небо.

Детство было суровым, впроголодь. Но звучали песни, попевки, частушки. Любовь к ним поэт сохранил навсегда. В Питер он пошел учиться... Сотни, тысячи книг прочитал в учительской семинарии — на всю жизнь запомнил стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова... Но узнал и другое — идеи революции носились в воздухе.

А потом:

Шел Октябрь.
Небо тучами черными
хмурил...
Лес раздел, обнажил, оставляя
голье.
Революция — ветер.
Революция — буря.
Революция — сердце мое!

1919 год.

Новые песни, новые стихи.

Молодой коммунист Александр Прокофьев впервые идет на фронт. На защиту Красного Петрограда, на Юденича. Читая его стихи тех далеких лет, скромные газетные строки, вспоминаешь то песни Демьяна Бедного, то «Окна РОСТА» Маяковского.

И приходят на память строки «Песни о баяне» — знаменитой песни А. Прокофьева: «По лесам, долинам и полянам, вдоль прикамских, волжских берегов все с баяном, ой, да все с баяном мы ходили, ходили на врагов. Покрывали нашу землю росы, и под ветром в милом нам краю завивались ленточки матросов, и летели конники в строю».

Но это потом — спустя много лет.

А через несколько лет после гражданской войны он вспоминал:

В семнадцатом (глохни,
романтика мира!) мы бились,
как черти, а лоск
Изящный безусым пошел на
фронт, а там бородой
оброс.
. . . .
Мы — миллионы людей
бесстрашных,
те, что разрушили
гнет.

По всем иноземным морям
и странам слава о нас идет.
На тысячу тысяч верст
знамена — красный бархат
и шелк.
Огонь, и воду, и медные
трубы каждый из нас прошел.

Потом он учился, потом стал чекистом. Гордился доверием народа.

Первых стихов Александра Прокофьева читатель при его жизни не знал. К таланту своему поэт относился осторожно, ранних стихов не перепечатывал, не вспоминал. Уже после смерти Александра Андреевича были найдены их рукописи.

Среди них был набросок лирического стихотворения, видимо, экспромт. Нет, конечно, это не лучшее из написанного поэтом, но как пример школьной подражательной разработки темы («под Есенина»), того, что впоследствии было преодолено А. Прокофьевым, это, пожалуй, интересно: «Я отдам любимой сердце с кровью, но зачем подчас бываю груб? А теперь припал бы к изголовью. И искал бы мягких, сладких губ. И просил бы ласки и участья. И была б не просьба, а мольба. Крик о капле маленького счастья для худого скверного раба. Разреши смиренному смириться (я прошу участья твоего). И позволь немножко наклониться к изголовью солнца моего. Я отдам любимой сердце с кровью. И теперь не буду больше груб. И припал, припал бы к изголовью. И искал бы мягких, сладких губ». (Публикуется впервые.)

Очень слабы подражательные строки про «худого скверного раба» или «И позволь немножко наклониться» и др. Но есть и сильные — о том, что «была б не просьба, а мольба» или об «изголовье солнца моего».

Период ученичества у А. Прокофьева был достаточно долгим. Но читатель, поразившийся силе его «первых» стихов — «Песен о Ладоге», «Незнакомки» и др., вошедших в коллективный сборник «Разбег», а потом в его первую самостоятельную книгу «Полдень» (1931), о них, разумеется, ничего не знал... А вот стихи из первого сборника запомнил:

И головой со мною вровень
Неясная, но хороша.
Она идет пунцовей крови
И легковесней камыша.

...И, в сердце радостное
скомкав,
Туманный облик стерегу:

Я много слышал,
незнакомка,
О вас на дальнем берегу.

Прекрасные стихи, в блоковской традиции!..

Безусловно, у раннего Александра Прокофьева мы найдем влияние и Александра Блока и Владимира Маяковского; где-то по касательной прикоснулись к нему еще и Николай Клюев, и Николай Асеев, и другие поэты, имена которых он так щедро вспоминал под старость в своих стихотворениях.

Но это одна традиция, традиция современной литературы, внутрилитературных влияний.

Но была и традиция иная — традиция народного творчества, традиция фольклора, самобытного, трепетного и взрывного народного слова, традиция, окутывающая Александра Прокофьева. Мне приходилось рассказывать ему о поездках по далеким странам, по неблизким краям. Но по-настоящему заинтересовывался Александр Андреевич и слушал уже не «вполуха» (как он сам говорил), а с полнейшим вниманием, когда речь шла о народном творчестве.

Он и сам прекрасно пел народные песни. Он хорошо знал былины и причитания. И обожал частушки, не всегда подходящие для цитирования в юбилейной статье, но, могу заверить читателя, блистательные. И обожал, когда собеседник «выдавал» заряд частушек, которых он, Александр Андреевич, еще не знал.

Еще в начале тридцатых он был гостем заводов, строек, воинских частей — об этом можно прочесть в газетах тех лет.

Он был делегатом Первого съезда советских писателей.

Его стихи о Родине и родном городе завоевывали сердца, порой становились песнями: «Коль жить да любить — все печали растают, как тают весною снега... Звени, золотая, шуми, золотая, моя золотая тайга!»

С первого часа, с первого взрыва Отечественной войны он ощутил себя мобилизованным. Поэтическая публицистика, стихотворный репортаж — все было взято на вооружение А. Прокофьевым:

Умрем, но не допустим
(Нам воля дорога)
К Невы широкой устью
Проклятого врага!

Всегда, разговаривая с Александром Андреевичем, я поражался его знаниям — и поэзии и русского фольклора. У него была даже игра такая: выбирается какое-то слово, ну, скажем «лебедь». И каждый из присутствующих должен сложить на это слово частушку. Великолепное знание фольклора проявилось в прекрасной его поэме «Россия», написанной в годы Отечественной войны.

Сколько звезд голубых,
сколько синих,
Сколько ливней прошло,
сколько гроз.
Соловьиное горло — Россия,
Белоногие пущи берез.

Да широкая русская песня,
Вдруг с каких-то дорожек
и троп
Сразу брызнувшая
в поднебесье
По-родному, по-русски —
взахлеб.

Он был художником слова, натурой целостной, могучей. И в поэзии и в жизни.

«Придумывать» стихи Александр Андреевич не любил. Хитросплетения сюжетов ему были бесконечно чужды. Он любил простоту, не ту, как он сам говорил, «которая хуже воровства», а простоту мастерства. Сам он был мастером в полном смысле этого слова. И стихи его рождались из сложных, порой ассоциативных связей, начало которых возникало в увиденном клене, весеннем цветке или в цветовой гамме дня, а продолжение приходило из фольклора (причем, разумеется, не только из того, что он слышал и запомнил когда-то в детстве, но и из того, который он внимательнейшим образом изучал всю свою жизнь), а потом возникали сложные ходы движения стиха:

Я точно знаю, кто впервые
Давным-давно сказал:
«Не трусь!»
Тогда сказала так Россия,
Россия...
Если кратко — Русь.
«Смотри! Потом ведь кто-то
спросит.
Не трусь, а значит — и не лги.
Тогда друзья в беде не бросят
И побоятся бить враги».
Немало я путей измерил,
Ходил немало по Руси,
Ее напутствию поверив.
А кто не верит — сам спроси:
У тех домов с коньком
летящим,
У тополей — в воде по грудь,
У флагов блеклых и горящих,
Что осеняли дальний путь...

Книга «Приглашение к путешествию» показала подлинную народность поэта, его глубокое знание песен, присказок, легенд, живущих в памяти России.

Он был настоящим поэтом. И стихи были его жизнью. Была да-

ФЬЕВ

же какая-то магия стиха у этого человека. Я незадолго до его смерти посетил Александра Андреевича в Комарове. Мы сидели недалеко от ворот, так что он мог видеть движение на улице. Только, по-моему, он мало что видел — был он выключенный, сонный, уставший. И слушал меня невнимательно, вполуха. А за воротами проходили какие-то люди — дачники. И вдруг мы одновременно увидели женщину с кувшином в руках. И Александр Андреевич процитировал: «С кувшином охтенка спешит, под ней снег утренний хрустит».

Прочитал и будто очнулся! И заговорил живо и заинтересованно, будто глотнул животворный напиток. Помню, о чем говорили,— о литературе начала тридцатых годов, рапповской критике... Потом Александр Андреевич устал и будто снова начал впадать в сон.

Глоток Пушкина на какое-то время оживил его. Я, может быть, и сам бы не поверил, если бы не был тому свидетелем!..

Я кончаю свой рассказ о поэте... За окном ветер поздней осени, колышутся вершины сосен. Стынет вода залива.

И вот уже, взрезая волны, бегущие ровными рядами, белый теплоход идет к порту. Ритм волны все ощутимее, яснее. Вдали купола, башни, краны, гранитные стены, как скалы. Ритм подхватывают двигатели машинного отделения, ритм в далекой портовой музыке. Это ритм стиха. Волны у носа корабля омывают надпись «Александр Прокофьев». И вот уже из гула и стуков рождаются стихотворные строки:

«Как живешь ты?
Были штормы?» —
«Были!
Далеко я в море уходил.
Океан,
что конь, по шею в мыле,
Только пену сбрасывал с удил!»

Это строки из стихов Александра Прокофьева. Есть там и такие слова:

Слава о тебе прошла,ликуя,
И вблизи и в далях боевых.
О тебе молва прошла, тоскуя,
Прогремев, что нет тебя
в живых!
Нет, живой!
И мимо скал отвесных
Ты идешь,
задорен и упрям.
Нет, живой ты!
Ибо всем известно —
Мертвые
не ходят
по морям!

Будем думать о человеке, начавшем свой путь солдатом революции и ставшем ее поэтом, о тонком лирике, мастере русского стиха, певце родной северной природы.

Будем думать о поэте — Герое Социалистического Труда, лауреате Ленинской и Государственной премий.

Будем думать о живом Александре Прокофьеве!

РУССКИЙ ИЗРАЗЕЦ

Л. НАТОЧАННАЯ

Мороз стоял крепкий, так и скрипел под ногами снег. А в доме было тепло и уютно: жар шел от расписной изразцовой печи. Захотелось подойти и отогреть руки, да заодно рассмотреть, как она изукрашена. И впрямь на диво хорошо: на каждой кафле — берег морской. Невиданное дерево раскинуло свою зеленую крону. Бьются у его подножия изумрудные волны. Вдали темнеет замок. Тучи набежали на светлое небо. И происходят на том берегу события невероятные...

Что эта печь! В стародавние времена в каждом здании были «печи в пестрых изразцах», как сказал А. С. Пушкин, и одна краше другой. А как же иначе? Какой русский дом мог обойтись без нее! Ну и старались умельцы угодить своим заказчикам: что только не изображалось — родная флора и фауна, нужедальние страны и народы, диковинные звери и птицы, библейские сказания, картинки русской жизни, сюжетные сценки — либо комические, искрящиеся юмором, либо поучительные, даже душевное состояние человека отражено было. Вплетали в рисунок надписи: одна, с изображением грустной птицы, вещала, что «поет печально», другая сообщала, что персонаж, на ней запечатленный, «собирает овощи», третья признавалась, что герой «показует себе путь дальний», иная свидетельствовала, что тут пристроились «олень дикий» либо «собака гончая»...

Выставка «Русский изразец» из собрания Государственного Исторического музея, на которой показаны образцы этого искусства, разместилась в приземистом здании бывшего певческого корпуса Новодевичьего монастыря. Подобная обширная экспозиция представлена впервые. Вобрала она в себя около двух тысяч творений русских мастеров XII — начала XX века. Хронологический принцип расположения экспонатов дает возможность познакомиться с основными этапами развития русского изразцового дела, корнями своими уходящего во времена Киевской Руси.

Придя на смену белому резному камню, облицовочная керамика в XV веке стала широко использоваться для наружного декора зданий. Возобновилось производство цветных глазурей, зачастую с рельефным изображением. Свидетельство высокого мастерства русских керамистов — панно «Распятие» XVI века из Борисоглебского собора города Старицы. Выполненное в теплых тонах, оно создает ощущение глубокой человеческой скорби и трагичности, которое чувствуется в согбенных фигурах героев, в безутешных ликах ангелов, парящих над ними...

С благородством и пониманием меры созданы терракотовые печные кафли XVI века, густой зеленью отливают «муравленые» — первой половины XVII, радуют глаз многоцветные рельефные «фряжские» (то есть на заграничный манер), покрытые эмалями,— второй половины XVII века, времени расцвета русского изразцового искусства.

Один из замечательных тогдашних керамистов, Степан Иванов сын, по прозвищу «Полубес», создал рельефные, выдержанные в палитре «пятицветки», фигуры евангелистов в человеческий рост. У Луки здесь хитровато прищурены глаза, нос «уточкой», глубокие горькие складки у рта. Борода черна, как смоль, оттого незащищенно-белой кажется шея. Хоть одеяние его и соответствует традиции и прижимает он к себе священное писание, так и кажется, что этот святой «списан» с натуры: встречались на Руси такие в меру плутоватые, в меру простоватые мужички. Уж не за колдовское ли умение прозвали Степана Полубесом?

XVIII век внес новшество: менялась архитектура, и ненужной стала наружная облицовка керамикой. Зато повезло печам — только их и стали декорировать кафлями. Камерность применения изменила характер самого изразца: он становится гладким — рельеф уходит. Роспись на исконно русский образец красочна и жизнерадостна. От восемнадцатого века старается не отстать и девятнадцатый. Начинается и фабричное изготовление керамической продукции, она технически совершенна и по-своему оригинальна: например, красочными панно и кафлями славился завод М. С. Кузнецова.

В конце прошлого столетия попытались было возродить самобытную русскую керамику. Многое для этого сделала Абрамцевская мастерская, особенно М. А. Врубель. И поныне любуемся мы работой содружества художников и керамистов: майоликовым панно на фасаде гостиницы «Метрополь», чудесными каминами в музее-усадьбе «Абрамцево». Еще одна артель художников-гончаров, «Мурава», горячо поддержала это начинание. Они превратили в сказочный терем один из домов в Соймоновском проезде в Москве, изготовив для него великолепное керамическое убранство.

...Бродишь по залам и удивляешься тонкому умению известных и безымянных русских искусников, запечатлевших в глине сказочную красоту. Щедро знакомит выставка с творчеством русских изразечников. Экспозиция дополнена интерьерами, в центре которых подлинные смонтированные печи или камины. Здесь же предметы обихода соответствующей эпохи: мебель, светец, кованый секирный замок, медный рукомой, бра и многое другое, что передает дух и атмосферу времени.

ТВ

ПРОДАТЬ ВСЕХ, ПРОДАТЬ СЕБЯ...

...Когда-то он был другим. Каким — он уже не способен вспомнить.

Однажды ему был задан вопрос: кто лучше — он прежний, наивный, славный парень, или...

Когда же все это началось?.. Заметил ли он тот момент? Был ли у него выбор? Впрочем, подобные вопросы тоже остались для него в прошлом. В том прошлом, к которому нет и не может быть возврата...

Действие трехсерийного телевизионного фильма «Рафферти» [1], поставленного по одноименному роману Лайонела Уайта, переносит нас в современную Америку. Главный герой фильма Джек Рафферти — обычный, в сущности, чиновник — предстает в качестве свидетеля перед комиссией по расследованию деятельности профсоюзов. Но у «обычного чиновника» есть цель: в случае благоприятного исхода дела он станет руководителем регионального профсоюзного комитета, что означает деньги и власть. И мы с вами наблюдаем не процесс морального падения — оно уже произошло в том далеком-далеком прошлом. Мы видим последствия.

По ходу действия фильма раскрывается чудовищная, почти невероятная глубина человеческого падения.

— Ты же знаешь,— говорит Рафферти одному из своих коллег,— если мне что нужно, я на все пойду.

И он действительно идет на все. Выгораживая себя, дает показания против старого друга, доводя его тем самым до самоубийства; любящую его женщину отправляет в наложницы к одному из профсоюзных боссов в обмен на будущие «голоса избирателей». А перед тем, как совершить очередное предательство, лицемерно вздыхает:

— Ну что ж, видимо, и через это придется пройти.

Индивидуальные качества Джека Рафферти прямо вытекают из его общественной сути. Встав на стезю профсоюзного и политического функционера, он вынужден принять условия, которые поставило перед ним буржуазное общество. Поставило жестко и безоговорочно, открыв лишь один-единственный, заранее указанный путь: от сделок с совестью к полной ее утрате.

Из скольких таких рафферти состоит буржуазная государственная машина США!.. Это и частный детектив, уверенно, со знанием дела рассказывающий о своем ремесле: подслушивании телефонных разговоров, это и гангстер, состоящий на службе у профсоюзных боссов...

Острота картины в ее точности. События могли происходить и год назад и вчера, могут произойти завтра...

— Для меня главное — работа! Я не принадлежу себе! — кричит в исступлении Рафферти.

Что верно, то верно — он стал одним из винтиков огромной бездушной машины. Принадлежать себе невозможно.

А. СОКОЛОВ

[1] «Рафферти», «Ленфильм», 1980 год.

В Е Л И К А Н

К. РАШ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Кто из нас не помнит с детства эти странные географические названия — Кума и Маныч, рек, по бассейнам которых проходит граница между Азией и Европой на Северном Кавказе—«по Кума-Манычской впадине», как пишут в учебниках. Впадину проезжий человек не увидит, вокруг, насколько охватить можно глазом, бескрайняя равнина под куполом синего неба. Серебрится ковыль на склонах балок, низины устилает душистый чебрец, над головой заливается жаворонок, да кружат ястребы в поднебесье, и бежит по степи Кума-хлопотунья. Речка с виду неказистая, но важная. Воды ее не просто мутны. Они поразительно мутны. Кажется, это не вода, а глина во взвешенном состоянии.

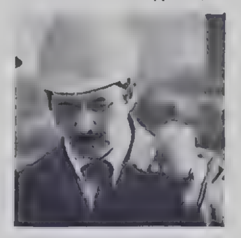
Но даже такая энергичная река еще недавно, не добегая до Каспия, терялась, обессиленная, в песках за Нефтекумском. Теперь ее, Куму, как под руки, каналами бережно до моря доводят. Вода здесь так нужна, что маленькая река не только делит части света, но и дает название четырем районам — Нефтекумскому, Левокумскому, Зеленокумскому и Прикумскому. Последний, впрочем, теперь вновь переименован в Буденновский район. Он расположен на востоке Ставропольского края. Буденновск до революции назывался Святой Крест. Заштатный сонный городишко, основанный во времена Павла, в гражданскую войну оказался в центре революционных бурь. На площади Святого Креста белые казнили героя гражданской войны Ивана Кочубея. Там теперь памятник знаменитому комбригу. Город освободила прославленная Святокрестовская дивизия.

Последние пять лет Буденновск не сходит со страниц центральных и особенно местных газет. Он стал популярен. Сюда идут потоки грузов со всей страны и из-за границы. Спешат командированные, едут стройотряды, пылят самосвалы, заседают штабы. Словом, кипит стройка на окраине Буденновска. У самого берега озера Буйвола в степи вырос завод-гигант.

Пять лет назад молодой директор новополоцкого производственного объединения «Полимир» Дмитрий Михайлович Лукин был назначен директором не существовавшего еще Прикумского завода пластмасс в городе Буденновске. Отрасль отдавала стройке свои лучшие командные кадры. Ставропольский край сделал то же самое. Сам Буденновск послал на стройку тысячи людей. Специалистов подбирали опытных, не теряющихся в нестандартных обстоятельствах,— ценились опыт и решительность.

В 1975 году Д. Лукин вместе со своим водителем Николаем Шуровым, уроженцем Буденновска, приехали на пустырь у озера Буйвола и без свидетелей и музыки забили первый колышек в основание будущего завода. Потом этот колышек превратился в 770 тысяч свай под различные сооружения. И какие сваи!

В этих краях ветры ураганные не редкость. Город и его окрестности покоятся на тридцатиметровой подушке из прессованной пыли, тончайшей, как пудра. Это без всякой метафоры пыль тысячелетий, неутомимая работа ветров. Чтобы загнать сваю на двадцатиметровую глубину, сначала бурят шахту. Туда вставляют каркас из металлической арматуры, потом под давлением в шахту загоняют бетон. Сто пятьдесят километров труб разного сечения из металла, керамики, чугуна, стали и пластмасс идут к заводу под землей. Столько же труб под самим заводом, а сколько их над землей?

Зам. управляющего трестом «Промстрой-2» Н. П. Кавтеладзе.

Что тут творилось горячей летней порой — и не передать! Гул механизмов, рев самосвалов, вспышки сварки, мельканне тысяч касок, пыль столбом. Пятьсот ставропольских студентов за лето осваивали миллион рублей. В пиковые периоды число строителей доходило до десяти тысяч. И это в районе, где, по словам руководителя треста «Промстрой-2» Степана Геворковича Махмуряна, еще недавно даже захудалого СМУ не было. Здесь трудились люди со всех концов края.

Степь тут не любит шуток и ничего не делает наполовину. Коли жара, то под сорок — горит и трещит земля, высыхают реки, опаленные зноем; коли мороз, то тоже под сорок, и те же бедные реки промерзают до дна. А коли задует черная буря, то пиши пропало. Вой, стон над землей, мрак кромешный, не то чтобы солнца, а пальцев вытянутой руки не видно. Строители это пережили.

Пока строился завод, его будущие специалисты, начальники цехов, смен, аппаратчики обучались на родственных предприятиях в Союзе и за рубежом. Завод установил контакты со многими научно-исследовательскими институтами. Особенно крепкие узы связывали его с Институтом катализа Сибирского отделения АН СССР. И все это во имя того, чтобы возвести крупнейший в Европе завод, который обеспечит стране почти треть прироста производства полиэтилена.

По существу, это завод-полуавтомат, хотя каждый узел предприятия сам равен солидному предприятию. На редкость умное производство. Каждый день оно будет потреблять эшелон бензина из Грозного. Намечается протянуть нитку бензопровода из Нефтекумска — это за 80 километров от Буденновска. Из бензина тут будут получать не только полиэтилен. Бензин пройдет через огонь, воду и трубы, его будут кидать то в жар, то в холод, сжимать и вновь отпускать, то доводить до газообразного состояния, то вновь превращать в жидкость.

В процессе полимеризации жидкий этилен кипит в реакторе, опускается вниз во взвешенном состоянии и выходит на свет божий чистым белым порошком. В другом цехе его вновь разогреют и, выдавливая, как макароны, разрежут на гранулы, потом ссыплют в мешки, запакуют — и на платформы. Всеми операциями управляет ЭВМ. Но даже на этом автоматизированном заводе будет занято две с половиной тысячи рабочих, причем рабочих очень высокого класса, ибо завод — последнее слово химической индустрии.

Разглядывая грушевидные реакторы-великаны, невольно задумываешься: как их доставили сюда? Ты можешь и не задавать этот вопрос. Все равно тебе расскажут про эту эпопею — столь же сложную, сколь и смелую операцию перевозки реакторов из Ленинграда в прикумские степи.

Лукин со своей командой оказались при этом на высоте. После тщательного анализа всех возможных вариантов доставки реактора из Ленинграда и через Каспий и через Черное море грушевидный великан весом в 210 тонн поехал по Онеге, Ладоге, Волге, Дону в озеро Маныч-Гудило, а там от села Дивное посуху до Буденновска. Каждая разгрузка и погрузка — целое событие. Речники никогда с такими махинами дела не имели. Лукин появлялся на пути реактора при самых драматических ситуациях, казавшихся безвыходными. Опыт, упорство, смелость выход подсказывали. Реактор весом в более двести тонн был пронесен по воде и по степи бережно, как яичко.

К каким только хитростям, уловкам не прибегали в пути. Под мостами притапливали баржу с контейнером, приподнимали провода электропередач. Озеро Маныч не судоходное — не беда. Чтобы под килем было хотя бы 20 сантиметров, подкачали из соседнего Пролетарского водохранилища воду в озеро Маныч. Два тягача,

Зажглись огни нового завода.

в степи

Один из лучших аппаратчиков завода, Николай Батухтин.

«Ураганы», тащили реактор спереди, а третий придерживал сзади на спусках. Малые мосты обходили. Насыпали новые дороги и объездные пути. Самые большие испытания выпали на суше. Скорость 8—10 километров в час. Десяток машин сопровождения. Могучие «Ураганы» ревут. Медленно ползет по степи груша в 25 метров длиной. Картина как из фантастического фильма. Реактор собрал тысячи любопытных буденновцев. Встреча в Буденновске была торжественной. Люди были так потрясены видом махины, что всю осень сюда приезжали молодожены, чтобы сфотографироваться у реактора.

Кончили строить первую очередь завода, а уже забивают сваи для второй. Она даст винилацетат для пластиков и эмульсию для лаков и красок. Здесь будут получать и полипропилен для всевозможных отделочных материалов и труб.

Прикумский завод пластмасс стал для здешних строителей и руководителей еще одним испытанием на прочность, деловитость, мобильность. Но все начиналось не здесь, в Буденновске, а на берегу Кубани, в Невинномысске, четверть века назад, когда там был заложен гигант нефтехимии. Невинка — старт большой химии Ставрополья. Потом был Черкесск, а теперь Буденновск.

Стоит лишь вспомнить Невинку, беседуя с ветераном стройки, и сразу же твой собеседник настраивается на лирическую ноту. «О, Невинка!.. Так то же моя молодость». Это молодость и заместителя начальника «Промстроя-2» Нодари Платоновича Кавтеладзе, и секретаря крайкома партии Вениамина Георгиевича Афонина. Когда шла стройка в Буденновске, Афонин был заведующим отделом строительства крайкома партии. Вениамин Георгиевич знает завод пластмасс вдоль и поперек. А спросите его: «Как это было в Невинке?..» Там он начинал инженером, стал секретарем горкома партии. Невинка теперь целая школа в нефтехимии. Она поставляет кадры другим городам. Станет ли такой же школой Буденновск? Покажет будущее. Сейчас коллектив завода органично включается в многогранную жизнь города. Хоть и принято говорить, что завод построен на пустом месте, но это не совсем точно. Он строился в тяжелейших условиях, без строительной базы, но не на пустом месте. Привязка к местности была безупречной. Рядом сырье. Буденновск на ветке железной дороги, и к тому же дальше поезда не идут. К нему тяготеют пять соседних районов. Сюда они везут на элеватор зерно. Отсюда развозят по районам товары с базы потребсоюза. Здесь лучшие медицинские учреждения на востоке края. Тут крупнейшая ленточкацкая фабрика и, наконец, трест «Прикумскводстрой» с пятью тысячами рабочих дает воду, а значит — жизнь. В районе треть миллиона тонкорунных овец. Буденновск знаменит своим виноградом. Разве это «пустое место»?

И все-таки в этой бескрайней степи между Европой и Азией, где летом кружат лениво ястребы в знойном мареве, ничто так не поражает, как возникший сверхсовременный химический гигант.

Сергей **САРТАКОВ**

СВИНЦОВЫЙ МОНУМЕНТ

РОМАН

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

7

Осторожно, словно бы все здесь было хрустальным, и стены и любые отдельные предметы, Даша передвигалась по мастерской. Ей хотелось и все сразу охватить одним взглядом и вникнуть в каждую подробность. Она знала, что все эти сотни и сотни полотен, натянутые на подрамники или вставленные в багетные рамы, а теперь небрежно приставленные к стене и тыльной стороной повернутые к человеку,— все эти неисчислимые стопы рисунков на бумаге, уложенные в папки или попросту крест-накрест связанные крученым шпагатом и взгроможденные на плотницкой рукой сделанные стеллажи,— только малая часть труда художника за двадцать лет. Что-то передано в музеи, что-то подарено или продано, а больше всего — выброшено в мусорную корзину или предано огню. Мастерская Андрея Арсентьевича была оборудована центральным водяным отоплением, но по согласованию с пожарной охраной в зимнюю пору он устраивал большие аутодафе в просторном, заснеженном дворе. Иначе ему и повернуться было бы негде.

Даша первый раз в жизни была в мастерской художника. Она любила бродить по картинным галереям, только времени мало было для этого, любила читать книги и смотреть кинофильмы о великих мастерах кисти. Но это было все равно что рассматривать гербарий вместо живых цветов, растущих на тихой лесной полянке. Покупать в магазине душистую подрумяненную булку вместо того, чтобы проследить мысленно путь зерна с момента, когда его бросят в землю, затем заботливо вырастят из него на поле тучные колосья, сожнут их, обмолотят, смелют, просеют, заквасят дрожжами и превратят в хлеб.

Она видела результаты труда художника, была зачарована ими, но она не видела самого живого труда художника, не вливалась в его душу, которую он вкладывает в свой труд. Все это для нее было загадочным и священным. Она остро, хотя и неосознанно, чувствовала, где подлинное вдохновение, а где бескрылое ремесло.

И вот она ходила по мастерской художника, перед картинами и рисунками которого всегда испытывала потаенный восторг. Почему? Она не сумела бы объяснить этого. Это был е е художник, частица ее духовного видения мира. А может быть, она сама была такой частицей в понимании мира этим художником. Все равно. Важно, что они совпадали. Любая картина, отделенная от ее создателя, жила собственной, независимой жизнью. Она могла быть величайшим произведением искусства, но все-таки для Даши она оставалась только картиной, свидетельством степени одаренности художника. В мастерской же Андрея Арсентьевича его работы были продолжением его личности, его жизни. Вот потому здесь все и было хрустальным. И на самого художника Даша смотрела с таким же внутренним трепетом, как и на его картины.

Ей очень хотелось понять, увидеть самой, как э т о делается, как замысел художника превращается в линии и краски, единственные линии и краски, способные о ж и т ь под рукой мастера. Рисовать и сама Даша умела, в школе получала пятерки. Но это была просто добросовестная техника рисунка. Еще более добросовестной, высокой и даже высочайшей техникой пронизаны были работы многих профессиональных художников, живописцев и графиков, которые доводилось ей видеть на выставках и в повседневности,— иллюстрации в книгах, картины и эстампы на стенах квартир и учрежденческих помещений.

Смотреть на эти произведения искусства было приятно, порой они будили какие-то далекие ассоциации, создавали настроение, но остаться с ними и поговорить наедине, как с живым человеком, как с собственной совестью, хотелось с немногими. Избранными. Работы Андрея Арсентьевича для Даши все были и з б р а н н ы м и, даже те, которые не обладали особо высокой техничностью своего исполнения. Его рисунки и картины ж и л и, с ними можно было мысленно разговаривать, советоваться, спорить. И просто наслаждаться, глядя на них. Даша чувствовала себя внутренне оскорбленной, когда при ней кто-то равнодушно перелистывал книгу с иллюстрациями художника А. Путинцева.

Она много раз пыталась представить себе, как же выглядит внешне сам этот Путинцев. И не могла представить. Он как бы по размерам своим не вмещался в рамки ее воображения. И не потому, что он был гигантом, нет, а потому, что ее рамки для него были тесны. Ясно ей было только одно: этому человеку можно верить. Как нельзя не верить и его искусству.

И когда он впервые появился в их лаборатории и спросил, не называя себя, может ли он видеть Германа Петровича Широколапа, Даша без колебаний, почти автоматически выговорила: «Да, Андрей Арсентьевич, да...» И удивилась тому, что на его лице, в свою очередь, отразилось удивление: откуда она его знает? А как же иначе-то? Но это был немой обмен взглядами. Очень быстрый, потому что Даша, зардевшись румянцем, тут же вскочила и открыла ему дверь в кабинет своего начальника.

Конечно, не так уж совсем неожиданным было появление Андрея Арсентьевича. О нем не раз говорил Даше Герман Петрович, что вот, дескать, завел курортное знакомство с одним художником, который для него интересен в двух отношениях. Во-первых, как знаток горной сибирской тайги, с которым можно было бы скооперировать нужную для собственной научной работы Германа Петровича поездку в глубь этой тайги; во-вторых, как иллюстратор и оформитель книги, давно готовящейся к публикации по тематическому плану лаборатории. А поскольку у художника есть и свой интерес — обещанные ему извлечения старинных изданий из бабушкиных сундучков,— встречи с ним будут желанны и полезны.

Герман Петрович даже сказал доверительно Даше, что на данном этапе количество этих встреч важнее их качества, то есть это может быть и пустой болтовней. Главное — в ходе этих частых бесед приучить Путинцева к мысли, что их совместный поход по сибирской тайге — дело твердо решенное. И приказал Даше постепенно и неторопливо — время есть и его можно еще подрастянуть — обойти всех сотрудников НИИ и в частном порядке выяснить, кто и какими богатствами для Путинцева — не говоря, что для Путинцева — располагает. Все собрать, сконцентрировать здесь, а выдавать художнику малыми порциями.

Даше и тогда этот заговорщический тон не понравился. Художнике Путинцева она полюбила по его рисункам прежде, чем услышала что-либо о нем от Германа Петровича, но приказания начальника выполнять надо, и Даша отправилась в обход по всему институту. Ей повезло. Кой-что быстро, уже через несколько дней, оказалось у нее в руках, кой-что ей пообещали поискать в квартирных темных кладовушках и на дачах, а наиболее отзывчивые и радетельные согласились поспрашивать еще и своих знакомых.

Коль скоро определенная часть собранных Дашей старинных изданий уже могла быть передана по назначению, закономерен был и приход Путинцева за ними. И Даша его ждала. Но день за днем возникали перед кабинетом Широколапа разные посетители, а Путинцевым никто из них не назывался. Да если и назвался бы, Даша ему не поверила бы. Когда же вошел Он, ему называться не было надобности.

Разговор за закрытой дверью показался Даше недолгим. Тренькнул звоночек, и она поднялась, перед зеркальцем поправила волосы и пошла на вызов.

Герман Петрович сидел не за начальническим своим столом, а на диване, рядом с художником, и что-то энергично ему рассказывал.

— Знакомьтесь,— предложил он, широко распахивая руки.— Андрей Арсентьевич Путинцев...

— Я знаю,— сказала Даша, опять совсем автоматически, не дав закончить фразу Герману Петровичу.

— Откуда?— невольно выговорил и Андрей Арсентьевич.

— Не знаю...

Она смутилась совершенно, понимая, что действительно ей этого двумя словами никак не объяснить. Интуиция, что ли, подсказала? Но это годилось бы в непринужденной беседе, а не здесь, в официальном кабинете, хотя начальник вполуразвалочку и сидит на диване. Но так он частенько сидит и в своем кресле.

— Не знаю,— в растерянности проговорила Даша, видя, что Андрей Арсентьевич поднимается с дивана, чтобы подать ей руку.

Герман Петрович нехотя тоже встал, хлопнул Дашу по плечу покровительственно.

— Моя научная энциклопедия,— щедро сказал он,— моя типография и мой великий визирь. Дария Ивановна Лавриненкова. Хотя почему она Дария, а не Дарья, решительно понять не могу. Поэтому для удобства и краткости именуется просто Дашей. Поскольку на будущее, дорогой Андрей Арсентьевич, вам временами придется прибегать к ее посредничеству, прошу иметь это в виду.

— Дария Ивановна...— начал Андрей Арсентьевич, неловко делая нажим на букву «и» в ее имени.

— Называйте Дашей,— умоляюще попросила она.

— Спасибо...

И Даша заметила в его усталых глазах теплый, дружеский огонек. Андрей Арсентьевич стал ее расспрашивать, когда и как он смог бы ознакомиться с рукописными материалами той книги, которую сейчас он согласился иллюстрировать, и когда он смог бы получить уже для собственной своей работы старинные издания.

Застигнутая врасплох, Даша не знала, как ему ответить.

— Там еще очень большая перепечатка...— невнятно сказала она. И прямо-таки съежилась, представив себе, какую адову работу, прежде чем начать перепечатку, должна про-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 34—48.

делать она по приведению рукописи в порядок, по выверке фактов, цифр и научной терминологии, по выправлению стиля и устранению грамматических нелепостей и ошибок. Львиная доля рукописи принадлежала перу Широколапа. А она ведь была его «энциклопедией» и «великим визирем», не считая «типографии» — пишущей машинки.

— Созвонимся, обо всем созвонимся,— торопливо включился Герман Петрович, боясь, чтобы Даша по наивности не раскрыла некоторые задуманные им ходы.— Можно ведь и по частям знакомиться с материалом? Заходите, Андрей Арсентьевич, почаще. Путь к нам от вас нетрудный, на метро всего три остановки.

И Андрей Арсентьевич и звонить и заходить к ним согласился. Его очень интересовали старинные издания. В меньшей степени — грандиозная рукопись Широколапа. Но волею Германа Петровича все это было некоторым образом соединено вместе. И волею Германа Петровича Даша выдавала Андрею Арсентьевичу старинные издания небольшими порциями, внутренне страдая от своего соучастия в тайном заговоре, в который она вложила и еще одну, неведомую Широколапу, собственную долю. Она стала аккуратнейшим читателем Ленинской библиотеки и библиотеки иностранной литературы по разделам, интересовавшим Андрея Арсентьевича, записывала на свое имя нужные ему книги, альбомы и атласы и приносила ему. Добывала многое и по межбиблиотечному абонементу.

Она, возможно, и открыла бы Андрею Арсентьевичу всю правду, рискуя при этом потерять служебное расположение Германа Петровича, а вместе с ним и рабочее место, которым по семейным обстоятельствам очень дорожила, она бы это сделала, если бы заметила хотя малейшее недовольство или сомнение со стороны Андрея Арсентьевича.

Но он звонил и спрашивал: «Дашенька?» — почему-то легче это выговаривая, нежели «Даша». Она радостно ему отвечала: «Да-а, Андрей Арсентьевич, да...» И не дожидаясь второго вопроса: «Мне можно прийти?» — добавляла: «Приходите, Андрей Арсентьевич, приходите! Кое-что новое есть для вас».

Его сразу же в своем кабинете принимал Герман Петрович, иногда приглашая и «великого визиря», а чаще один. Вел не особенно долгие разговоры, а потом Андрей Арсентьевич подсаживался к столику Даши и вместе с нею просматривал приготовленные для него материалы. Этот совместный просмотр ему очень нравился, потому что Даша-«энциклопедия» тут же давала очень важные и необходимые справки и разъяснения, ею для такого разговора заранее тщательно выверенные и проработанные по первоисточникам. Иначе она не могла.

Бывало, и он что-нибудь ей рассказывал о своей работе, о хождениях по тайге. Даша слушала его, замирая, ей казалось, что это самые счастливые минуты в ее жизни, она приобщается к великому таинству искусства через одного из создателей прекрасного, она душой входит в тот мир образов и мыслей, которым наполнен художник. Таежные побывальщины Андрея Арсентьевича только усиливали эти ощущения. Жизнь этого человека в ее понимании неразъединимо сливалась с искусством.

О себе говорить ей было нечего. Вот тут вся она. А дома... Зачем знать Андрею Арсентьевичу, что у нее дома?..

Она ему во всем доверяла. Но именно поэтому не хотела ничем огорчать, не предполагая даже, что Герман Петрович уже давно посвятил Андрея Арсентьевича во все житейские невзгоды, с достаточно развязными комментариями насчет неумения Даши находить ключи к их решению.

«Не чувствует мой великий визирь ритма нашего времени,— завершил Герман Петрович.— Но, между прочим, она совсем на пороге той поздневесенней поры, когда может оказаться не девушкой, а... девой. Старой, как в старину и говаривали. Видите ли, десять лет она не может свалить со своей шеи паралячную мать. Будто мы живем не в социалистическом государстве, где существуют для безнадежных инвалидов разные пансионаты, дома для престарелых или как их еще там, дома эти, называют. Любовь к родной матери? Извините, да эта же «родная» для нее сделалась давным-давно жестоким тираном! А к тирану какая любовь? Ей кажется, сложилась проблема неразрешимая. Но это же вовсе не «квадратура круга», это «гордиев узел», и нужен для его рассечения самый обыкновенный меч самого обыкновенного Александра Македонского».

И не могла догадаться Даша, что этот грубый рассказ Германа Петровича, наоборот, в особенности расположил к ней Андрея Арсентьевича. С такой же доверительностью, как обо всем, кроме грустных домашних дел своих, разговаривала с ним Даша, он поделился с нею творческими замыслами, упомянул и свою «квадратуру круга». Пригласил взглянуть вообще на некоторые свои работы. Законченные и незаконченные. Именно поэтому Даша и очутилась в «хрустальных» стенах его мастерской.

8

Андрей Арсентьевич не любил писать портреты. Они ему не удавались. Кроме четырех: Ирины, Ольги, Зыбина и Юрия Алексеевича. Любой из них он и сам не знал, как возникали на листах бумаги или полотне. И остались *жить* навсегда. Но только для него. И не для показа посторонним.

Его «по доброму знакомству» просил Широколап. Просили Зенцовы.

«Ну что вам стоит, Андрей Арсентьевич, потратить на нас всего несколько часиков? Право, так приятно в доме иметь собственный живописный портрет, да еще принадлежащий кисти известного художника».

При этом Зенцовы намекали, что в их доме бывает много именитых зарубежных гостей, и кто знает, если им понравится работа Андрея Арсентьевича...

Широколап туманных далей перед Андреем Арсентьевичем не открывал. Он просто убежденно считал, раз у него есть знакомый художник, этот художник не может не написать его портрета. Это же совершенно ясно. Азбучно.

И все-таки Андрей решительно отказался. Заявил, даже с некоторым раздражением, что

устал повторять: портретная живопись — не его жанр. А заниматься грубой мазней он позволить себе не может. И тут же, чтобы по возможности смягчить свою непреклонность, подарил им несколько превосходных этюдов. Виды сибирской тайги.

Он отказался выполнить просьбы Широколапа и Зенцовых, но между тем начал тайно набрасывать портрет Даши. Тайно — потому, что этот портрет лишь медленно зрел в его воображении и еще настойчиво не просился на бумагу или полотно. Андрей знал, что если он его и *напишет*, то не иначе как в таком же не поддающемся рассудочному осмыслению порыве, который его охватил, когда он в одну ночь создал *живую* Ирину. Портрет Даши мог быть только «пятым», значит, *живым* или никаким.

В зрительную память Андрея постепенно входили Дашины глаза, темно-серые, чуть с голубизной, всегда внимательные, немного усталые и враз точно бы вспыхивающие внутренним огоньком, когда ей доводилось слышать что-то радостное, приятное. Тогда она открыто, от всей души хохотала, тут же стараясь себя остановить, тянулась рукой к губам, прикрывала их, а глаза приобретали виноватое выражение. Вот, мол, какая ты неуправляемая — что подумают люди? Однако ж эта робость, стеснительность не превращали Дашу в простушку, они лишь оттеняли хорошие черты ее характера, незлобного, покладистого человека.

Даша была умна, и броское словечко Широколапа «энциклопедия» принадлежало ей по праву, оно точно соответствовало всему ее облику, но не резко подчеркивая это, а как бы смягчая тем же внутренним светом. Даша не блистала красотой, ее лицо было самым обыкновенным и даже несколько неправильным в своих пропорциях. Широковаты скулы, но узок подбородок, отчего и губы казались припухшими. Брови потому особо притягивали взгляд Андрея, что в одну из них — левую — впивался зазубренный короткий шрам, след глубокого пореза или ожога. О таком простом, некрасивом лице уважительно говорят — милое. Оно милое еще и потому, что его нельзя назвать нежным, девичьим, но нельзя и сказать, что оно женской зрелости.

Самым примечательным был Дашин голос. И Андрей не раз ловил себя на мысли: ах, если бы можно было его нарисовать! Снимая телефонную трубку и слыша ее удивленно-радостное и вопросительно-утвердительное: «Да-а, Андрей Арсентьевич, да...» — он уже видел Дашу. Как она, тряхнув головой, откидывает волосы и словно бы не телефонную трубку прижимает к щеке, а голову склоняет к трубке. Видел ее губы, полные, слегка шевелящиеся и тогда, когда она сама не говорит, а только слушает своего собеседника. Она порою придыхает, опускаясь на низких тонах в беззвучие. Но тут же голос обретает прежнюю силу и чистоту и потерянные было слоги удивительным образом становятся на свое место, не разрушая цельности ее речи.

Каждый раз, уходя из лаборатории Широколапа, Андрей Арсентьевич уносил с собой и ее голос. Он звучал потом долго-долго, не мешая ему ходить по улицам, читать книги, сидеть над своими рисунками. Более того, он помогал ему, подсказывал лучшие художественные решения. Он не заменял точных и властных требований Ирины, он просто тонким лучиком света бежал перед его собственной мыслью.

Однажды Андрей Арсентьевич впрямую попытался спросить Дашу, какого она мнения о прихваченном им с собой эскизе оформления одной детской книги. Даша отшатнулась испуганно: «Андрей Арсентьевич, я не знаю. Мне все ваши работы очень нравятся...»

Это не было лестью. И не было вежливым притворством. Даша обладала достаточно высоким вкусом, чтобы отличить удачу любого художника от его неудачи. В работах, выполненных Андреем, она искренне и никогда не видела неудач. Суровая критика Ирины Андрею Арсентьевичу очень помогала. Добрый голос Даши тоже очень ему помогал.

То, что он мог с нею легко разговаривать, особенно по телефону, было уже хорошо. Потом свободнее двигалась рука.

И вот Даша впервые ходила по его мастерской. Она разглядывала картины, этюды, готовые рисунки и карандашные наброски. Андрей Арсентьевич, в свою очередь, издалека разглядывал Дашу, с расстояния уточняя мысленный ее портрет, во многом не совпадавший — если бы оно было сделано — с ее фотографическим изображением. И внутренне торжествовал: ему, художнику, подвластно то, что недоступно никакому фотографу. А ему, Андрею Путинцеву, сейчас видимо то, что осталось бы невидимым для любого другого художника.

Даша бережно перебирала упругие листы ватмана, приготовленные для сдачи редколлегии «Атласа фауны и флоры СССР». На них были изображены колонки, ласочки, горностаи, сибирские белки — краснохвостки, чернохвостки, летяги. Все это было в увеличенном размере перерисовано с какого-то пожелтевшего от времени альбома, добытого ею у своих сослуживцев. Этот альбом, раскрытый, лежал тут же, рядом. И Даша не могла оторвать взгляда от рисунков, иногда чуть скашивая глаза на альбом.

— Андрей Арсентьевич,— наконец проговорила она,— вы простите меня. Там, в этом альбоме, все зверушки выписаны таким же тонким пером, как и ваше. Но там это рисунки, а у вас они, ну, совершенно живые. Я вижу, как они шевелят усиками, горностай дергает хвостиком, а ласочка ползет на животе. Неужели, когда их напечатают, ваших зверушек, они тоже умрут, станут только картинками? Это же страшно.

— Не знаю, Дашенька, не знаю,— сказал Андрей, несколько озадаченный ее вопросом.— Машины типографские, конечно, даже самые лучшие, в какой-то степени убивают перо и краски художника, но вы в самом деле видите, что мои зверушки сейчас живые?

— А вы? Разве вы не видите этого?

Андрей задумался.

— Для меня это все представляется как-то иначе,— проговорил он.— Когда для художника — для меня — заходит речь о живых существах, исчезают понятия — живое и неживое. Есть законченная работа и незаконченная. Если белка шевелит усиками, значит, этот мой рисунок просто закончен. И только. Белочка сидит и грызет кедровую шишку, стало быть, она живая и должна шевелить усиками.

— Почему? А если она притаилась или задумалась?

— Тогда у нее в глазках должен быть другой блеск. Или по-другому изогнута шейка. Но не может живая белочка выглядеть набитым чучелом.

— А почему на старом рисунке, в альбоме, она набитое чучело? И вот эта летяга у вас. Не подумаешь, что она и вправду может летать.

— На чужом рисунке не знаю, Дашенька. А эта летяга вот почему...— Он взял угольный карандаш и жирно, из угла в угол, перечеркнул свой рисунок.

Даша отчаянно вскрикнула.

— Что я наделала, Андрей Арсентьевич! Зачем я это сказала? Такой прекрасный рисунок, столько работы, и вы...

— Только та работа чего-нибудь стоит, когда эта работа закончена. Спасибо, что вы заметили.

— Нет, нет, я не должна была говорить! Какое я на это имею право? Мне так показалось, а вы уже сразу...

— Не сразу. У меня было время для оценки. И больше, чем у летяги, для того, чтобы ей слететь с этого дерева. А вас я прошу говорить все, что вы думаете. Зачем же я пригласил вас в свою мастерскую?

Андрей Арсентьевич понимал, что Даша очень расстроена, волнуется. Как успокоить ее? Он подвел Дашу к натянутому на подрамник большому полотну, стоящему у стены и прикрытому бязевым покрывалом. Сдернул его.

— Не тревожьтесь, эта вещь была уже много раз перечеркнута и заново переписана,— сказал он.— Что с ней будет дальше, не знаю. Но при вас я ее не трону. Скажите, как бы вы назвали ее?

Даша, зачарованная, долго разглядывала картину. Потом сказала умоляюще:

— Андрей Арсентьевич...

— Говорите, Дашенька, говорите! Смелее.

— Н-ну, я назвала бы... «Падает лист». Нет, это неправильно... Такая большая картина. А листик березовый всего один... Нет... Не могу. Все так прекрасно! А вы сами как ее назвали?

— Для других никак не назвал. Потому что она не закончена. А для себя, помните, я вам рассказывал...

— Эта? Эта... еще не закончена? — В глазах Даши отразилось искреннее недоумение. И вдруг новая мысль еще больше привела ее в смятение.— Вы же говорили мне... о «квадратуре круга». И не рассказывали о ее содержании. А здесь... Какая же здесь «квадратура круга»? Даже иносказательно.

— Только в нерешенности задачи. И, боюсь, в ее действительной неразрешимости, Дашенька.— Андрей Арсентьевич поднял покрывало и вновь набросил на картину.— Вот вы назвали ее: «Падает лист». А заходил ко мне на днях товарищ мой фронтовой, генерал, человек, в искусстве весьма понимающий, он сказал: «После бури». Потом подумал немного и поправил себя: «Перед бурей». И принялся нахваливать мою работу. Я его спрашиваю: «Послушай, Альфред Кристапович, как можно говорить добрые слова о картине, в которой даже не поймешь, что происходит?» А Яниш мне отвечает: «Почему «не поймешь»? Падает одинокий березовый лист (это и ваши слова, Дашенька), а вся тайга замерла в неподвижности. Так бывает и перед бурей и после бури. Вот и выбирай сам, что тебе больше нравится». Я ему снова: «Но какая-то определенная разница в природе есть: «перед» или «после»? И тогда все же что там, на полотне?» Яниш: «Когда я смотрю на тебя, Андрей, меня мало интересует, ты еще не позавтракал или уже позавтракал. Я вижу: художник работает. И это для меня главное. На твоей картине *работает* березовый лист. А состояние тайги... это меня не касается». Спрашиваю: «Значит, тайга на картине вообще не нужна?» Он: «Нет, почему же! Нужна. Без нее и этот лист падать не будет». Я: «А причина? Отчего же он падает? Зеленый, свеженький. Это не осень...» Яниш: «Стоп! Ты мне очень помог, Андрей. Спасибо. Зеленый, крепкий лист, конечно, перед бурей не мог оторваться! Значит, картина «После бури». Теперь я спрашиваю вас, Дашенька, вы с этим согласны?

— Андрей Арсентьевич, я обязательно должна ответить?

— Прошу... Только прошу.

Даша тихо переступила с ноги на ногу, точно школьник перед учителем.

— Андрей Арсентьевич, с рассуждениями вашего товарища я согласна,— наконец сказала она.— А с самой картиной... Нет, не могу... Я видела ее очень мало.

— Разглядывайте, сколько захочется.

Андрей Арсентьевич с готовностью сдернул покрывало с картины и ушел в дальний угол мастерской к рабочему столу. Чтобы не смущать Дашу, он принялся просматривать газеты, лежавшие с утра непрочитанными. Развернул одну, другую, и взгляд его упал на скромную рубрику на последней странице «Известий». Там напечатано было сообщение: «Президиум Верховного Совета СССР назначил т. Седельникова Алексея Павловича чрезвычайным и полномочным послом...»

Рука Андрея Арсентьевича упала. Он даже не дочитал, в какую именно страну — куда-то в Африку — назначен Алексей послом Советского Союза. Вот так, с далекого Севера и сразу в жаркие тропики. Теперь с ним не встретишься, не поговоришь, как бывало, пока он работал в обкоме партии. Сколько раз в год ни приводили бы его деловые обстоятельства в Москву, он всегда находил часок-другой повидаться со старым другом. Приглашал погостить у него: хорошая область, хорошие люди, и дела, в общем, идут хорошо. Алексей — такой же быстрый, неугомонный, решительный. А все же что-то в нем надломилось после гибели Ирины, избегает говорить о ней, щека начинает подергиваться. И вторую жену свою в разговорах редко называет Зиной, чаще — Зинаидой Варфоломеевной. Очень уважительно называет и никогда — с той простотой, как, бывало, рассказывал об Ирине. Поздравить бы его с новым назначением. Только на какой адрес посылать ему телеграмму...

Даша стояла перед Андреем Арсентьеви-

А. Куприн. НАТЮРМОРТ С КРАСНЫМ ПОДНОСОМ. 1950.

А. Куприн. ТОПОЛЯ. 1927.

Государственная Третьяковская галерея

чем опять как ученица перед строгим преподавателем. И он видел по лицу Даши: ей страшно выговорить то, что она должна сказать. Не надо вынуждать человека. Андрей Арсентьевич молча наклонил голову. Взял кисть Дашиной руки в свою руку — какие у нее тонкие, маленькие пальцы! — похлопал сверху ладошкой.

— Да,— сказал он,— Дашенька, да. Это белка-летяга. Ваши слова: «Не подумаешь, что она и вправду может летать».

Она выдернула руку, спросила встревоженно:

— И вы эту свою «квадратуру круга», свою жестокую му́ку, опять начнете решать заново? Зная, что решить ее невозможно?

— Но вам ведь картина понравилась?

— Понравилась. Очень.— И на губах Даши промелькнула недоверчивая улыбка.— Вы ее не будете трогать?

— Я ее буду трогать,— твердо сказал Андрей Арсентьевич.— Еще много раз стану заново переписывать. Но, кроме вас, пока я над нею работаю, больше ее никто не увидит. Нет, нет,— поспешил он добавить, заметив отчаяние на лице Даши,— в этих моих словах нет никакой символики, всю тяжесть решения возлагающей на вас. Работать и дальше над этой картиной — просто потребность моей души. Я не могу оставить ее незаконченной, а она не закончена, вы и сами в этом убедились, значит, я должен продолжать работу. Закончить ее невозможно...

— Оставить так! — вскрикнула Даша.— Андрей Арсентьевич, умоляю, оставьте так. Она прекрасна!

— ...закончить ее невозможно, потому что это квадратура круга. А еще в восемнадцатом веке Парижская академия вынесла постановление: не рассматривать никаких проектов вечного двигателя и решения задач о квадратуре круга, трисекции угла и удвоении куба. Отсюда любое мое решение «квадратуры круга» никем не должно быть принято. Зачем же я буду показывать — опять ваши слова — эту мою «жестокую му́ку», что называется, Парижской академии? Тем более зная, что в решении задачи скрыт ложный ход. Но Янкш, как всегда, упрям. А вы, Дашенька, спасибо вам, пересмотрели свое отношение...

— Я ничего не пересматривала,— в ужасе сказала Даша. И раскинула руки: — Я стану вот так и от вас буду защищать вашу картину.

— Даже при том обстоятельстве, что тайга на ней, как белка, задумалась, не шевелит усиками, а в глазах у нее — у живой! — живого блеска нет?

— Мне все равно, есть этот блеск или нет. Там все живое!

Андрей Арсентьевич покачал головой.

— Нет, Дашенька, живой там только падающий лист. Один-единственный. И вы это видели. И вам стало страшно, что нет в картине гармонии движения...

— Есть оно, это движение!

— Вокруг земли не может двигаться солнце и весь небосвод. Это доказали еще Галилей и Коперник.

— Ну вот, и не должна двигаться ваша тайга! И пусть один листок только и падает.

— Это иллюзия движения. Движения падающего листка. Он не мог начать своего падения, когда у меня весь лес написан так, как написан. А рука художника, моя рука, давно уже умеет — как, я не знаю,— умеет заставлять нарисованных черных тараканов бегать по бумаге.

— Каких тараканов? — растерянно спросила Даша.

— Когда-нибудь при случае расскажу.— Андрей Арсентьевич рассмеялся.— Это было очень давно и к делу не относится. Хотя и относится. Но вам ведь стало страшно, когда вы поняли, что на моей картине солнце и все звездное небо вращаются вокруг земли?

— Мне стало страшно, да, Андрей Арсентьевич, да! Но я испугалась, что вы начнете картину исправлять. А исправлять ее не надо. Сама земля ведь и тогда была прекрасна, когда, по убеждению древних, она покоилась на трех китах. Немножечко сказки, немножечко необыкновенного и неправильного — в искусстве это ведь лучше, чем таблица умножения.

— Хорошие слова. И мне легко. Значит, вы поняли, почему я сказал, что, кроме вас, никто картину эту больше не увидит.

— Не поняла,— ошеломленная, ответила Даша.

— Мне нужно, чтобы кто-то иногда защищал меня от меня...

И запнулся. Как он не подумал, что его слова ведь можно истолковать и так, что он обращается к Даше с просьбой стать для него... Кем? Советчиком? Другом? Помощницей? Он не посмел продолжить эту мысль. Но почему же он хочет выделить Дашу наособицу? Разве Янкш при всем его упрямстве плохой для него советчик? А Янкш — великолепный знаток искусства. Разве товарищи по профессии, другие художники, которых он хотя и дичится, но общается с ними все-таки повседневно, меньше помогут ему, чем это сумеет сделать Даша, в «защите его от себя самого»?

Пока он в первый раз не появился в лаборатории Широколапа и Даша, увидевшая его в первый раз, не сказала уверенно: «Да, Андрей Арсентьевич, да...» — разве до этого она, ему совершенно неведомая, имела какое-то значение в его жизни и для его работы? И если она сейчас уйдет из его мастерской и вообще **уйдет**, что-нибудь от этого изменится? Он перестанет работать так, как работал? Ирина приучила его быть к себе беспощадным. А теперь он ищет от самого себя чьей-то защиты. Устал? Может быть, и устал...

— Андрей Арсентьевич,— услышал он сквозь суматошность своих мыслей озабоченный голос Даши и понял, что она по-прежнему во власти иной тревоги,— почему вы не хотите оставить все так, как есть? Зачем вам нужна какая-то всеохватная гармония движения? Тогда ведь этот одинокий лист не будет выделяться. А от него сейчас я взгляда своего оторвать не могу. Как раз потому, что он один. И движется, падает. Андрей Арсентьевич, я, наверно, глупая, но скажите мне — я как-то, балуясь, ладонью прикрыла улыбку Джоконды, и, знаете, она глазами не смеется. Улыбка на губах и глаза у нее чужие, разные. Это два человека. А руку уберешь — Мона Лиза одна. Со своей улыбкой и со своими глазами.

— Дашенька, в том-то и беда, что на моей картине все наоборот. Чтобы добиться в ней единства, мне надо прикрывать рукой все, кроме падающего листа. А что тогда останется?

— Но вы же сами сказали, Андрей Арсентьевич, что ваша «квадратура круга», как и геометрическая квадратура круга, никогда не будет разрешима. Так зачем же тогда ее решать?

— Чтобы искать чудо. Если хотите, улыбку Джоконды. Она под кистью великого Леонардо возникла сама. Это не было позой Моны Лизы. А в искусстве оказалось чудом.

— У вас тоже белки шевелят усиками.

— А летяга не хочет летать. И березовый лист падает без причины.

Даша вздохнула.

— Никогда я не думала, что художником быть так тяжело. Мне казалось, если талант, у него сразу все хорошо получается. И жизнеописаниям художников, особенно в романах, не очень верила. Считала, что там драматизм искусственно, для интереса, нагнетается. Я пойду, Андрей Арсентьевич? Мне как-то даже жутко становится, что я в такую тайну вашу забралась. Извините, пожалуйста.

— Это не тайна, Дашенька, это работа.

И проводил ее до двери, спросил, не очень ли она утомилась от долгого и, наверно, скучного разговора. Пообещал, что в другой раз станет показывать рисунки, не вызывающие никаких сомнений и споров, и с внутренним удовлетворением услышал Дашин ответ, что сегодняшний спор для нее был окном совсем в другой мир и что она этот день — в мастерской художника — долго не забудет.

Андрей Арсентьевич вернулся, сел к столу, взялся читать газеты. Смотрел на крупные заголовки, а смысла их не улавливал. Он видел Дашино лицо. Ее то недоверчивую к самой себе, то радостно-счастливую улыбку. И всегда в отличие от Моны Лизы совпадавшую с ее взглядом. Скорей, скорей лист бумаги, карандаш... Смахнул газеты на пол. И не оторвался от работы, не разогнул спины, пока в десятом, пятнадцатом, пятидесятом варианте — он не считал, конечно,— не появилась Дашина улыбка. Такой, какая она есть и какой ему хотелось ее видеть. Улыбка — только, а на остальное сил у него уже не хватило.

Разминая плечи, Андрей Арсентьевич встал. И лишь теперь заметил, что вместе с газетами сбросил на пол и тоненькую, почти квадратную бандероль. На ней был обозначен обратный адрес: Светлогорск, от Н. Г. Алихановой. Кто такая?

Разорвал оберточную бумагу бандероли. Сборничек стихов некой Надежды Алихановой, изданный в Светлогорске. Оформлена книжка старательно и все-таки провинциально. Обязательная кедровая ветка над контурами далеких гор. И золотом понизу вытисненное название книжки: «Течет река времени». Нечто грустное. И философическое. Вернее, претенциозное?

Он приподнял твердую корочку переплета. На белом форзаце, очень мелким, четким почерком было сделано авторское посвящение:

Андрею Арсентьевичу Путинцеву
Надежда, как Татьяна,
письма не слала к Вам.
Поэт ведь знает сам:
стихи не без изъяна.
И все ж перо бежит
(не будьте слишком строги!),
рука моя дрожит,
слагая эти строки,—
пусть в смехе или плаче,—
я не могу иначе.
Не побоясь молвы,
я спрашиваю прямо:
счастливы ль Вы?
А я? Теперь —
седая дама.

Подпись: Н. Алиханова. И постскриптум: «Мне очень тяжело. Простите. Но почему-то я вспомнила Вас».

Андрей Арсентьевич тоже вспомнил: «ярмарка невест» у Седельниковых, Надя, Надежда Григорьевна, врач, кандидат наук, будущий доктор медицинских наук, «исследователь» его электрокардиограмм и рентгеновских снимков... Только почему Алиханова? Тогда у Нади фамилия, кажется, была другая.

На обороте титульного листа в издательской аннотации он прочел: «Это третий сборник стихов светлогорской поэтессы, удачно сочетающей свое творчество с основной работой: она профессор медицинского института и главный врач...»

И тогда прорезался в памяти драматический рассказ Серафимы Степановны Зенцовой, которая после санатория поддерживала переписку с Ольгой. Зенцовы, как это бывало частенько, оказались у Широколапа одновременно с Андреем.

Он тогда не очень вслушивался в этот рассказ, а Серафима Степановна говорила о некой женщине, хорошем докторе, вышедшей замуж за вылеченного ею превосходного человека, в долгой и трудной борьбе прямо-таки отнятого у смерти. А счастье их короткое подстерег случай. Пошли вдвоем весной на прогулку за реку. Цветы, птички поют, светлая радость по всей природе разлита. Вернулась же черной ночью одна. У мужа внезапный приступ сердечный, а патрончик с нитроглицерином остался дома в другом пиджаке. Жена не проверила, жена-доктор... Каково-то ей было там, на цветущей поляне, закрывать мужу глаза?

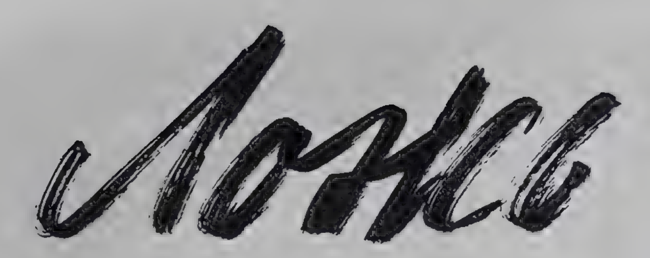
Конечно, это Надежда Григорьевна.

Что написать ей в ответ? Счастлив ли он?

Андрей Арсентьевич обвел взглядом свою мастерскую, кипы связанных папок, отдельные листы бумаги с рисунками, разбросанные где попало, полку с выстроенными в ряд ста сорока двумя проиллюстрированными книгами, «квадратуру круга» с лежащим на полу возле нее бязевым покрывалом.

Рука его нечаянно коснулась Дашиного лица. Он не отвел ее, но побоялся пальцами дотронуться до ее губ, таких живых, кощунственно погасить светлую, недоверчиво-радостную улыбку. Что ответить Надежде Григорьевне? Далекой и давней «Татьяне», тогда не приславшей к нему письма...

Продолжение следует.

Цезарь СОЛОДАРЬ,
специальный корреспондент «Огонька»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИСПУТ У СТАНЦИИ СЕН-ПОЛЬ-МАРЭ

Поглощенным неусыпными заботами о спешном издании антисоветской стряпни, сионистам, естественно, не до забот о произведениях замечательных мастеров еврейской демократической литературы во французских переводах. Подчеркивая — во французских, я прежде всего имею в виду интересы читателей-евреев. Не владея языком идиш, они могут получить представление о творчестве Шолом-Алейхема, Менделе Мойхер-Сфорима, Ицхока-Лейбуша Переца только на том языке, на каком слышали с колыбельных дней на французской земле материнскую речь, на каком учились и общаются с окружающими.

Когда вышло последнее издание, скажем, Шолом-Алейхема во французском переводе? На этот вопрос я не мог получить точного ответа даже в парижской библиотеке сионистского «культурного центра». Молодой сотрудник и пожилая сотрудница библиотеки сначала затеяли спор, а затем согласились, что давненько не видели нового издания. А можно ли рассчитывать в ближайшие годы на новое издание? Вот этого уж в Париже никто не знает.

Многие вспомнили там о Шолом-Алейхеме, возможно, только после торжественной церемонии вручения Советским Союзом в дар ЮНЕСКО живописного панно известного художника Ильи Глазунова «Вклад народов Советского Союза в мировую культуру и цивилизацию». Среди выдающихся деятелей культуры конца XIX — начала XX века наряду с Чеховым, Чайковским, Блоком, Шаляпиным, Чюрлёнисом изображен и Шолом-Алейхем.

Что побудило талантливого русского художника Илью Глазунова изобразить на своей сложной многофигурной композиции замечательного еврейского писателя-демократа? «Советский Союз населяет множество наций, народов, больших и малых народностей, этнических групп,— сказал художник журналистам.— Каждая из них — носитель самобытной, оригинальной культуры, уходящей корнями в толщу веков».

Как не сопоставить такое подлинно интернационалистское убеждение русского художника с укоренившимся в среде международного сионизма оскорбительным пренебрежением к творчеству еврейского писателя-демократа! Сколь бы демагогически ни твердили они, что «некоторые сочинения Шолом-Алейхема дают повод к высмеиванию евреев другими народами», такое сопоставление не в пользу сионистов!

Моя встреча с библиотекарями «культурного центра» проходила на глазах трех просматривавших журналы посетителей — женщины и двух мужчин. Когда я вышел из библиотеки, они на улице, близ станции метро Сен-Поль-Марэ, заговорили со мной. Отрекомендовались членами «интеллектуальной сионистской организации». Не пожелав назвать ее, немолодой дантист, наиболее словоохотливый, заверил меня:

— Нашу организацию гораздо больше волнует еврейская культура, чем то, на какую точно сумму Америка даст оружие Израилю. Теперь вы понимаете, почему нас так возмутили вопросы, которые вы задавали библиотекарям? Можно подумать, что в ваших библиотеках так легко прочитать Шолом-Алейхема на русском!

— Не только на русском. На украинском и белорусском. На языках других советских народов.

— Скажите честно: вы лично часто берете в библиотеке Шолом-Алейхема?

— Зачем в библиотеке. У меня есть много его книг в различных изданиях. Чаще всего я обращаюсь к шеститомнику, выпущенному к столетию писателя.

— Целых шесть томиков?

— Не томиков, а объемистых томов. В редакционную коллегию этого издания входили хорошо мне знакомые люди.

— Например? — последовал недоверчивый вопрос.

— Например, известные русские писатели Всеволод Иванов и Борис Полевой.

— Наверно, они уж постарались,— подхватил дантист,— чтобы ни в один том не вошло то, что у Шолом-Алейхема написано только для евреев!

— У писателя не могло быть и не было ни единой строчки, написанной только для евреев. Это бредовая выдумка.

— Что вы все о Шолом-Алейхеме? — вмешался в разговор спутник дантиста — молодой, но уже лысоватый человек в спортивной куртке.— Боже мой, разве еврейская литература ограничивается только им одним!

— Конечно, есть немало других талантливых еврейских писателей,— согласился я.— Скажите, пожалуйста, кто из них особенно популярен у вас и чаще других издается?

Дантист пошептался со своими спутниками и запальчиво ответил вопросом на вопрос:

— А кто, по-вашему, заслуживает этого?

Я вспомнил прозаика Давида Бергельсона, справедливо названного советским поэтом Ароном Вергелисом продолжателем лучших традиций классической литературы на еврейском языке, возглавившим после смерти Шолом-Алейхема реалистическую школу в еврейской прозе.

— Бер-гель-сон? — насмешливо переспросила женщина.— Готова поспорить на что угодно, что в Западной Европе ни один еврей не знает, кто он такой, ваш Бергельсон, и что он написал!

— Если вы такой тонкий знаток Бергельсона,— задумал поддеть меня молодой человек,— то, надеюсь, хоть одно его произведение запечатлелось в вашей памяти?

Следовало бы, вероятно, назвать широко известный советским читателям роман «На Днепре», неоднократно издававшийся на многих языках народов Советской страны. Но я, не раздумывая, назвал рассказ «Джиро-Джиро», запомнившийся мне, очевидно, еще и благодаря отличному русскому переводу И. Бабеля.

— О чем же этот рассказ? — испытующе спросили меня.

— О потерявшей мать маленькой итальянской девочке. Отец, полунищий официант, увез ее за границу. Тяжело ей на чужбине. И только распевая итальянские песни, девочка забывает о голоде, о подтачивающем ее туберкулезе, о страшной жизни в трущобах Нью-Йорка...

— Ясно: чистая политика! — вскричал дантист.

— Ваш Бергельсон призывает ненавидеть Штаты,— обдала меня ледяным взглядом женщина.— А заодно и друзей Штатов.

— А про то, как ужасный президент Картер прислушивается к еще более ужасному голосу еврейской общины, в рассказе не говорится? — съязвил лысоватый юнец.

Сказать своим разъяренным оппонентам, что проникнутый человеколюбием рассказ «Джиро-Джиро» написан полвека тому, я счел излишним. Да и они, ревностные «рачители» еврейской литературы, потеряли всякую охоту продолжать разговор.

Правда, женщина набросилась на меня с криком:

— Вы бы хотели увидеть у нас вашу пропагандистскую литературу! Не надейтесь на это!! Мы не будем издавать никого из ваших!!!

— Да, они наши! — Я, покаюсь, тоже взорвался и продолжал еще громче: — И Шолом-Алейхем наш, и его последователи! Мы, советские люди, гордимся ими. Они гуманисты. Демократы. Интернационалисты. Слышите, интернационалисты, а не шовинисты!

Ни один из прохожих не обратил внимания на мою горячность, ибо, как верно просветил меня как-то знакомый сотрудник «Юманите», спешащего парижанина на улице могут остановить только выстрел или взрыв. И никто из торопившихся в метро даже глазом не моргнул, когда дантист с угрожающим видом подбежал ко мне и сделал движение руками, словно хотел ухватить меня за ворот. Вплотную приблизившись, он вымолвил... нет, прошипел:

— Вы сказали так, как мог бы сказать знаменитый антисемит, а для вас знаменитый писатель Илья Эренбург!

Читатель мне, конечно, поверит, что более лестных слов по своему адресу я никогда и нигде от сионистов не слышал.

«МЕЖДУНАРОДНЫЙ КЛАСС» ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ МАДЕМУАЗЕЛЬ

Покамест господа руководящие провозглашали сионистское «межсезонье», рядовые продолжали трудиться в поте лица своего. К таковым относится Мари Джозеф Стербо из провинциального Безансона, студентка медицинского колледжа.

Назови я в Париже это имя руководителям французских сионистов, они, пожалуй, недоуменно развели бы руками. И я искренне поверил бы, что им действительно неведома эта заурядная единомышленница, незаметный шпунтик сионистской машины.

Однако на фактах практической деятельности мадемуазель Стербо можно воочию увидеть, сколь усердно «маленькие» французские сионисты выполняют обязательства, данные их именитыми руководителями органам международного сионизма. И в первую очередь — неуклонное обязательство любыми способами провоцировать советских граждан еврейской национальности с тем, чтобы склонить их к переезду в Израиль. Причем делается это в деловом контакте с сионистами других западных стран, следовательно, в полном соответствии с планами руководящих органов международного сионизма.

«Почерк» молодой медички из Безансона, как увидит читатель, выдает ее причастность к «ассоциации молодых друзей алии». Ведь сия ассоциация открыто заявила, что успех ее работы определяется только одним — «возвращением из страны рассеяния в страну отцов (отъезд с родины на чужбину именуется «возвращением».—

Окончание. См. «Огонек» №№ 46—48.

Ц. С.) хотя бы еще одного человека, хотя бы дряхлого старика, но лучше сильного юноши». Важно, впрочем, не то, какую именно сионистскую организацию представляет Мари Джозеф. Важны мотивы, по которым она вдруг так серьезно заинтересовалась жителем Самарканда Амнуном Гадаевым, далеко не «сильным юношей», а пожилым отцом трех детей.

Сионистская агентура сочла самаркандского точильщика «созревшим» для подачи заявления о переезде в Израиль. И это послужило сигналом к непрестанным атакам многочисленных иностранных «туристов» на Гадаева. Одновременно начали поступать на его имя письма и посылки от сионистских «попечителей» из США, Англии, Мексики, Дании, Бельгии, Израиля — подумать только, какую поистине международную популярность вдруг приобрел самаркандский житель, все реже и реже выкрикивавший: «Ножи точить, бритвы править!» — и все чаще и чаще участвовавший в спекулятивных комбинациях.

Гадаев вроде бы возмущался визитами «туристов» в его дом и непрошеной благотворительностью зарубежных «филантропов», присылавших ему подержанную одежду самых неожиданных размеров. Обращался даже по этому поводу с письмом протеста в местную газету. Однако вещички с чужого плеча принимал и тут же сбывал их втридорога, умело играя на пристрастии некоторых земляков к тряпкам с импортным клеймом.

Зарубежные опекуны и наставники Гадаева обрадовались, когда их «подопечный» подал заявление о выезде в Израиль. Но вскоре он явился в ОВИР и попросил вернуть ему заявление о желании выехать в Израиль. Такой нежданный поворот заставил сионистских попечителей Гадаева с бешеной энергией усилить нажим на него. На смену письмам пошли в ход телеграммы. А наведывавшиеся в Узбекистан «туристы» от словесных увещеваний перешли к агитации печатным словом с помощью лживых книжонок и брошюрок. Это совпало с большими изменениями в семейной жизни до зарезу нужного «земле отцов» точильщика, забросившего точильный камень и окончательно отдавшегося призванию спекулянта и картежника. Оставив на попечение брошенной жены трех детей, в том числе безнадежного инвалида, он женился вторично.

И сразу же в одной из картотек, заведенных единомышленниками мадемуазель Стербо на провоцируемых ими иностранных граждан, появилась новая запись: отец второй жены Гадаева проживает с такого-то времени по такому-то адресу в Израиле.

Вот тут-то и обрушился на самаркандского «дорогого друга» поток почтовых отправлений из Безансона. По количеству посланных Гадаеву писем Мари Джозеф постаралась превзойти всю сионистскую агентуру из многих западных стран, ранее «обрабатывавшую» очно и заочно самаркандского точильщика. Мадемуазель сулила адресату самые отборные блага израильского рая. Она жаждала ответа на любом языке, пусть даже ей незнакомом.

И Гадаев, вконец запутавшийся в сионистских тенетах и изолгавшийся в отношениях с родными и земляками, ответил на страстные увещевания своей безансонской «подруги» подачей заявления в ОВИР. Он уехал в Израиль.

Не уверен, находится ли Гадаев там ныне, ибо на третий месяц своего пребывания в стране он принял участие в осужденной сионистскими властями демонстрации перед зданием министерства абсорбции. Демонстранты протестовали против того, что их, выходцев из стран Средней Азии, так называемых бухарских евреев, сотрудники министерства и работники «Сохнута» относят к второсортным. Их отправляют на жительство преимущественно в отдаленные районы и предлагают селиться в домах, где категорически отказываются жить переселенцы более высоких категорий. «Не создавайте для нас черты оседлости!» — скандировали демонстранты. Накануне иммиграционные власти вышвырнули на улицу семью прикованного болезнью к постели Мурчибаева, которого Гадаев знал по Узбекистану. Сравнительно сносную квартиру в Абу-Кабире, где недолго проживал Мурчибаев, сочли чересчур роскошной для «какого-то» бухарского еврея.

Характерный для израильской жизни штрих: против демонстрантов резко выступили не только местные сионисты, но и заправилы объединения новоприбывших — выходцев из Грузии. С точки зрения руководителей объединения, такие «неполноценные» евреи, как Амнун Гадаев, не вправе претендовать на то, чтобы их в Израиле ставили на одну доску с евреями грузинскими. Вероятно, Гадаеву и его обманутым землякам уже известно, что и грузинские евреи не смеют на «исторической родине» претендовать на то, чтобы к ним относились так же, как, скажем, к высокопородным ашкенази — уроженцам западноевропейских стран. Слабое, впрочем, утешение для «жалкого бухарца» Гадаева!

Но если он уже и бежал из Израиля, на карьере мадемуазель Мари Джозеф Стербо никак это не отразится. Она внесла свой практический вклад в дело алии, она помогла спровоцировать одну «единицу» на переезд в Израиль. И, несомненно, гордится этим. Ей и в голову не может прийти, что организация, в которую она входит, рекламирует свою «интеллектуальную» отрешенность от повседневных грязных дел сионизма, а значит, открещивается и от всего, что делает заурядная сионистка из французского города Безансона.

На первый взгляд вроде и не стоило бы уделять ей столько внимания. Подумаешь, бомбардировала лживыми цидулками темную личность. Да сам Гадаев, возможно, уже с тревогой в мелкой душонке предвидел, что спекулятивные делишки в конце концов приведут его к уголовной ответственности, так что лучше, мол, заблаговременно покинуть пределы Советской страны.

Нет, я должен был все же рассказать о мадемуазель Стербо. Ведь она, французская сионистка, включилась в акцию, начатую в Самарканде американскими «туристами» — профессором Менделем Вернером, студентами Калифорнийского университета Наумом и Джошуа Рубинами, нью-йоркскими жителями Самюэлем Кохэном и Бернардом Каменецки да и другими их соотечественниками, «забывавшими» в разных местах Самарканда (от синагоги до... туалета) сионистские книжонки антисоветского направления. Эту акцию, представлявшую собой прямую антисоветскую агитацию жителей Самарканда на отъезд в Израиль, продолжили затем (и тоже под прикрытием туристских паспортов) жители Англии Дашей Роуз и Рей Грант, а вместе с ними функционеры всех американских, английских, датских, мексиканских и прочих служб сионизма, присылавших самаркандцам нежданные письма и непрошеные посылки. И потребовалось в конце концов еще участие в этой акции и французской сионистки.

Вот вам, читатель, нагляднейший пример того, как даже в самых обычных своих провокациях тесно взаимодействуют, оперативно сотрудничают и взаимно поддерживают друг друга разные отряды международного сионизма. Одни у них цели, одна у них указка, один у них заокеанский хозяин!

МОНОЛОГ СТУДЕНТКИ БАЛЬЗАКОВСКОГО ВОЗРАСТА

То ли по оплошности какого-либо функционера, то ли по другой причине, но руководители «французской лиги студентов-евреев» не были своевременно извещены, что им тоже надлежит пребывать в карантинном состоянии «межсезонья». Только поэтому, очевидно, в офисе этой лиги на авеню Клементин, 68, со мной согласились побеседовать.

Мне так и не удалось установить, какой точно пост занимает в молодежной организации давно вошедшая в бальзаковский возраст авантажная мадам Аннет. Но более юные сотрудники и посетители обращались к ней на моих глазах почтительно и даже подобострастно. Следовательно, давно вышедшая из студенческого возраста дама не последняя спица в колеснице второй по численности молодежной сионистской организации в Париже.

Мадам разговаривала со мной так, словно не слышала моих вопросов. Если же я настоятельно повторял вопрос, она любезно улыбалась, кивком головы давала понять, что готова немедленно мне ответить, но тут же невозмутимо продолжала свой монолог. Вела она себя в офисе как наставник, как куратор, как пастырь, и это напомнило мне, что лига студентов-евреев, во-первых, подчинена непосредственно руководителям Союза сионистов Франции и, во-вторых, требовательно опекается лидерами сионистского движения Франции. Потом мне сказали, что моя собеседница даже входит в состав бюро лиги.

С первой же фразы нетрудно было заметить, с какой старательностью избегает мадам Аннет термина «сионизм» и всех производных от него слов. Не менее десятка заменителей использовала она в своем монологе. И «еврейское самосознание», и «наш национальный дух», и «ощущение своего еврейства», и «моральная верность интересам всемирной еврейской нации», и «сплоченность молодой части еврейских общин», и «пробуждение интереса к национальным традициям предков», и «осознание долга в отношении неокрепшего государства Израиль», и даже «международные заботы евреев».

Орудуя этой терминологией, мадам Аннет испытывала, видимо, уверенность, что ей удалось внушить мне, насколько чужда представляемая ею махрово сионистская лига... сионизму. В доказательство того, что лига якобы не исповедует экстремистского национализма, преподносился такой, с позволения сказать, довод:

— Раз мы преследуем цель — укрепить географически далекое нам, но по общественному пониманию и пробуждающемуся чувству долга близкое нам (поди разберись в этих словесных дебрях! — Ц. С.) еврейское государство, тем самым мы заботимся о благе всех стран, где проживают евреи.

Не так, возможно, деликатно, как следовало бы в диалоге с представительницей прекрасного пола, но мне все-таки удалось прервать увлекшуюся мадам и напомнить ей, что мы, советские евреи, хорошо знаем, какова на деле она, эта сионистская «забота», и сколько клеветы, провокаций, вмешательства в нашу жизнь и посягательств на наши права вобрала она в себя.

Выслушав меня с закрытыми — в самом прямом смысле слова — глазами, моя собеседница с прежним упоением продолжала:

— Да, наша лига помнит о каждом еврее, где бы он ни жил! А применительно к молодежным проблемам это означает, что мы призываем крепить узы молодых израильтян с молодыми евреями всех стран. И, конечно, мы во Франции гордимся тем, что помогли молодежным организациям Израиля создать почти два десятка своих представительств в Париже. Так следовало бы сделать во всех столицах Западной Европы и Америки. Это поднимает авторитет израильской общественности и укрепляет ее связи с еврейской молодежью других стран. Такую нашу точку зрения разделяет и фронт евреев-студентов Франции. Вам могут насплетничать, что в методах решения некоторых проблем мы расходимся с фронтом. Нас даже иногда называют конкурентами. Не буду уточнять, какая доля истины есть в этом. Но могу вас заверить: когда решаются проблемы связей с израильской молодежью, мы с фронтом абсолютно едины!

И без пылких заверений мадам Аннет вполне представляю себе, что в осуществлении главных задач международного сионизма обе организации студентов-сионистов стопроцентно едины. Вероятно, ненужные заверения мадам Аннет мне повторили бы и в офисе фронта евреев-студентов Франции. Но там, на бульваре Страсбург, 54, знали о провозглашен-

ном межсезонье. Заглянуть туда я, следовательно, не мог.

...И все же несколько слов о нем обязан сказать. Меня в Париже ознакомили с некоторыми документами о деятельности этой «студенческой» организации, и я мог уловить главную подробность, обнажающую ее ненасытный антисоветский аппетит. Именно на ее сборищах заговорили во весь голос о долге сионистов «катализировать осознанные разными народами Советского Союза причины катаклизмов между ними, в действительности порожденных их неравноправным положением в стране». Понятно? Сеять национальную рознь между советскими народами, натравливать их друг на друга, внушать им, что они якобы не равны в нашей стране,— вот что означает эта сионистская сентенция, если снять с нее туманную словесную шелуху...

А монолог мадам Аннет все продолжался.

ГАЛИЛЕЙСКИЕ РАСТИНЬЯКИ

И вдруг она с извинительной, правда, улыбкой стала называть сионизм сионизмом, а сионистов сионистами. Вернее, не вдруг, а с того самого момента, когда перешла к жалобам. Да, самым настоящим, полным слезливого откровения, жалобам на наводняющих Париж молодых израильтян. Попадая во Францию туристами, они превращаются то в абитуриентов, то в дельцов, то в женихов французских девушек. Словом, создают для себя благовидный предлог не возвращаться в Израиль, где одних ждет армия, других — чиновничья работа на оккупированных палестинских территориях, третьих — неотложные поручения сионистских организаций. Причем речь идет о юношах и девушках совсем не из семей, недавно переселившихся в Израиль и почувствовавших себя обманутыми, не о тех, кого израильская пропаганда называет «нордим» — «изменниками». В Париже оседают отпрыски семей коренных израильтян-сабров и старожилов-ватиков, принадлежащих преимущественно к привилегированным и состоятельным кругам израильского населения.

Скорбные стенания мадам Аннет вполне отражают, должен сказать, недовольство французских сионистов и сочувствующих им кругов нашествием молодых беглецов из «страны отцов», которые предпочли парижскую жизнь пребыванию на родине, хронически находящейся в состоянии «ни войны, ни мира». Я уже рассказывал об этом в книге «Темная завеса», адресованной молодым читателям и повествующей преимущественно о грязной охоте международного сионизма на молодые души. Здесь же касаюсь этого — больного для французских сионистов — явления для того лишь, чтобы читатель еще раз мог на конкретных фактах убедиться, как краху глобальных планов «всеобщей алии» сопутствует массовое бегство из Израиля. Бегство не только новоприбывших, не успевших осесть в стране, но и молодежи из среды коренных израильтян, на которую делают главную ставку сионисты и клерикалы.

— Осевшие у нас молодые израильтяне у себя дома говорят, что едут во Францию туристами, посмотреть мир,— обличает беглецов мадам Аннет.— Их не пугает ни повышение цен на билеты, ни астрономический налог при выезде — они, слава богу, из состоятельных семей. В Париже сначала острят, что им надоело коптеть в Израиле — стране, поездка внутри которой на каких-нибудь сорок километров, неважно в каком направлении, может привести либо на пляж, либо в соседнюю арабскую страну. Потом серьезно заявляют, что учиться в израильских университетах дорого и неинтересно. Проходят месяцы, годы, а они по-прежнему заверяют парижских евреев (будь великовозрастная «студентка» правдивой, она бы сказала «парижских сионистов» — Ц. С.), что не собираются стать «нордим», то есть покинуть Израиль. Назовите их беглецами или хотя бы эмигрантами, они на вас обидятся и обозовут антисемитом. Но возвращаться в Израиль и не помышляют, их вполне устраивает полузаконный статус «хуц ли арец» — это означает «вне страны». Мы знаем, что в Соединенных Штатах «застряло» еще больше молодых израильтян, уклоняющихся от обязанности строить свое государство. Но французским друзьям Израиля от этого не легче,— тоскливо вздыхает моя собеседница.

Парадокс! Активная сионистка, одна из кураторов большой молодежной организации, жалуется советскому писателю на недостаточную политическую закалку молодых израильтян и признает, что ошибалась, когда наивно думала, что каждый из них во сне видит себя активным сионистом.

Однако мадам Аннет рассказывала мне все это неспроста, не из дамского стремления поболтать. Подтекст был такой: западноевропейские сионисты вынуждены усиленно развивать контакты с израильскими собратьями, а уж на плечи французских сионистов, по природе своей «теоретиков» и «интеллектуалов», ложится святая обязанность помочь Израилю вернуть в лоно сионизма свихнувшуюся с пути истинного молодежь. И не случайно моя собеседница всячески напирала на то, что сотрудники многочисленных представительств израильских молодежных организаций много почерпнут в Париже и вернутся домой идейно и организационно обогащенными, более подготовленными для работы в Израиле.

Сочтя, видимо, что я не до конца осознал, почему она так гневается на «полулегальную израильскую колонию в Париже», мадам Аннет вручила мне экземпляр франкоязычной просионистской газеты «Арш» («Ковчег»):

— Прочтите статью «Израильтяне в Париже». И вы поймете, как осуждают непатриотичную израильскую молодежь парижане.

— Парижане?

Явно не желая уточнять, о каких именно парижанах идет речь, «студентка» ответила мне подчеркнуто патетически и на весьма повышенной ноте:

— А вы не знаете, что в Париже живут люди, близко принимающие к сердцу судьбу Израиля? Гораздо ближе, чем вы думаете! Думаете, если мы не говорим по-еврейски, то забыли о своей исторической родине?.. Нет, врагам сионизма молодежь мы не отдадим, нет!

«Если ты сионист и ты молод, твое место на Голанах! Остающиеся за границей — обманщики!»

Так обращается к «подрабатывающим, стажирующимся, привыкающим, притворяющимся» в Париже молодым израильтянам журналистка Ан-Елизабет Мутэ со страниц «Арша». И напоминает тем, кто «не упускает возможности «сделать дело» в Париже», к чему привел подпольный бизнес многих молодых израильтян в Западной Германии — к преступному миру, к тюрьме. Толкает их на это нужда?—Нет, желание «красиво» жить. Таковы, скажем, Бени и Дани, которых встретила журналистка в парижском кафе: «Одеты они были как боги с ног до головы; рубиновое кольцо у одного из них стоило шикарной квартиры в богатом северном квартале Тель-Авива, и они знали, что такие квартиры их ждут».

По этим деталям мы окончательно убеждаемся, что бегство из страны охватило и самые привилегированные слои израильской молодежи. Они предпочитают полулегально околачиваться в Париже, Нью-Йорке, Бонне, нежели благоденствовать, как положено представителям элиты, на «родине отцов», каждодневно угрожающей им призывом в воинские части для очередной карательной экспедиции.

В Париже, по наблюдениям Ан-Елизабет Мутэ, эти «галилейские Растиньяки» в Париже «цинично упрекают местных евреев в недостаточном внимании к Израилю, чуть что бросаются кличкой «антисемит». Но сами, к негодованию парижских сионистов, сводят на нет их пропагандистскую брехню об израильском рае своими признаниями о том, что в действительности творится в покинутой ими стране.

А рассказывают-то они правду. И чем горше она, тем суровей месть французских сионистов за «клевету».

Двадцатидвухлетняя девушка из Беэр-Шевы, прочно обосновавшаяся в Париже с согласия и при денежной поддержке отца, владельца обувного магазина, рассказала за столиком кафе в компании:

— На задворках нашего дома поселилась семья приехавшего из Белоруссии техника по холодильным установкам. Но у нас он почему-то работает подсобным рабочим в мебельной мастерской. Жена начала было работать ночной сиделкой по разовым приглашениям, но профсоюз объявил ей бойкот за антиизраильские настроения. И вот эту чету пришли приглашать на собрание общества защиты евреев в Советском Союзе. И муж ответил: «Нечего нам делать на таком собрании. Вот когда будет создано наконец общество защиты евреев из СССР в Израиле, я первым прибегу!»

В кафе посмеялись, но девушке стало не до смеха. За распространение «антиизраильского злобного анекдота» со следующего же дня ее подвергли организованному остракизму. До того организованному, что она вынуждена была переехать не то в Марсель, не то в Лион.

Девушка клялась и божилась, что рассказала анекдот, а не быль. Ей, увы, не поверили.

ВЫНУЖДЕННЫЕ ПРИЗНАНИЯ ИЗМЕННИКА

А ведь попадись мне в Париже на глаза тель-авивский журнал «Шалом» № 41, я, пожалуй, мог бы выручить девушку. Но, к сожалению, уже только впоследствии я прочитал на пятой странице этого «независимого» журнала письмо недавнего израильтянина, выступившего от имени «хорошо все обдумавшей» группы переехавших в Израиль советских граждан. Все они ищут средств обороны «от обмана, надувательства, пропагандистских посулов, игры на чувствах», которым подвергают новоприбывших сионистские партии, особенно во время избирательной кампании. Автор письма выражает мнение людей, «изголодавшихся в Израиле по социальной справедливости, по избавлению от унизительного неравенства». И приходит к выводу:

«Для борьбы с местной бюрократией и защиты интересов русских евреев (они самые бедные и самые робкие) нужна «Лига защиты репатриантов из СССР».

Название набрано прописными буквами, ибо мотивированный призыв к созданию в Израиле организации для защиты бывших советских граждан составляет существо письма. Этот призыв варьируется на все лады, рассматривается с разных сторон, аргументируется, обосновывается, доказывается.

Кем, однако?

Не написал ли столь невыгодное для израильских властей письмо убежденный антисионист, до конца разочаровавшийся в Израиле и окончательно решивший бежать? Не его ли невзгодами объясняются бескомпромиссно точные оценки трагического положения бывших советских граждан на израильской чужбине? Не дошел ли он до полного отчаяния и перестал владеть собой?

Нет, нет и нет. Еще задолго до обращения в журнал «Шалом» автор письма успел сделать в Израиле необычайную карьеру, ибо сразу же по приезде стал ретивым сотрудником одной из сионистских служб, специально созданных для заманивания советских граждан в «страну обетованную». Руководители службы превозносят изобретательность и инициативность нового агента, подчеркнутую неразборчивость в выборе провокационных средств. По той же причине этого человека проклинают и многие еще не вырвавшиеся из Израиля олим и многочисленные беженцы, которых он продолжает преследовать в Риме и Вене.

Проклинает Якова Сусленского и родившая его мать. Бросив ее, больную и престарелую, в Бендерах, сынок укатил за рубеж, туда, где так высоко ценится пре-

дательская клевета на Советскую страну.

И, как видите, даже такой отпетый изменник, сразу же завоевавший признание сионистских кругов, вынужден был выступить с предложением создать в Израиле организацию для защиты тех, кого он же и его дружки заманивают туда, лживо именуя репатриантами. Чтобы окончательно не потерять остатки доверия обманутых им людей, Сусленский счел выгодным для себя публично сказать то, о чем уже давно и много говорят с волнением бывшие советские граждане, в полной мере ощутившие свое бесправие в Израиле.

Девушка из Беэр-Шевы, выходит, поведала в парижском кафе горькую правду о жизни переселенцев в Израиле. Правду, которую с хорошей миной при плохой игре приходится признать и сионистским агентам.

ИСПОВЕДУЮЩИЕ ЛОЖЬ

По мысли Маяковского, важно знать достаточно мало, чтобы не упустить из виду главного.

Мы с вами узнали, читатель, о повседневных делах французских сионистов сравнительно много, но, к счастью, достаточно мало, чтобы не упустить главного: сионистские организации во Франции, как и в любой капиталистической стране, ощущают себя составной действующей частью международного сионизма и покорно подчиняются решениям находящихся в США и Израиле центров своего движения. Попытки представить французских сионистов этакими розовенькими чистоплюями «не от мира сего», якобы погруженными в эйфорическую интеллектуальную атмосферу высокой теории, столь же лицемерны, как и разглагольствования сионистов Великобритании о том, что они работают-де «в белых перчатках» или «под сурдинку».

Знакомые перепевы камуфляжных мотивов! Время от времени, как я говорил в самом начале этих очерков, они доносятся из любой западной страны.

Французские сионисты, однако, особенно любят патетически провозглашать:

— Да разве же мы позволим себе то, на что способны штурмовые отряды, созданные раввином Кахануэ в Америке!

— Да разве же можно найти среди нас хотя бы одного, кто действует по примеру израильских экстремистов из «Гуш-Эмуним», идущих к палестинцам на оккупированных землях с автоматами и бомбами!

— Да разве же не очевидно, что мы никогда не переступаем грани, за которой начинаются принуждение, провокации, диверсии!

Увы, очевидно совершенно противоположное.

Конечно, мне трудно из числа французских сионистов поименно назвать практических последователей Меира Каханэ или эмиссаров, лично исповедующих каннибальские взгляды карателей из «Гуш-Эмуним». И не в этом суть! Важно другое: вся без исключений практическая деятельность сионистов Франции, подобно делам их собратьев в других западных странах, подогревает террористов из кахановских банд, вдохновляет душегубов из «Гуш-Эмуним», способствует осуществлению всех акций, намеченных Всемирной сионистской организацией, Всемирным еврейским конгрессом и Еврейским агентством для Израиля (Сохнутом).

Эта деятельность, осуществляемая по заокеанскому сценарию, направлена на заманивание в Израиль еврейской бедноты из западных стран и всех (ни более ни менее! — Ц. С.) граждан еврейской национальности из стран социалистических. Она пронизана антикоммунизмом и ставит своей целью безоговорочное оправдание любых карательных операций Израиля против палестинцев, любых его военных нападений на арабские страны, как бы ни выпирала коричневая подкладка таких разбойничьих действий. Она укрепляет финансовую мощь международного сионизма, стоящего на страже классовых интересов капиталистических монополий и мирового империализма. Она шовинистична, антидемократична и противонародна на каждом шагу, и это закономерно выдвигает ее в авангард антисоветизма.

А если говорить о хронических попытках сионистов добиваться поддержки своих планов и поползновений от государств, где они действуют, то французские сионисты в этом отношении особенно разнузданны, наглы, нахраписты. Десятикратно таковы они в моменты, когда государственные деятели Франции демонстрируют свое справедливое понимание того, что творит Израиль под покровительством США на Ближнем Востоке. Тут уж вздымается неистовая буря клеветы на правительство, на государство, на народ.

Как их единомышленники во всем мире, французские сионисты исповедуют ложь. А если расставить все по местам, они намного лживей большинства своих западных собратьев. Хитроумней вуалируют свои намерения, мудреней камуфлируют свои планы, лицемерней изрекают свои призывы.

Скажем, в Англии к съездам правящих партий регулярно публикуются документы, не только раскрывающие, но и хвастливо рекламирующие деятельность сионистского лобби. А попробуйте спросить французского сиониста о лоббистах, он взглянет на вас, как на инопланетянина.

В Голландии, например, открыто стыдят неаккуратных шекеледателей, публично шельмуют злостных неплательщиков регулярных и внеочередных «пожертвований». А во французских сионистских кругах о «шекеле» лицемерно рассуждают с отвлеченным видом как о чем-то стародавнем, архаичном и неведомом, хотя прекрасно ведомо, что в сионистскую кассу дерут с французского еврея более увесистую дань, нежели с голландского.

Сионистские организации во многих западноевропейских странах, допустим, в Бельгии, открыто призывают своих членов не протягивать руку помощи бежавшим из Израиля бывшим гражданам социалистических стран. Инструкции французских сионистов на сей счет более жестки и безжалостны (в них фигурирует зловещее слово «депортация»!), но зато засекречены.

И, наконец, Америка. Если там сионистские организации любого оттенка шумно и без стеснения поддерживают на всех перекрестках бесчеловечную расправу израильтян с арабским населением оккупированных земель, то во Франции точно такие же взгляды сионисты высказывают шепотком и только среди своих. Но вполне убежденно.

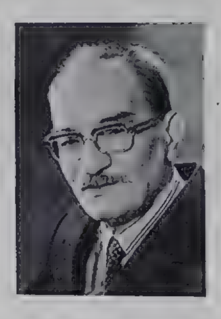
Вот какой густой паутиной изощренной лжи опутали свою каждодневную деятельность, свои крупные операции и мелкие делишки французские сионисты. Это делает их особенно опасными врагами демократии и прогресса. Это таит для их жертв повышенную угрозу. Ведь, по справедливому утверждению талантливого писателя Юрия Бондарева, у всего человечества один и тот же враг — ложь.

Ложь! Слышите, господа «теоретики»?

...Часа за полтора до отъезда на аэродром «Шарль де Голль» узнал я о дикой выходке молодого сиониста, студента одной из высших школ Парижа. На занятиях он публично обвинил равнодушную к сионизму студентку еврейского происхождения в предательском забвении «общенациональных интересов Израиля». Самое невероятное: сионист воспользовался для своих нападок выступлением на семинаре, посвященном... творчеству выдающегося французского драматурга XVIII века Жана Франсуа Реньяра.

Реньяр! В юности, робко начиная свои драматургические опыты, я зачитывался его талантливыми сатирическими комедиями и восхищенно повторял слова Вольтера: «Кому не нравится Реньяр, тот не достоин восхищаться Мольером». И в самолете, уносящем меня из Парижа, вспомнил немало острых, разящих, беспощадных реньяровских строк, как нельзя более приложимых к сегодняшнему сионизму. Строк о циничной власти денег, крайнем бесстыдстве, лживых сердцах и делах.

К 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
Г. ТРОЕПОЛЬСКОГО

САМАЯ БОЛЬШАЯ ПРАВДА

Даже если бы Гавриил Троепольский не написал после «Записок агронома» ни единой строки, его имя осталось бы в литературе: настолько глубок и своеобразен был тот цикл рассказов. Мудро, заинтересованно взглянул Троепольский на заботы и тревоги сельского труженика. Художник знал правду и боролся за нее своим творчеством. И всей своей жизнью...

По профессии Г. Троепольский агроном, но несколько лет проработал на селе учителем. Было это в далекие двадцатые годы. Вот откуда знает он душу человека, живущего среди природы и созидающего хлеб. На глазах у будущего писателя прошли почти все коренные перестройки села. Ему не надо было ничего выдумывать, он брал факты и события действительности и обобщал время, рисовал эпоху. Но, фиксируя определенный отрезок истории, многие из его рассказов и очерков сохраняют актуальность и поныне. В самом деле, разве нет и сегодня ученых, похожих на тех, что выведены Троепольским в повести «Кандидат наук»?

Здесь можно отметить, что писатель уделил много сил научной работе. Прежде чем выпустить в свет художественные произведения, он написал несколько специальных книг, вывел восемь сортов проса, слыл солидным селекционером.

Но воронежский агроном печататься не спешил. Не стал он рваться в литературу и тогда, когда известный пролетарский писатель Н. Никандров, познакомившись с рассказами молодого автора, категорически посоветовал: «Пишите обязательно». Троепольского не оторвала от любимой работы — агронома-опытника — публикация в 1938 году в альманахе «Литературный Воронеж» первого рассказа «Дедушка».

Вот почему можно считать необычной его литературную судьбу. В самом деле, редко кто из ставших потом известными писателей по-настоящему начинал публиковаться на грани своего пятидесятилетия. «Записки агронома» были опубликованы, когда их автору шел сорок девятый год. С тех пор слава прекрасного воронежского прозаика шагнула далеко за пределы страны, а в 1975 году Троепольский был удостоен Государственной премии СССР за лирическую повесть «Белый Бим Черное ухо». Нравственно-воспитательное значение повести огромно, ибо важен гуманизм, с позиций которого написан этот лирический шедевр советской прозы.

Размышляя о Троепольском, думаешь о том, как счастливо слились в нем профессии (агроном, педагог, ученый, писатель) и талант, о том, что в основном деле, писательском, он остался и профессиональным знатоком сельскохозяйственных проблем, и тонким воспитателем, и человеком науки. И еще, наверное, отсюда высокая гражданская страсть публициста, бытописателя. Показ советской деревни в ее сложном историческом развитии, вскрытие глубинных корней народной жизни, связь с современностью — вот что характеризует творчество Г. Троепольского.

На одной из недавних встреч с читателями Гавриил Николаевич сказал, что жить жизнью народа — его горестями и радостями — это самая большая правда для литератора. Сказал спокойно, но твердо. В этих словах — смысл и содержание жизни, творчества, работы Г. Троепольского.

Феликс МЕДВЕДЕВ

И ГОНЯТ БРАК

Так совпало, что и второе письмо — отклик на огоньковскую публикацию «И гонят брак» — относится к Министерству лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности. Напомним, что читательница «Огонька» Г. Левандовская и редакционный комментарий к письму («Огонек» № 39 за 1980 год) говорили о низком качестве ленты для пишущих машин, которая выпускается объединением «Союз». Эта публикация рассмотрена в Государственном комитете СССР по стандартам. В полученном редакцией ответе говорится: «В статье подняты актуальные вопросы, связанные с качеством продукции. В целях повышения качества и улучшения технических характеристик лент органами Совета Экономической Взаимопомощи разработан и утвержден стандарт «Ленты красящие для пишущих машин», в котором предусмотрены основные показатели, обеспечивающие выпуск лент высокого качества для пишущих и вычислительных машин. Требования этого стандарта СЭВ внесены в ГОСТ и введены в действие. Приведенные в статье факты поставки некачественных лент свидетельствуют о грубом нарушении требований Государственного стандарта и технологии производства лент для пишущих и вычислительных машин на московской фабрике технических бумаг «Союз».

В связи с этим Госстандарт дал указание Московскому центру стандартизации и метрологии провести проверку качества лент для пишущих и вычислительных машин, соблюдения технологии и требований и принять соответствующие меры».

Пока мы не знаем результатов этой проверки. Зато известна точка зрения Всесоюзного промышленного объединения по производству и переработке бумаги и картона «Союзбумизделия». Начальник этого объединения Н. Н. Тупицын полагает, что в ранее присланных в «Огонек» письмах министерство уже достаточно полно объяснило все вопросы, связанные с выпуском ленты для пишущих машин и копировальной бумаги. Однако эти объяснения не смогли улучшить качество продукции — поэтому-то журнал и опубликовал письмо читательницы «Огонька». Тов. Тупицын сообщает, что автору письма дан ответ и ей высланы ленты 13 и 16 миллиметров. Помимо того, начальник «Союзбумизделия» информирует, что Госснабом СССР объединению «Союз» выделено всего 2,2 миллиона метров основы хлопчатобумажной ткани при потребности на полный объем производства 3,2 миллиона метров».

К сожалению, в письме обходится вопрос о производстве ленты на синтетической основе, а также то обстоятельство, что выпускаемую продукцию далеко не всегда отличает высокое качество. Во всяком случае, при сравнении с лучшими образцами ленты и копирки продукция объединения «Союз» заметно уступает.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Читателям «Огонька» будет, мы полагаем, интересно узнать, что наконец-то принимаются конкретные меры, направленные как на улучшение торговли изделиями оргтехники, так и на выпуск всей гаммы таких изделий. Надо сказать, что Главторг Мосгорисполкома пытается решить эту проблему — и делает это основательно. Но все же в действиях Главторга ощущается некая осторожность, которая объяснима, когда узнаешь, что промышленные министерства не спешат с выпуском не только новинок, но и уже известных изделий. По-видимому, в Главторге рассуждают так: будет магазин, а где взять для него соответствующий товар? Опасения эти обоснованны — свидетельством тому стало и письмо тов. Никольского, который вовсе ничего не говорит о новом магазине (об универсальном магазине!), который всю аргументацию ответа и всю его информацию строит на уже открытом на Большой Дорогомиловской магазине беловых товаров; он, по сути, стал магазином фирмы «Восход», и в нем, что понятно, нет и десятой доли выпускаемой в стране оргтехники. Хорошо, конечно, что фирменный магазин будет изучать спрос и отзывы, но хотелось бы знать мнение Министерства лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности: каково его отношение к этому первому универмагу оргтехники? «Огонек» вел разговор именно о магазине универсальном (повторим это). Какие товары оно хотело бы и могло бы предложить именно для этого прилавка? Впрочем, с таким же вопросом следует обратиться и в другие ведомства: в Министерство промышленности средств связи с просьбой ускорить выпуск диктофонов; в Минприбор, в Министерство химической промышленности СССР, а также в министерства местной промышленности союзных республик.

БЫТЬ МАГАЗИНУ

В публикации «Быть магазину» («Огонек» № 33 за 1980 год) сообщалось о том, что Главное управление торговли Мосгорисполкома внесло в Исполком Московского Совета предложение о закреплении помещения по улице Палиха (угол Тихвинской) для организации специализированного магазина по продаже товаров современной оргтехники. Площадь будущего магазина — более 2000 квадратных метров. Предполагается, что это будет первый крупный специализированный магазин для пишущих, в котором можно будет не только приобрести авторучку, деловой блокнот, диктофон, пишущую машинку, но и всю гамму «мелочей» — от добротной стирательной резинки до корректирующей бумаги, которая быстро и совершенно без хлопот помогает избавиться от машинописной опечатки, от ненужной буквы или знака.

Что касается товаров для проектируемого магазина, то, в частности, письмо из Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления сообщало о расширении выпуска изделий организационной техники, а из Министерства промышленности средств связи написали о подготовке к выпуску кассетного диктофона «Велс».

Редакция попросила также и бывшее Министерство целлюлозно-бумажной промышленности ознакомиться с публикацией. В полученном нами письме заместителя министра Н. Г. Никольского говорится:

«Министерство целлюлозно-бумажной промышленности рассмотрело статьи в журнале «Огонек» «Будет ли фирменный магазин?» и «Быть магазину». В целях улучшения потребительских свойств товаров, вырабатываемых для оргтехники, осуществлен ряд мер, направленных на улучшение качества лент для пишущих машин, бумаги копировальной. Разработаны и выпускаются более 150 артикулов блокнотов, в том числе и деловые блокноты, календари, карточки каталожные и др.

В 1980 году освоена технология производства бумаги корректирующей, первая промышленная партия бумаги по разнарядке Минторга поступает в продажу.

Министерство целлюлозно-бумажной промышленности совместно с Минторгом СССР организовало фирменный магазин в Москве по продаже бумажно-беловых товаров отрасли и сопутствующих школьно-канцелярских товаров. Магазин входит в состав московской фирмы «Восход» и функционирует с июня 1980 года. Годовой объем товарооборота магазина 2,55 миллиона рублей.

Предусматривается через этот фирменный магазин изучать спрос на товары и отзывы покупателей по качеству продукции в целях расширения ассортимента и лучшего удовлетворения спроса на бумажно-беловые товары».

СНОВА О КОНКУРСЕ

ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЬНИЦЫ КОММЕНТИРУЮТ СПЕЦИАЛИСТЫ. НО ВОПРОС ОСТАЕТСЯ ОТКРЫТЫМ.

С чего это началось и почему так получилось, что машинистки — представители такой массовой и такой нужной профессии, оказались обойденными соревнованием? Мы сейчас выяснять это не будем, но заметим, что именно поэтому письмо читательницы «Огонька» предполагало, что ответить на него следует с возможно большей обстоятельностью. Сначала само письмо:

«В июльском (№ 28) номере журнала за 1979 год я прочитала о чемпионке мира по машинописи и очень заинтересовалась. Хотелось бы узнать, почему у нас в Советском Союзе не проводятся подобные соревнования и будут ли проводиться. Дело в том, что у нас в стране есть много хороших машинисток, которые могут посоперничать с Гизелой Эберсбах и другими победителями мировых чемпионатов. Я работаю в ГПИ «Кавказгипропромсельстрой» зав. машинописным бюро, печатаю на машинке «Украина-2» и делаю в секунду 10 ударов...

Р. Г. ЖМАЯЛОВА

Тбилиси».

Редакция поинтересовалась мнением ВЦСПС по этому поводу. Заместитель заведующего отделом социалистического соревнования и производственно-массовой работы В. Т. Булов сообщает, что «вопрос об организации конкурсов машинисток рассмотрен в отделе ВЦСПС. По нашему мнению, подобные конкурсы целесообразно проводить в организациях, имеющих большое число работающих по данной профессии (в частности, в издательствах, где количество машинисток составляет около шести процентов среднесписочного состава). В настоящее время Всесоюзным научно-исследовательским институтом документоведения и архивного дела разработаны Типовые условия конкурса профессионального мастерства машинисток, которыми следует руководствоваться при организации подобных конкурсов».

Популяризацией машинописи и ее совершенствованием призвана заниматься секция стенографии, машинописи и делопроизводства Педагогического общества РСФСР. Поэтому редакция направила в эту секцию письмо тов. Жмайловой с просьбой высказаться по интересующему читательницу вопросу. Однако заместитель председателя президиума Центрального совета Педагогического общества РСФСР В. И. Пилипенко ограничился информацией: «Содержанием работы секции является изучение, обобщение лучшего опыта преподавания, пропаганда передовых методов работы, повышение идейно-политического и профессионального уровня преподавателей стенографии, машинописи и делопроизводства, оказание практической помощи соответствующим секциям республиканских (АССР), краевых и областных отделений общества. В Москве и местных отделениях педагогического общества, где имеются аналогичные секции, ежегодно проводятся конкурсы на лучшую машинистку, стенографистку среди учащихся».

И ни слова по существу письма Р. Г. Жмайловой: нужны ли, по мнению секции, конкурсы машинисток в масштабе страны? Почему такие соревнования у нас не проводятся? Ведь ограничивать их масштабом «местных отделений общества», да и то в узком кругу — «среди учащихся»,— не хотелось бы. Кстати, что успели выявить такие, видимо, небольшие конкурсы-соревнования?

Словом, вопрос остается без ответа: будут ли конкурсы машинописи такого масштаба, чтобы они помогли выявить лучших машинисток — в городах, областях, в республиках, а затем и в масштабе страны? Теперь уже печатно, со страниц журнала мы просим вернуться к рассмотрению письма тбилисской машинистки.

ТЕАТР ДЛЯ ВСЕХ РЕБЯТ

Сергей Владимирович Михалков с детьми.

— У вас, ребята, самая лучшая литература и самые лучшие театры,— сказал Сергей Владимирович Михалков, приветствуя всех собравшихся в зале московского детского музыкального театра на открытии первой всесоюзной и седьмой всероссийской недели «Театр — детям и юношеству».

Большое театрализованное представление показали устроители «недели»: отрывки из лучших столичных спектаклей, кадры документальной хроники. Выступали мастера советской сцены — народные артисты РСФСР Ю. Каюров и Н. Подгорный, заслуженные артисты РСФСР Л. Семеняка, В. Анисимов... Бурными аплодисментами встретили народную артистку СССР Анастасию Платоновну Зуеву.

Выступает Анастасия Платоновна Зуева.

День открытия «недели» стал настоящим праздником для ребят всей нашей страны. Во всех больших городах в этот день — и всю неделю- в театрах шли лучшие детские спектакли. Многие театры приготовили к этому времени премьеры.

Т. НИКОЛАЕВА

Фото А. Бочинина

КУБОК «ОГОНЬКА» У Р. ДАСАЕВА

В почетный строй лучших вратарей страны и обладателей Кубка «Огонька» встал еще один страж футбольных ворот — Ренат Дасаев.

Два десятилетия журнал «Огонек» в конце каждого футбольного сезона определяет лучшего вратаря. За эти годы Кубок «Огонька» вручался Л. Яшину (трижды), В. Маслаченко, Е. Рудакову (трижды), В. Банникову (дважды), А. Кавазашвили (дважды), А. Прохорову (дважды), С. Котринадзе, Ю. Пшеничникову, В. Пильгую, В. Астаповскому, Ю. Дегтяреву, О. Габелия. И вот определилось имя лучшего вратаря сезона 1980 года.

Три года назад двадцатилетний вратарь команды «Волгарь» из Астрахани Ренат Дасаев пришел в команду «Спартак» и за этот небольшой срок стал одним из самых перспективных голкиперов страны, первым вратарем сборной СССР. Конечно, спортивный путь молодого спортсмена не всегда усыпан розами, бывают у него и неудачи, обидные промахи, но общий итог в его пользу. Защищая ворота «Спартака», он внес свой немалый вклад в победу в прошлом сезоне и, проведя все 34 матча в нынешнем году, помог своей команде завоевать серебряные медали. Достаточно уверенно проводит он игры и в сборной команде страны.

Редакция журнала «Огонек» желает своему лауреату новых больших успехов.

Авария

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

Иван Сергеевич Томин лежал на берегу Средиземного моря и задумчиво загребал песок босыми ногами.

— Вода не очень холодная?— услышал он мелодичный голос. Томин живо обернулся и увидел высокую интересную женщину с фигурой лучше, чем у его родной жены. Он пригляделся и узнал Софию Лорен. Но в этот миг набежавшая волна обожгла Ивану Сергеевичу холодом пятки.

— Черт, чего это она такая холодная?— вскрикнул он, отдернул ноги. И... проснулся.

Его комната была полна воды, словно огромный аквариум, в котором вместо рыбок плавали, лениво помахивая хвостами, носки Ивана Сергеевича, его любимый переливающийся галстук, чулки жены, еще какая-то мелочь. Откуда-то из дальнего угла стремительно, как акула, вынырнули брюки с хищно распахнутой пастью, проглотили носки и, подхваченные мощным потоком, понеслись в коридор охотиться за зазевавшейся мелюзгой. Вода подступала уже к самому краю кровати, лизала свесившуюся пятку Томина и норовила сорвать с него и отправить в дальнее плавание плюшевое одеяло.

— Тону!— закричал Иван Сергеевич, вскакивая на подушку и становясь похожим на княжну Тараканову.— Наводнение! Нас затопляет!— Жена тоже вскочила и заметалась по комнате.

— Надя, выноси хрусталь и деньги!— командовал со своего капитанского мостика Томин.— Мама, наденьте на детей все самое дорогое и плывите с ними к выходу! Пробивайтесь на крышу! Я сейчас сообщу о наводнении в милицию. Пусть срочно высылает вертолет!

— Какое там наводнение!— сердито сказала вошедшая в спальню теща, рассекая волны могучим, как линкор, телом.— Просто в ванной труба лопнула!

— Труба?— обрадовался Иван Сергеевич.— Значит, не стихийное бедствие?! Ну, это еще ничего! Тогда так: Надя, сноси хрусталь на шкаф! Деньги и детей давай мне! Вы, мама, включайте пылесос! Попробуем откачать воду. А я пока позвоню в жэк, слесаря вызову.

— Я уже звонила в диспетчерскую,— отозвалась теща, пытаясь достать из-под кровати пылесос.— Там никто не отвечает.

— Тогда вызову аварийную!— решительно заявил Томин.

— Туда я тоже звонила. Они сказали, что раньше девяти утра приехать не могут. Все машины в разъезде.

— Та-ак...— слегка растерялся Иван Сергеевич.— Что же делать будем?.. Надя, ты кончила с хрусталем? Тогда бери детей и ведра и начинайте вычерпывать воду. Мама, вы еще не достали пылесос?.. Нет-нет, так у вас ничего не получится! Вы зажмурьтесь и поднырните под кровать!.. А я пока постараюсь заткнуть чем-нибудь трубу. Надя, дай мне кусок брезента побольше!.. Что ты мне дала?! Это же немецкий гобелен! Неси обратно!..

Иван Сергеевич присел, отважно спрыгнул в пучину и решительно направился в ванную. Из трубы фонтаном била вода.

— Ах, черт, что ж делать, а?! Ведь все имущество ко дну пойдет! Столько лет наживали — и все рыбам на прокорм?! Ну, нет!

В эту трудную минуту Иван Сергеевич вдруг вспомнил, что моряки в критической ситуации закрывают пробоину своим телом. Томин поежился. Он поцеловал жену, прощально помахал рукой детям и, бросившись к трубе, опустился на нее всей тяжестью своего тела. Струя булькнула, всхлипнула и иссякла.

В это время теща включила наконец пылесос и принялась откачивать воду. Жена взялась за ведро, дети вычерпывали тазиком.

— Поживей, поживей!— командовал Иван Сергеевич.— Вода ледяная, холодно сидеть!

К утру всю воду вычерпали. Жена насухо вытерла пол, теща побежала звонить в аварийную. В ванную она вернулась растерянная.

— Тот дежурный сменился, а новый сказал«.. что сегодня суббота...

— Ну и что?— нетерпеливо перебил Томин.

— Оказывается, в субботу они не выезжают. У них только одна машина, и они держат ее на случай серьезной аварии.

— А у нас что же, несерьезная?!— сердито вскочил Иван Сергеевич. В тот же миг из-под него со звоном вырвалась ледяная струя. Томин выругался, как профессиональный боцман, и снова оседлал трубу.

— Они просили нас продержаться до вечера,— поджала губы теща.— Если у них будет все спокойно, то они пришлют машину.

...Вечером дежурный аварийной службы ответил теще, что машина на объекте, и попросил передать Ивану Сергеевичу, чтобы он продержался до утра.

На следующий день уже все на аварийной знали о поступке Томина. В воскресенье утром очередной дежурный сказал по телефону, что он восхищается мужеством и находчивостью Ивана Сергеевича, но что помочь, к сожалению, пока не в состоянии, потому что сейчас у них дежурит ученик, и если он придет, то может быть еще хуже, а пока на посту находится товарищ Томин, они там, в аварийной, совершенно спокойны, так как знают, что это гораздо надежней. Они просили позвонить часа в четыре, потому что к этому времени должен заступить на дежурство опытный мастер, который к Ивану Сергеевичу приедет вне всякой очереди.

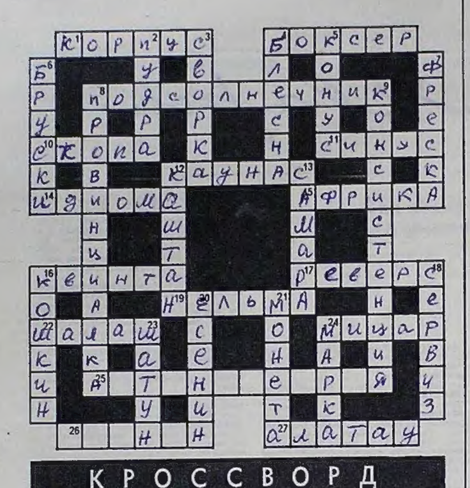
В четыре часа сообщили, что мастер заступил, но что у него нет нужных инструментов, так как кладовщик в воскресенье выходной. Дежурный попросил потерпеть до понедельника и сказал, что он собирается написать о благородном поступке товарища Томина в свою многотиражную газету и что такие люди украшают жизнь. Жизнь работников аварийной службы.

...Мастера приехали в среду. Они быстро взбежали по лестнице и энергично позвонили.

— Наконец-то дождались!— сердито проворчала теща, открывая дверь.— Хоть сегодня-то почините трубу?

— Сегодня некогда, мамаша!— отмахнулись аварийщики.— Мы вам пока просто воду перекроем, а починим как-нибудь в другой раз. Не обессудьте, торопимся. Нам поручили срочно перебросить товарища Томина на более важный объект...

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Войсковое соединение. 4. Порода собак. 8. Масличное растение. 10. Основная ритмическая единица стихотворной речи. 11. Тригонометрическая функция. 12. Город в Литве. 14. Словосочетание, свойственное только определенному языку. 15. Материк. 16. Музыкальный интервал. 17. Оборотная сторона медали, монеты. 19. Лососевая рыба. 22. Палатка из жердей, покрытых ветками, соломой. 24. Двойная звезда в созвездии Большой Медведицы. 25. Раздел геофизики. 26. Химический элемент. 27. Название ряда хребтов в Средней Азии и Сибири.

По вертикали: 2. Косметическое средство. 3. Ремень, на котором водят охотничьих собак. 4. Искусственная приманка для рыбы. 5. Геометрическое тело. 6. Роман Ф. И. Панферова. 7. Живопись по сырой штукатурке. 8. Пьеса И. С. Тургенева. 9. Степень густоты вязких жидкостей. 12. Дерево семейства буковых. 13. Приток Волги. 16. Действующее лицо пьесы К. А. Тренева «Любовь Яровая». 18. Полный набор столовой или чайной посуды. 20. Автор поэмы «Баллада о двадцати шести». 21. Металлический денежный знак. 23. Деталь кривошипного механизма. 24. Знак оплаты почтовых, гербовых сборов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали: 2. Саванна. 4. Прокофьев. 8. Квинтэссенция. 12. Библиотека. 14. Концертино. 15. Процион. 16. Чудра. 17. Кислота. 18. Суматра. 20. Осмий. 21. «Контора». 25. Состязание. 26. «Гимназисты». 28. Вискозиметрия. 29. Инфинитив. 30. Ахундов.

По вертикали: 1. Задонск. 2. Спринтер. 3. Апеннины. 5. Автопогрузчик. 6. Нивелирование. 7. Глиэр. 9. Нонет. 10. Плацкарта. 11. Столетник. 13. Алуксне. 14. Картинг. 19. Уголь. 22. Ратин. 23. Анаконда. 24. Дмитриев. 27. Пианино.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Москва.

Фото Дм. Бальтерманца

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Печные изразцы. XVIII век * Терракотовый изразец «Лев». Москва. XVI век * Фрагмент камина. Абрамцевская мастерская. Конец XIX века * Керамическое панно «Распятие» из Борисоглебского собора в городе Старица. XVI век * «Павлин». Фрагмент камина из дома М. С. Кузнецова в Москве. Конец XIX — начало XX века * «Птички». Многоцветный рельефный изразец (из декора колокольни церкви Николы Явленного в Москве). XVII век * Камин. Абрамцевская мастерская. Конец XIX века. (См. в номере материал «Русский изразец»).

Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 17.11.80. Подписано к печати 02.12.80. А 00463.
Формат 70×108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2761. Заказ № 3250.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Фото Ю. Щенникова и Ю. Белинского (ТАСС)

РОЖДЕНИЕ МУЗЕЯ

Ленинград — город, стоящий у моря. Но лишь недавно окнами новых кварталов, выросших на берегу Финского залива, заглянул он в туманные балтийские дали. А в начале века едва ли не по пальцам можно было пересчитать дома, с верхних этажей которых открывался или хотя бы угадывался за теснотой заводских корпусов бесконечный, наполненный вечным движением торопливых волн простор.

В одном из таких домов, «в доме сером и высоком у морских ворот Невы», на Офицерской, 57, жил Блок. Из окна его кабинета за мягким изгибом тихой Пряжки был виден частокол возвышавшихся над эллингами мачт.

Очарованный Блоком, я впервые постучался в его бывшую квартиру лет двадцать назад. Был принят вежливо, но несколько устало, ибо мысль, показавшаяся мне счастливой, не была таким уж большим счастьем для хозяев: сюда стремились слишком многие. И неловкий визит запомнился лишь алой звездочкой одинокой гвоздики, оставленной у дверей кем-то из еще более робких визитеров.

Праздник пришел лишь сейчас: по светлой, затянутой зеленой дорожкой лестнице я поднимаюсь на четвертый этаж и, тронув надраенную до солнечного сияния тяжелую медь, переступаю заветный порог. Переступаю вслед за Ахматовой и Маяковским, Есениным, Станиславским, Мейерхольдом... И вижу то, что видели некогда они,— теплый уют высоких комнат, приметных удивительной, столь свойственной Блоку во всем чистотой. Гостиная, спальня, столовая, кабинет... Все, как было при нем, и за всем видится кропотливая, любовная работа многих людей, по крупицам, по обрывкам воспоминаний воссоздавших реальную, лишенную искусственного музейного глянца обстановку жилой квартиры.

Сорок лет назад, после смерти жены поэта Л. Д. Менделеевой-Блок, его библиотека, мебель, личные вещи, рукописи были переданы Институту русской литературы АН СССР (Пушкинскому Дому). Это, конечно, в немалой степени облегчало задачу, но возникали и трудности, потребовавшие участия не только историков, литературоведов, но и людей, казалось бы, далеких от сугубо музейных забот. Так, в частности, получилось с обоями. Какими они были в 1912 году, когда Блок переехал в свою новую, отремонтированную по его указаниям квартиру?

С поистине археологической кропотливостью, слой за слоем снимались со стен напластования более чем ста лет (дом построен в 1874 году). И по обрывкам датированных газет, придирчиво сопоставленных с описаниями современников, удалось-таки точно выйти на нужный слой. С полученными образцами поехали на Ленинградскую обойную фабрику, где реставраторов ожидало полное разочарование: старые валы, с помощью которых делались эти обои, давным-давно уничтожены. Однако поездка не оказалась напрасной. Важность начатого дела доказывать не пришлось — обойщики точно воссоздали требуемое, успешно выполнив особый заказ «для Блока».

Подобных примеров множество. Ибо не просто усилиями специалистов, но поистине всенародной любовью создавался литературный музей.

Здесь нет ни случайных книг, ни случайных, просто соответствующих заданным датам вещей. Каждая — подлинник, каждая будит воспоминания. Репродукция мадонны Сассо-Феррато куплена Блоком в Италии, потому что мадонна показалась ему очень похожей на Любовь Дмитриевну. Старинный диван, доставшийся в наследство от деда, ректора Петербургского университета Андрея Николаевича Бекетова, знаменит тем, что на нем, по семейным рассказам, любил сиживать Федор Михайлович Достоевский. Письменный стол... За ним созданы «Скифы», «Двенадцать», «Соловьиный сад», завершены «Ямбы», здесь, в этом кабинете, родился цикл, посвященный «Кармен», главы из поэмы «Возмездие», драма «Роза и крест».

«...Может ли интеллигенция работать с большевиками?–Может и обязана!» Это тоже продумано, выстрадано здесь... Отсюда и сам поэт ушел в революцию.

Ушел, чтобы навсегда остаться в нашей благодарной памяти.

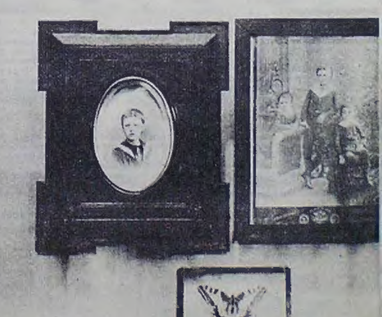
О. ПЕТРИЧЕНКО

Ленинград.

Реликвии.

Кабинет А. Блока.

Столовая в музее-квартире.

В музей пришла Елена Эрастовна Блок, родственница поэта.

Один из залов музея.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

ISSN 0131—0097